

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:
М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)
А. Г. Байбородин (Иркутск)
П. В. Басинский (Москва)
А. В. Кирилин (Барнаул)
В. М. Костин (Томск)
А. К. Лаптев (Иркутск)
Г. М. Прашкевич (Новосибирск)
Р. В. Сенчин (Екатеринбург)
М. А. Тарковский (Красноярск)
А. Н. Тимофеев (Москва)
А. Б. Шалин (Новосибирск)

Владимир Титов
ответственный секретарь

Михаил Косарев
начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова
редактор отдела художественной литературы

Лариса Подистова
редактор отдела художественной литературы

Михаил Хлебников
начальник отдела общественно-политической жизни

Евгения Акимова
редактор отдела общественно-политической жизни

Дмитрий Карасёв
редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Т. Л. Седлецкая
Верстка: О. Н. Вялкова

10/2022

Содержание

ПРОЗА

Андрей ЛОМОВЦЕВ. Черные сестры. Повесть.	3
Игорь АЛЕКСЕЕВ. Рыба бьется об лед. Повесть.	62
Вячеслав ЛЯМКИН. К своей земле. Рассказ.	95
Юлия БОДНАРЮК. Миротворец. Рассказ.	113

ПОЭЗИЯ

Юрий КАЗАРИН. В акустическом зазоре. Стихи.	57
Павел СИДЕЛЬНИКОВ. Пластмассовый соловей. Стихи.	93
Екатерина ПЕШКОВА. Покой безусловный. Стихи.	111

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Александр АГАЛАКОВ. «Печальной памяти Висман»: история первого новониколаевского полицмейстера.	130
Константин ГОЛОДЯЕВ. Взлет и падение Сибгосоперы.	148
Кристина АНДРИАНОВА. Три ноты гимна ЧВК.	167

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Валентина СЕМЕНОВА. История отступничества в зеркале поэзии. Заметки о книге Станислава Куняева «К предательству таинственная страсть...»	174
--	-----

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ «СИБИРСКИХ ОГНЕЙ»

Владимир ЧИРКОВ. Живописец милостью Божьей	
Валентин Кукуйцев. Искусствоведческие письма.	187

Авторы номера	191
----------------------------	-----

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни»» М. Н. Щукин.

Андрей ЛОМОВЦЕВ

ЧЕРНЫЕ СЕСТРЫ

Повесть

Арина

В день похорон шел снег. Стоянку перед кладбищем замело, и машины, пытаясь, расталкивали сугробы, выстраиваясь рядами вдоль железной изгороди. Дальше провожающие шли пешком. Шептались в стороне люди в шинелях. Переминались, притопывая сапогами, подмерзшие солдаты с карабинами. Два мужика в черных бушлатах поспешили с лопатами вперед — расчищать путь.

Из автобуса подали гроб, накрытый триколором.

Арина смотрела на похоронную процессию сквозь пелену слез. Ее знобило. Кто-то поддерживал ее под руку, ноги постоянно подгибались, и хотелось присесть. В воздухе всплывали темные фигуры; слышались голоса, всхлипы — и все тонуло в монотонном басы священника. Батюшка раскачивал кадиллом, гудел, точно трансформаторная будка. Арину тошнило от запаха ладана, от крепкого чая на голодный желудок и жуткой нелепости происходящего. Двое суток она не ела — не могла: боль стучала в затылок и невидимое сверло вгрызалось в висок. И не спасали таблетки.

«Прости, прости меня, папочка! Только я во всем виновата, только я...»

Она никогда не называла его папочкой, всегда — отец, но не сегодня. Горе разрывало ее изнутри, выжигало до пепла и закручивало пепел в спираль.

«Я хотела как лучше... только помочь... Почему так? Зачем ты?.. Чертова бабка!»

Арина не могла сосредоточиться, собраться, проанализировать, что произошло, и решить, как жить дальше, так быстро все случилось, так стремительно.

...Первого сентября стояла сухая и солнечная погода, благодатное бабье лето, когда в зелени деревья и трава еще не окрасилась в желтый. В то утро Арина впервые выдвинулась на работу. Не в институт, как последние два года, а в книжный магазин на ВДНХ. В новую реальность. Институт стал называться для нее вечерним.

«А хорошо, не заочным!» — фыркнула Арина возле автобусной остановки и только тут вспомнила про телефон. Вот куда без него? И времени в обрез... Бегом обратно! Вдоль палисадника, заросшего травой, мимо залитой солнцем скамейки, мимо перевернутой урны, в темный вонючий подъезд, по заплеванной лестнице к лифту... И только кнопку нажала, едва распахнулись двери — сзади старуха кашляет. Ну та, что из угловой квартиры. Та, что никогда не здороваается.

Вошли в тесную кабину, встали по углам, и Арина, конечно, буркнула из вежливости:

— Доброе утро.

Ноль эмоций. Да и ладно.

Они сталкивалась с соседкой пару раз в начале лета, когда у Арины в квартире ремонт шел. Бабка заходила в лифт, утыкалась глазами в пол, разглядывала засохшие плевки, словно картины, и молчала. Из-под темного платка торчал нос, подбородок с родинкой, из которой волос вился. Противная! И запах исходил от соседки такой, точно та недавно грядку копала: земляной духан, сыроватый, с нотами прелой травы. Так из погребка несло, когда маленькую Арину дед брал туда за картошкой. Сделаешь два шага по ступеням вниз — обдаст лицо сыростью, и душа в пятки, и дальше спускаться не хочется...

И тут вновь у Арины в голове всплыл вопрос: откуда возвращается бабка в такую рань? Вариантов возникала масса, правильного не угадать, и даже пытаться не стоит.

Неохота было со старой каргой в лифте торчать, но и на двенадцатый этаж пешком переться мало удовольствия. Арина с рождения не переваривала физических нагрузок. Мать говорила, она и в младенчестве спала сутками напролет, как хомяк. Поест — и спать, ноль движений. Так и пошло по жизни: не любит Арина ни лыжи, ни коньки, ни атлетику и в школе всегда уроков физры избегала. Вот и пришлось ей терпеть бабку, отворачиваться в сторону и дышать через раз.

Пока лифт ползет, как черепаха, много чего переделать можно. О погоде поговорить, например, о здоровье справиться, но со старухой болтать желания не возникало. Лучшим занятием в таких ситуациях Арина считала анализ личности в качестве тренировки. Хотя эту бабку Арина уже в первую встречу разложила по полочкам. Определила ее психопортрет по двум методикам: классической, понятной и скучной, — характер по чертам лица, род занятий и возможные привычки, — и по методу типажей профессора Комаровой, завкафедрой института, где Арина училась.

Софью Абрамовну она обожала, лекции ее разбирала по предложениям, ничего не пропало даром. Особенно плотно засели в памяти интер-

претапии типажей женщин, мужчин да бабок вот. Профессорша про психотипы забавно рассказывала, с юмором, переплетая психологическую линию с житейской.

Вот сейчас, например, некоторые типажи из списка профессорши Арина сразу отмахнула: классическую Бабку, Старую фитнес-леди, Железную леди, Бабку-тролля, Коммунистку и Бабку скамеечную. Ничего общего с соседкой не нашлось. А вот образ Бабки — вещи в себе — подходил. Даже по описанию схоже выглядела. Чуть сгорбленная, космы сединой насквозь пробиты, платок с узлом под подбородком, кофта коричневая с цветами. И взгляд мутный из-под густых бровей. Палка опять же — деревянная, с лакированной ручкой. Руки узловатые со вспухшими венами.

С виду вроде безобидная бабка, а жутковато. Что у нее на уме, непонятно.

Лифт, дрожь, медленно полз вверх.

Странные у старухи руки. На запястьях и выше кожа, словно обожженная, в мелких красных пузырьках, которые нитями разбегаются, будто паук в районе локтя притаился. Арина вздохнула нервно: она жутко пауков боялась, а еще змей и мышей всяких. Даже если в интернете изображения их видела, сразу страницу пролистывала: противно.

Арина перевела взгляд на бабкины пальцы. Кожа на них в черную точку, будто молью изъедена, а вот ногти, что удивительно, полированные, филигранно обработаны и под черным лаком. Мысль еще мелькнула: хороший у бабки мастер, кстати. А цвет лака — как у Лизки, Ариной сестры.

Сколько бабке лет — чуть за восемьдесят или под девяносто, — на вид было не угадать. Волосы седые, нечесаные. Чем занималась по жизни? Физическим трудом, судя по рукам. Явно не интеллектуалка. В советские времена переехала, небось, в город из села, где в коровнике вилами сено перебрасывала или в поле орудовала лопатой. Следить за собой тогда не привыкла, а сейчас-то и подавно сил нет — возраст, что тут скажешь. Вот и ходит в одном и том же, пованивает. Чем сейчас занимается? Может, от безделья поклоны бьет в церкви, все они, бабки, набожны. Или по поликлиникам шастает. Туда как ни зайдешь — сидят такие вот вдоль стеночки, последние сплетни обсасывают...

Бабка подтянула губы в усмешке, будто услышала, и Арина заволновалась. Не нравилась ей соседка: жутким от нее веяло, нездоровым.

«Пешком бы надо на двенадцатый этаж, жир растряпать, — подумала Арина. — А то застряну в душевой кабине, да и задохнусь в этой вони бабкиной». Правильнее было бы сказать «не дай бог, застряну», но Арина словечки типа «бог», «господи» и прочие подобные старательно игнорировала. Это мать их часто изрекала по делу и без, а Арина терпеть не могла. Нет ни Бога, ни дьявола, ни ада, ни рая! Придумки, мифы да легенды. Тут она полностью поддерживала позицию отца, убежденного атеиста.

Лифт скрипел тросами, ехал еле-еле, словно засыпал. Арину ситуация напрягала, и она пристукивала носком туфли по полу, чтобы сбросить раздражение. Куча дел запланирована. Первый день на работе. Ответ из клиники Маршака должен прийти — по трудоустройству, ведь не дело студентке психфака в книжном отираться.

И вдруг — раз! — мысли как обрезало, точно на паузу сознание поставили. Арину пробил легкий озноб, словно не сентябрь во дворе теплом разлился, а ноябрьская поземка снежинки гоняла. Старуха ладонь сухую, с птичьей лапкой схожую, подняла, будто к вниманию призывая, и забубнила.

Голос вкрадчивый, мягкий на удивление:

— Три души квартира ваша забрала. Семейка занятная там проживала. В аристократов играли: носы кверху, щеки раздуты, знать никого не знаем. Зойка, хозяйка, певичкой была, известная особа в городе. Первый муж архитектором служил, с народом на «ты», с властью за руку. Деньги, «Волга», дача за городом... Красивый, помнится, был. Губастый, худой, точно трость, и на аккордеоне играл. Нравился мне сильно, почти влюбилась. Но подлец! И ушел рано, сорока не стукнуло. С ним и кончилась благодать. Последние годы Зойка в винном отделе водку отпускала страждущим. Да и сама увлекалась напитком-то... Как умудрилась певичка вниз скатиться? Известно — алкоголь. Я до переезда сюда с Зойкиной матерью крепко дружила. В поселке Фабричном жили тогда, неподалеку отсюда. Бабку ее стервозную застала. Бабка слаба была на передок, про то вся округа знала. Так вот, Зойка в нее пошла...

Соседка растянула уголки губ, вздохнула и продолжила, отщипывая воспоминания по кусочку:

— После архитектора в Зойкиной квартире разные мужики появлялись. Да все исчезали. Серые, невзрачные, мимолетные. Последний сожитель, Васька Гондон, на заводе слесарил. Вор — клейма ставить негде! Но веселый. Презервативы таскал, что на фабрике делали, и, как шарик, детям надувал ради смеха. За то и кличку получил.

Лифт проехал пятый этаж, а может, и седьмой, скрипнул тросами, всхлипнул металлом, моргнул кнопкой. Из угла до тошноты воняло сса-нем, но Арина уже не чувствовала — заслушалась. Увлекательно бабка рассказывала, прямо как Софья Абрамовна на лекциях.

— Трех Зойка выносила, от разных отцов. Пока певичкой трудилась — жизнь до краев плескалась: концерты, выступления, цветы да овации, поклонники под окном толпами. А потом — только водка булькала. Тут не до детей. Уличными росли. Шпана, одно слово. Улица разве научит хорошему...

Арине казалось, что время застыло. Старуха все говорила и говорила, а лифт все ехал и ехал.

— Двое сейчас в живых остались, и те пьянь пьянью. А ведь любознательными росли, ироды! Все сады и домишки в округе подчистили.

Старшие в тюрьме сидели, а младший в колонии столовался, возвращения их поджидая.

Тут бабка подняла руку, постучала полированным ногтем о стенку лифта.

— Всех, засранцев, помню! Все получают, что причитается!

С таким металлом в голосе она это «помню» отчеканила, что Арине спину холодом окатило. Кому причитается и что конкретно?

Старуха платок поправила и заговорила снова, не глядя на собеседницу:

— Когда птенцы Зойкины вернулись, закрутилось представление с новой силой. Цирк ежедневный: пляски, песни, кулачные бои и милиция на выходе. И так, пока Зойка в ванной не повесилась. Аккурат в день рожденья, на бельевом шнуре. Лицом, говорят, почернела, под ногтями кровь — плитку, умирая, царапала... Слух был, клялась в тот день завязать с водкой. Так ведь выполнила обещание...

Кабина встала. Арина решила — двенадцатый — и аккуратно локтем кнопку «стоп» поджала, уж очень хотелось дослушать историю.

Старуха не заметила, сплевывала слова, точно семечки:

— Присмирели циркачи ненадолго — видать, сил набирались. И давай куролесить по новой! Васька Гондон в петлю нырнул через месяц, на ноябрьские. На лоджии. Все на демонстрацию шагнули, а он — на тот свет. Меня как понятую пригласили. Захожу — братья по комнатам мешками валяются в умат пьяные, а Васька — в петле. Седой, точно старик, язык синющий вывернул, и лужа под ногами кровавая, обоссался кровью. Да, вот такие подробности помню. Будто вчера было. Так едва узнала Ваську-то. И только его на погост отнесли — следом через неделю Алешка сволочной...

Дослушать не получилось. Старуха замолчала и аккуратно так, без стонов и восклицаний, сползла на пол. Задницей прямо в угол, облюбованный местной алкашкой для отправления нужды. Руки раскинула, палка в сторону, глаза в потолок.

У Арины мгновенно ладони вспотели. Что делать-то?! Скорая? Валидол? Искусственное дыхание?

— Бабушка, алё! Что с вами?

Не хотелось ей старуху трогать. На иссохших руках ни единой венки не проступало, а сыпь на запястье яркой стала, точно бузина спелая. Может, уже и пульса нет... Арина вдохнула поглубже, сморщилась. Уф, надо ж бабке помочь — одинокий человек, пожилой! Зажмурилась, взяла двумя пальцами старухино запястье — пульс проверить...

Бабка тут глаза открыла и хватать Арину за локоть! Крепко вцепилась, кожу словно крапивой прижгло, и шепчет:

— Рос Алешка поганцем, так и сдох сволочью! Но и я свое отдала... Помочь бы деточке, а? Ты ведь можешь! Вижу тебя насквозь, знаю, что справишься...

Арина едва сама на попу не села, подмышки сразу промокли. И тут ей как стрельнет болью в затылок, будто лопатой огрели! Она бабку отпустила, схватилась за голову, кнопки лифта в глазах поплыли. Подумалось: вспотела вот как мышь, придется майку менять, только стирала, менять майку, менять, меня, ме...

Двери лифта дергались — открывались и закрывались, точно заведенные. Арина глаза распахнула. Сидит в лифте, ноги меж створок застряли, зеленая туфля как будто в паутине испачкалась. Забавно... Почему она на полу? И где бабка? Может, очнулась и вышла? Ни «спасибо» тебе, ни «до свиданья»...

Арина поднялась. В голове шумело. Поташнивало, как с каруселей сошла.

«Вот черт, времени-то прошло сколько! Опаздываю!»

Пока заскочила за телефоном, лифт «угнали». Арина поскакала было вниз, прыгая через ступеньки, словно ребенок, но закружилась голова, закололо в виске — и она перешла на шаг, держась за пластиковые перила.

Переполненный автобус, толпа в электричке, опять автобус... И, естественно, в свой первый рабочий день она опоздала. Историю со старухой занесла на ближнюю полку памяти, чтобы позже, вечером, вспомнить и проанализировать чуть подробнее.

Семейное

Они купили эту трешку в начале мая. Кирпично-красный дом сползал от продуктового магазина к лесополосе на окраине Долгопрудного. Когда впервые пришли на осмотр, Арину поразили застоявшийся запах мочи в коридоре, обшарпанные стены и желто-коричневый прокуренный потолок кухни. Плитка в ванной вспучилась и угрожающе висела.

Отец — важный, в кителе, чтобы продавцы понимали, с кем дело имеют, — вразвалку ходил по комнатам, заглянул в каждый угол. Поковырял плитку в ванной, бочком протиснулся на балкон, постоял, приобняв довольную мать.

— Дворец, а не квартира! — подвел он итог и запустил струйку дыма в безграничное небо. — Всем по комнате — это ж мечта! Вычистим до доньшка, тут канители всего на пару месяцев. Сказка будет, а не квартира, за такие-то деньги!

Сделку провели быстро.

На время ремонта сняли крошечную конуру в пятиэтажке напротив, и все лето после сессии Арина проторчала на двенадцатом этаже. Попутно выяснилось, что денег в обрез и ремонт придется делать самим. Ради мебели и прочего влезли в кредиты, но это для их семьи было делом привычным.

Тогда-то отец и заявил, что дневной факультет Арины семья не потянет. Мол, на вечернем дешевле, да и на работу неплохо бы устроиться.

Лизка, сестра, ухмыльнулась злорадно:

— На бюджет надо было поступать! Стараться!

Арина не обиделась. Ну вот так сложилось с вузом. Лизке хорошо рассуждать: еще два года можно не париться, на гитаре брэнчать. Документы уже в новой школе. Взгрустнулось — два года студенческой жизни на ветер. Только с девчонками сдружилась, настроилась на одну волну: музеи, театры, лекции. И вот все с ног на голову: новый коллектив, иной распорядок.

Но, рассудила тогда Арина, просто такова ситуация. Не лучший поворот, но и не худший. На работу выйти — да не вопрос! Москва под боком, пристроюсь куда-нибудь. Учиться вечерами не сахар, но терпимо. Образование — главная на сегодня задача.

В файле Word она расписала жизнь до мельчайших подробностей. Цели, планы, сроки выполнения растянулись в строчках и столбиках на двадцать лет вперед. Представляла себе, как окончит магистратуру, как получит диплом под аплодисменты и восхищенные взгляды однокурсников. И вот собеседование в представительстве крупной французской компании. Арина речь звучит уверенно и мягко (подпункт шесть в графе «Обучение» — «Языки»). Ее принимают. Наконец долгожданный переезд во Францию, сопли и слезы родных. И она скажет в аэропорту матери, как глубоко запали ей в душу давнишние слова той о Париже как о пространстве любви, вселенской моды и изумительной кухни, а в совокупности — о месте, в котором хочется творить...

Что творила в Париже маман, для всех осталось за скобками. Полет во Францию случился в ее жизни только раз, но с задержкой там на три года. Когда Арина расспрашивала, мать неохотно выковыривала из памяти картинки заездов на ипподроме Отей, рассказывала о лошадях, перечисляла их клички, имена жокеев, описывала прогулки по Булонскому лесу и чаепитие в замке Багатель, но всегда путала названия улиц и достопримечательностей. И никогда не говорила, почему вернулась.

Арина научилась визуализировать цели, рисовать их красочно, добавляя штрихи и детали. Вот она глава HR-службы. Большой кабинет с видом на тихий парк в районе Четвертого округа, и она, в элегантном бордовом костюме («Похудеть на пятнадцать кило» — пункт номер четыре), задумчиво смотрит в окно и передает по телефону приветы отцу, матери... Ну и, возможно, Лизке.

Ах, Париж, Paris...

Арина не выезжала дальше деревни деда, но, кажется, знала о Париже почти все. Шумные бульвары с раскидистыми платанами, уютные кафе на набережной Аустерлиц и знаковые места типа ночного клуба Nuba, вдоль которого неизменно выстраивалась по вечерам очередь на вход и который Арина наметила посетить непременно. Она излазила вдоль и поперек Лувр, поднималась на смотровую площадку Эйфелевой башни и млела от вида убегающих за горизонт улиц. Наслаждалась певучестью речи парижан во время неторопливых виртуальных экскурсий

и, казалось, чувствовала аромат кофе, свежих круассанов и запах тины с берега Сены.

Среди намеченных целей и событий не наблюдалось семьи, зато в фантазиях присутствовал простоватый француз, чем-то похожий на Жана Рено в молодости.

Она дважды прочитала книгу Ронды Берн «Секрет» о фиксации целей. Там как раз рекомендовалось визуализировать свои желания с полными характеристиками и яркими деталями, и Арина удивилась, насколько это совпадало с ее стилем мышления. После прочтения она прописала двухкомнатную квартиру в стеклянной башне Тринадцатого округа, на пятнадцатом этаже, непременно с видом на парк, и «Ситроен СЗ», обязательно красного цвета. Обозначила также время начала карьеры, и по всему выходило, что к тридцати пяти все должно реализоваться.

Ну а пока в голове вертелась упрощенная модель глобального плана, где первый этап — стать дипломированным психологом — виделся ей совершенно четко. Ее многое увлекало в психологии: область чувств, страхи, измененные состояния сознания... Она интересовалась коррекцией и восстановлением психики. Шагом вторым было устроиться в клинику Маршака для получения опыта лечения зависимых состояний. Арина считала своим долгом до своего грядущего отъезда помочь отцу завязать с алкоголем, матери — разобраться с рекуррентной депрессией. Ну и, возможно, Лизе — определиться в жизненном пространстве.

Все лето в квартире кипела работа. Арина с Лизой обдирали со стен почерневшие газеты, мешали раствор, раскладывали плитку и раскатывали обои. Отец, мастер на все руки, корчевал загаженный паркет, клеил, шпаклевал и красил. Мать, в комбинезоне не по размеру, таскала мусор, ровняла стены, точно заправский штукатур. Через неделю, не выдержав запарки, отец привел раскосого парня лет тридцати. Звали его Курбан, но Арина окрестила его «криворуким тунгусом», посчитала приспособленцем и лентяем и отнесла к конформному типу личности, со всеми вытекающими. Она жаловалась, что руки у «тунгуса» растут из неправильного места. Отец посмеивался, но вскоре и сам перестал доверять помощнику сложную работу.

Ремонт получался не ахти: и плитка в ванной легла криво, и бежевые обои в спальне треснули на углах, и отвалилась штукатурка на кухне. Позже в коридоре сгорела проводка. «Криворукий тунгус» только пожимал плечами, и глава семейства, не выдержав, выгнал его от греха подальше.

Отец уставал, частенько прикладывался к фляге, которую прятал в глубинах спецовки, после чего выходил на балкон и курил, блаженно улыбаясь. Мать злилась, одергивала его, он в ответ заводился — и семейство накрывал шторм упреков и разногласий. Когда обстановка накалялась до крайности, Арина, угадав по тону и репликам родителей, что взрыв неминуем, спешила на поле брани. Как рефери, разводила спорящих по

углам, напоминала им эпизоды барачного «счастья», призывала к миру, а главное — взывала к разуму. И споры стихали, родители разбрелись по комнатам шпаклевать, клеить, красить.

Барак, где прошло Арино осознанное детство, запомнился ей двухэтажным бревенчатым домом дореволюционной постройки. Как-то, разыскивая потерянную монетку, она разглядела в щели выдавленную на бревне дату. Год тысяча девятьсот пятнадцатый привел в изумление: неужели с тех времен стоит?! В бараке было четыре квартиры. Их семья жила на первом этаже и наслаждалась полным набором тамошних чудес, в числе которых были влажность в любое время года, непрекращающиеся сквозняки, очереди в туалет, отсутствие горячей воды и дымный запах дровяной печи. В первую зиму, Арина хорошо запомнила, из щелей в полу дуло так, что не помогали и валенки. Арина делала уроки на кровати, а Лиза рядышком не переставая хлюпала носом. Когда сестру увезли на скорой с температурой под сорок, отец притащил листы влажной фанеры, пару рулонов линолеума и за день застелил полы.

На новогодние праздники подоспели морозы, и каждую ночь промерзал угол условной кухни, а к обеду следующего дня в нем стояла маленькая лужица. Двухъярусную кровать девочек сдвинули в центр и печку топили непрерывно.

А еще приходили крысы. Бились по ночам о помойное ведро. Арина с Лизой просыпались, жались в страхе друг к другу, а отец кидал на звук здоровенный сапог и, судя по обиженному писку, иногда попадал.

Рядом жили удивительные соседи. Мать любовно называла их «беззаботные твари». Их загулы возвещали начало выходных. После двенадцати ночи, когда разноголосое пение за стеной перерастало в невнятный рев, отец накидывал китель, брал фуражку и уходил «делать замечание». Возвращался всегда под утро. Втискивал огромное тело в маленький коридорчик, делал шаг вперед, чтобы дверь закрылась, и аккуратно сползал по стене на пол. Отсыпался до обеда, напуская облако перегара, которое растекалось по комнате, подхваченное сквозняком...

Так что новая квартира, несмотря на все сложности ремонта, представлялась Арине счастьем без конца и края, неким подарком судьбы, тем более что и до универа отсюда добираться всего час, не то что раньше.

Спустя неделю после ремонта выяснилось, что как-то внезапно помер «тунгус» Курбан. Говорили, проблемы с печенью. В довершение всего на кухне вздулся пузырем линолеум и покрылась плесенью вагонка на застекленном балконе.

К концу лета все же заехали. Теплыми вечерами Арина выскакивала на лоджию, втягивала удивительно свежий воздух и восторгалась. Всмотривалась в маленьких людей и машинки возле подъезда. Любовалась зарослями ельника далеко внизу и заходящим солнцем на горизонте. Было высоко и удивительно интересно.

Кладбище она не заметила, это Лизка рассказала, когда пришла на осмотр сестриной комнаты. Тыкала вдаль ладонью — туда, где блестели среди зелени деревьев крыши ангаров:

— Вон гляди, справа, сразу за дорогой! Старое, говорят, там уже не хоронят...

Арина не видела. А Лизка даже пыталась поспорить насчет призраков, которые типа на том кладбище водятся.

— Я те говорю! Сколько раз мы с челами слышали то шорох, то тени, то кашляет кто-то. Обернешься — а нет никого.

Арина тогда решила, шутит Лизка.

— Что делать школьнице на кладбище, а, Лиз?

Сестренка, ростом уже почти с Арину, мотнула черной гривой, достала пачку Vogue. Не торопясь закурила, рассматривая связку браслетов с черепами на собственном запястье. Помолчала.

— Сама давно взрослой стала? — ответила недовольно вопросом. — Систер, зуб даю, есть там призраки! Ты вообще знаешь, сколько историй ходит про это кладбище, сколько случаев мистических зафиксировано? Это местечко наполнено силой, причем недоброй, скажу тебе. Смотри, увидит призрак твой объемный образ на лоджии, залезет в окно — ему лифт не нужен, — схватит за ляжку... Ну хоть призраку отдашься.

Арину передернуло.

— Глупая ты, Лиз!

Потом она быстро перебрала в памяти профессиональные термины, подыскала сестрице достойный ответ:

— У тебя явная аффектация, Лиз. Это, чтобы ты была в курсе, проявление чувства или настроения в преувеличенной форме. Поэтому иди со своими призраками знаешь куда?

— Догадываюсь. Ничего нового в твоём словаре, Майонез. Повторяешься, — парировала Лиза, отщелкнув сигарету. — Аффектация в прошлый раз была, я запомнила. Смени пластинку и сама иди в задницу. А призрака посылай ко мне, разберусь.

И залилась нездоровым смехом.

Майонез. Кличка детских лет резанула Арине слух. Никто ее сейчас так не звал. Никто, кроме Лизы. И случалось это всегда в моменты бурного саркастического возбуждения сестрицы. Арина чувствовала такие состояния и внешне притворялась равнодушной, но в душе расстраивалась.

Лизу, согласно своим наблюдениям, Арина давно отнесла к экстравертам с интуитивным мышлением. Сестрица и чувствует сильно, и увлекается легко, особенно тем, что содействует ее прославлению либо унижению противника, не признающего ее достоинств и преимуществ.

После переезда честолюбивой Лизе вскружило голову новое увлечение. Сначала, Арина заметила, сестренка внесла изменения в стиль одежды. В ней стал господствовать черный цвет. Исчезли куда-то повседневные джинсы, футболки, и появились короткие платья в обтяжку с

поясами и шнуровкой в серебре, майки из мелкой сетки, перетянутые на груди ремнями и пряжками в виде летучих мышей. Сестрица прикупила странные сапоги до колен, с застежками в виде костей. Ее шею украсил кожаный ремень с черным сердечком, опускавшимся в ложбинку на груди. На каждой руке болталось штук по пять браслетов разных размеров и форм, все либо черные, либо серебряные.

И все бы ничего, но вслед за одеждой трансформировалась и внешность. Из симпатичной девчушки с русыми локонами до плеч, с гитарой за спиной и нотным учебником в руках Лиза превратилась в мисс вамп. Покрасила волосы в цвет воронова крыла, отрастила длиннющие ногти и залила их черным лаком. Под нижней губой у нее теперь болтался серебряный шарик, такие же блестели в наручных браслетах. Изогнутые, подведенные темным брови, мрачные тени под глазами и губы в черной же помаде делали лицо Лизы жестким.

Родители словно ничего не замечали, и Арину это раздражало. Как можно не видеть столь явное? Как-то вечером Лиза выскочила на кухню брэнча браслетами и в майке без рукавов. На голых плечах распластались тату в виде мрачных пауков, в предплечье словно врос жуткий крест в готическом стиле. От левой ноздри Лизы до хвоста зачесанных вверх волос, напоминавшего венчик, вымоченный в чернилах, свисала серебряная цепочка. Мать тогда перепугалась по-настоящему. Лизку отчитали, цепь потребовали снять, дабы не шокировать окружающих, и в наказание лишили воскресных денег. Правда, тату, как выяснилось, были переводные, но Лизка с ухмылкой пообещала набить настоящие, поинтереснее.

Под стать одежде изменился стиль поведения и даже характер, и огрызнуться в ответ матери, чтобы та «не лезла не в свое дело», стало повседневным явлением. Отец поговорил было на повышенных тонах, но это привело к исчезновению Лизы практически на пару суток. В итоге родители забили на младшую дочь окончательно: хватало и других забот. Передали на воспитание школе и частично — улице. Арина была не согласна с таким подходом, для себя списала поведенческие изменения сестры на пятый, подростковый, кризис. Даже книгу специально полистала и нашла этот переломный момент — кризис спутанности ролей по Эриксону, поиски идентификации, то есть усвоение человеком образцов поведения значимых для него людей. Оставалось только выяснить, кто эти люди, столь значимые для Лизы.

Не откладывая в долгий ящик, Арина порылась в интернете — и вот, пожалуйста! Молодежные субкультуры. Эмо. Прочла внимательно подробности: необычность причесок, макияж, яркие детали, должны присутствовать штрихи эмоциональности. Но у Лизки — сплошная чернота, со всплесками серебра и негатива. Нет, не подходит.

«Готы», — предположил поисковик.

Это сообщество выглядело сложнее, хотя и совпадало с предыдущим по многим признакам. Макияж в темных тонах, в одежде черный и кислотные оттенки. Арина вспомнила нелепый неоновый бантик сестрицы.

Серебряные элементы — и в памяти всплыли застёжки на Лизиних нарядах. Платья короткие или, наоборот, пышные, в викторианском стиле, майки «рыболовная сетка». Черные ирокезы и выбритые головы, волосы неестественных цветов, гетры, шипастые напульсники, очки типа сварочных, шокирующий пирсинг и еще много разного неординарного. Больше всего Арину напрягло «культивирование и эстетизация смерти» в этой субкультуре. Со значением термина предстояло еще разобраться.

Бороться с Лизой всегда было задачей неисполнимой: уж если сестрице чего в голову надуло — не исправить, пока само не пройдет. Правда, и выветривалось все достаточно быстро.

Во втором классе Лизу не взяли в школьную команду эстафеты бегать: мол, ростом не вышла. Два года каждый день Лиза ходила в секцию спортивной гимнастики. Сопя, сидела в шпагате между кроватью и столом, на проходе, мешая передвигаться по и без того тесной комнатухе. Гимнастика закончилась в палате местной больницы, куда неугомонную Лизу поместили с разрывом подколенного сухожилия.

В пятом классе подружка Лизы нарисовала картину. Ничего особенного, Арина ее видела: море, лодки, домик. И цвета тусклые. Но картина получила первое место на школьной выставке, а ее автор — любовь поселковых мальчишек. На следующий день Лиза заявила, что отныне будет учиться на художницу, а когда станет знаменитой, уедет жить в Париж, как мама когда-то. Запросила мольберт, кисти и прочие причиндалы. Матери эта затея понравилась, и она восемь месяцев исправно оплачивала курсы в местной студии изобразительных искусств. Накупила книг по теме, возила юное дарование на выставки в Москву...

Эпопея разом оборвалась, когда сестры попали с матерью на концерт известной рок-группы.

Мать тогда как раз устроилась на работу в ЛДПР, моталась каждый день в Москву и умудрилась отхватить билеты в первый ряд. Арине концерт не понравился: гулко, резко, не в ее вкусе, она предпочитала хорошую попсу. Лиза же выглядела ошарашенной, молчала всю дорогу и уже перед домом спросила, есть ли у нее слух.

Так в доме появилась гитара.

Мольберт отдали родственнице, книги снесли в студию. Лизе купили медиаторы и эспандер для тренировки пальцев. Слыша резкие звуки терзаемых струн и визгливый голосок сестрицы, Арина округляла глаза и затыкала уши.

Спустя полгода, перед майскими праздниками, возвращаясь вечером с подготовительных курсов, Арина издали углядела Лизу в окружении местных подростков. Сестрица, взобравшись на скамью, тянула на удивление сильным голосом знакомую песню. Голос точно попадал в нужные ноты. Молодежь притопывала и подпевала. В груди у Арины плеснуло едким, будто изжога.

Тем же вечером, перебивая посуду, она, словно невзначай, спросила у матери:

— Как думаешь, ма, роман с гитарой у Лизки надолго? Ставлю на год от силы. А ты?

Мать не улыбнулась, ответила жестко:

— Ставки на своих делать — последнее дело, Арин. Это же кровь родная. Научись за других радоваться.

«Вот и веселитесь теперь, — злорадно подумала Арина, вспоминая те слова матери. — Готы у нее, радуйтесь, скоро черепа домой приносить будет! Но есть другой вопрос: должна ли я, как начинающий психолог, показывать пути развития не обремененной мозгами школьнице? Может, оставить все на совести учителей и безразличной матери и просто наблюдать, куда приведет Лизку дорожка готская, скотская? Прямо кино намечается...»

Лиза

Лиза потеряла губную помаду. Перерыла письменный стол, заваленный книгами, нотами, дисками и прочей дребеденью. Как сквозь землю. И куда подевалась?

Она поправила челку, убрала зеркало. Скука смертная! Пойти в парк к своим? Но время-то к ночи... Лиза чертыхнулась, вышла на балкон и закурила сигарету. Стемнело, город зажег фонари. Тявкали вдали собаки, подул холодным, до костей пронизывающим ветром. Она поежилась и закрыла окна. «Никуда не пойду». Настроение сегодня было, как раскуренная сигарета, уже на исходе.

Лиза присела за комп и вспомнила Бальбо. Чувак обещал подогнать знаковые флавы* на тему индастриал. Он, конечно, стремный, этот Бальбо, — со своими тараканами. Но взгляды на мистическое у них совпадают. А еще он стильный. Ну и вообще клевый.

На душе потеплело.

Ей вспомнился июльский вечер, когда солнце заливало золотом окна и странный молодой человек в черной жилетке услужливо придержал дверь подъезда. Тени под глазами, черные вздернутые брови, на шее серебристая цепь с черепом, крохотный крест, будто приклеенный к бритому виску, пентаграмма в ноздре, моток браслетов на запястье и на голове ирокез под гелем.

Загадочный мачо выглядел впечатляюще. Лизе он понравился. Представился соседом с седьмого этажа. Имя еще назвал экзотическое — Бальбо. Она подумала тогда — сценический псевдоним. Артист или учится. Говорливый, конечно, язык без костей. Арина, скорее всего, назвала бы его Балаболом — в поток его изречений и слова не вставишь. Зато Лиза слышала массу комментариев: про таксиста с первого этажа, торговавшего травкой и взятого с поличным пару дней назад, про какого-то Васю, нырнувшего с пятого этажа на первый башкой вниз по причине поедания

* Флавы — узкие штаны-чулки.

«волшебных» поганок из местного леса. А заодно — про феерический сейшен некоего сообщества в субботу, на который тут же получила приглашение. И согласилась не думая. Чел ей понравился, место в сердце было вакантно.

Лиза улыбнулась.

К тому времени она прониклась музыкой хеви-метал. Пропиталась ею, как сухая земля дождем, глубоко и обильно. Особенно запала на творчество Оззи Осборна и его Black Sabbath. Работала над аранжировками каждый день, пока пальцы не переставали слушаться. Каждое словечко за Оззи повторяла, чтобы звучало как у него. Выучила наизусть все основные тексты и легко могла воспроизвести композицию Iron Man, например, ну и еще с десятков подобных.

И показала себя в действии — выступила в сквере на Остоженке, на шумной встрече неординарной молодежи. Девчонок в черных ажурных платьях, кожаных жилетках с серебряными пуговицами, с лицами, усыпанными пирсингом, словно новогодние елки игрушками, с прорисованными бровями. Ребят с ядовито-зелеными и черными ирокезами, с обрITYми наполовину головами и с причудливыми татухами по всему телу.

Бальбо ее привез, спасибо ему. Она тогда поднялась на самодельный помост из лавок, вскинула руку в приветствии, как делал ее кумир, и ударила медиатором по струнам. Готы, а именно так представил ей свою молодежную тусовку Бальбо, сначала приняли исполнительницу настороженно, но, слушая шедевр Оззи, через минуту восторженно поддержали: «Ту-ту... ту-ту-ту!» И Лизу проняло до мурашек. Впервые она почувствовала себя в той самой среде, которой ей всю жизнь не хватало. Среди лиц в причудливо-черном макияже ей стало радостно и необыкновенно легко.

Бальбо немало удивился ее певческому таланту. После выступления окружил трепетным вниманием, явно возлагая на нее какие-то свои, далеко идущие планы.

Лиза с удовольствием освоила музыку Челси Вулф*, так любимую сообществом, и даже собиралась выступить в мае на викторианском пикнике неготов в Новом Осколе.

В Долгопрудном сплоченное сообщество тусовалось в парке на улице Академика Лаврентьева. Пили пиво, поглядывая, нет ли поблизости ментов, вели вялые разговоры о моде, о последних поступлениях шмотья, о музыке, дискутировали о прошедших фестивалях за бугром, где никто никогда не бывал, и слушали Вульф в исполнении Лизы. К ночи самые отчаянные пускались на прогулки по окрестным кладбищам: огромному Южному и малому Северному, что на Лихачевке.

Лиза втюхалась в братство по полной, и готы платили ей вниманием. Дочки-сыночки местной элиты, богатых и влиятельных людей города,

* Челси Джой Вулф — современная американская певица, автор песен, в которых сочетаются элементы готик-рока, дум-метала и фолка.

слушали Лизу, цокали языками, подпевали, одобрительно кивали и даже хлопали в ладоши. О большем она и мечтать не смела. Они боготворили ее гитару, ее руки, ее голос. Она — любила их музыку.

«Именно тогда я получила настоящее внимание, — Лиза сладко потянулась, — а не едкие замечания от недоделанного психолога, бегающего по улице с косичкой, в ее-то возрасте! Вот подразберусь с мистической составляющей посвящения — и получу нечто большее, чем просто внимание».

Лиза прикрыла глаза. Она имела право рассуждать о мистическом серьезно.

В конце сентября, в день лунного затмения, на старом кладбище, раскинутом за лесополосой, ее «официально» приняли в круг и торжественно нарекли Мораной*. Бальбо, идейный вдохновитель братства долгопрудненских готов, лично провел обряд посвящения. Все произошло на могиле, как сказал Бальбо, «сильной женщины».

Они пробрались на кладбище поздно ночью. Было свежо, но не холодно. Уже погасло окно деревянной сторожки, смолкли собаки, не доносился рев машин с магистрали. Едва видимая луна в какой-то момент исчезла полностью. Ни ветерка, только тишина и запах прелой травы, земли со свежих могил да ночной сырости.

Вдоль низкой оградки выстроилось человек десять. Сопели от возбуждения, зажгли свечи, прикрывая огонь руками. Бальбо настроился провести обряд серьезно. Правила знал только он. Пентаграммы, свечи, ножи — и жертва. Кота в тугом холщовом мешке притащил чел с обрызганным наголо черепом. Животное извивалось, и чел периодически тыкал в плотную ткань кулаком.

Убедить Бальбо провести церемонию без крови у Лизы не получилось. Он был непреклонен: процесс посвящения делится на два этапа и на втором положено залить кровью пентаграмму. Тогда она попросила хотя бы не доставать кота из мешка, и здесь Бальбо уступил.

Пентаграмму разместили справа от края могильной плиты, и Лиза замерла в ее центре в окружении трех свечей. Фигуры в черных одеждах, похожие на призраков, с лицами, выкрашенными белилами, обступили могилу.

— Мы нарекаем тебя Мораной! — вполголоса восклицал Бальбо, обходя каменную плиту с темным портретом умершей женщины. — Морана означает «черная луна». Принимаешь ли ты имя свое?

— Да, — прошептала Лиза и стянула толстовку, оголив впальей живот, чуть выступающие ребра и темный лиф, подчеркивающий грудь.

Бальбо достал из кармана джинсов фломастер, начертил на ее животе чуть выше пупка: «Goth». Затем развернул лист из какой-то книги и нараспев процитировал текст посвящения на латыни. Никто не понимал ни слова, но лица готов выглядели умиротворенными.

* Морана — в переводе с санскрита «убивающая». В славянской мифологии богиня ночи и вечного сна.

Лизка помнила, как едва не грохнулась наземь от захлестнувшей ее энергии восторга. Никогда еще не испытывала такого чувства! Они с Бальбо, правда, «дунули» слегка перед действием, но ведь не в первый раз и не столько, чтобы так забрало.

Парень с ирокезом передал мешок Бальбо, тот достал широкий охотничий нож и с каменным лицом дважды ударил. Вой и шевеление в мешке стихли, завоняло кошачьей мочой, и Бальбо залил пентаграмму тонкими струйками красной крови.

— Морана, твои символы — это груды разбитых черепов и серп, которым ты будешь подрезать нити жизни. Закрепи посвящение!

Руки вскинулись в ночное небо, сильные голоса выдохнули в унисон:

— Закрепи!

В деревьях ухнула сова.

Лизе тут же стало не по себе: а точно ли ей это надо?..

Бальбо протянул окровавленный нож. По ритуалу она должна была вскрыть вену, пролить свою кровь в центр пентаграммы. Они проговаривали процедуру с Бальбо, и он предупредил: если будет страшно резать вену — то хотя бы палец или ладонь, но до крови. Она уже определилась — это будет палец, но все равно было страшно.

И когда кровь закапала, куда было намечено, Бальбо подхватил вдруг ее ладонь и положил на холодный камень обелиска.

— Дай ей силу, баб Нин, поддержи! Она теперь Морана.

«Я сделала это и чувствовала себя по-настоящему счастливой. Я сделала это, и все кричали: “Goth, Goth, Goth!” Я помню...»

Лиза задумалась и не заметила, как сгрызла ноготь мизинца.

«Подрезание нитей жизни, говорите?.. Сколько же можно заработать на мистическом, если освоить способность убивать, подрезая корни? Я стану невидимым киллером, и тогда... Кстати, сколько стоят квартиры на Остоженке с видом... Ладно, хватит мечтать! Учиться, учиться и еще раз учиться!»

Она взяла со стола книгу, полистала, нашла закладку. Глава пятая: «Духи и демоны».

Сейчас посмотрите на любые часы, вы увидите время — час ночи. Как вы думаете — откуда мне известно, что вы читаете именно в это время? Я рядом.

Строки в глазах запрыгали, расплылись. Лиза поежилась и посмотрела на будильник. Час ночи.

Судорожно откинула книгу:

— Охренеть!

Занавески всколыхнуло сквозняком.

Арина

Арина читала книгу «Гарри Поттер и узник Азкабана». Всмотривалась в строчки и думала: вот круто учиться в Хогвартсе, а не на вечернем факультете универа после дневной беготни между книжными стеллажами! Кто бы мог подумать, как способна вымотать работа консультантом в книжном. Принесите то, подайте это, посоветуйте увлекательное, найдите согласно списку... Контингент — пенсионеры и студенты. Одним нечего делать, вторые ищут то, чего нет в интернете бесплатно.

Вот получить бы — ну не волшебную палочку, конечно, это глупости, а возможность корректировать людей, например...

Арина выключила ночник, закрыла глаза, подтянула одеяло до подбородка и размечталась. Ну например, хорошо было бы посмотреть на голову человека под определенным углом — и увидеть его зависимости, страхи и дурные наклонности. И те, которые находятся в стадии созревания или интенсивного роста, — раз и стереть, словно остатки крема. Чист человек и здоров и душой, и мышлением. Красота!

Поломать голову, сколько за такую красоту брать в рублях, она не успела. Грохот и звон разбитого стекла со стороны прихожей нарушили сладостные размышления.

Раздался визг матери. Арина, накинув халат, выпрыгнула в коридор. Отец в кителе лежал вдоль стены. Вероятно, падая, он инстинктивно схватился за раму зеркала, и квадрат деревянного багета, рухнув, накрыл его. Мелкие осколки мерцали в желтом свете потолочных ламп.

— Не ходи — стекло! — предупредила Арину мать, выставив ладонь. — Тапки надень. Лиза где? Помочь надо.

Мать отступила на кухню, закурила сигарету. Пальцы ее дрожали.

— Лиза!

Арина дернула дверь в комнату сестры. Заперто. Кольхнулса приклеенный снаружи скотчем листок, где красный фломастер аккуратно прорисовал буквы: «Не входить. Идет сенсорное голодание!»

— Сенсорное голодание у нее, — прочитала вслух Арина. — Слышь, ма?

— Что у нее сенсорное? — поперхнулась дымом мать.

Арина повторила.

— Новая блажь. Куда занесло девочку в этот раз?

— Я же рассказывала. Готы, молодежная субкультура, — напомнила Арина.

Привычка матери сохранять на поверхности памяти важное лишь для нее была фактом известным. Неудивительно: дочери выросли, любовь развеяло, остались только карьера да поиск душевного умиротворения.

— Ладно, давай помогай. Сначала стекла, потом рама. Его не трогаем, — распорядилась мать. — Все разборки завтра.

Арина вздохнула. Как рожденная в апреле, она предполагала наличие у себя сильной кармической связи с отцом и призвания исправлять его кармические ошибки. Только вот как? Папочка в очередной раз вошел в штопор, и с июня это повторилось уже трижды. Первые дни он еще ходил на службу, возвращался поздно и иногда — вот в таком виде. Держался так неделю, но день за днем набирал обороты. Постепенно служба уходила в сторону, отец брал отгулы. Потом вершина — три дня запойных, два выходящих, пару суток доктор. Прокачка и восстановление на свежем воздухе в деревне у деда: баня, прогулки, молоко, пробежки по утрам — и майор как огурчик, в строю.

Ах, если бы она окончила Хогвартс...

— Андреича с утра вызовем? — Арина посмотрела на мать.

Семен Андреевич — незаменимая выручалочка. Ловко ставит капельницы, выписывает нужные таблетки. Нарколог старой закалки, уже практически член семьи.

— Перебьется, — отмахнулась недовольно мать. — Рано еще.

Спать легли в начале второго. В окно бил ливень, и у Арины застучал в затылке молоточек. Она пошла за таблетками и выпила сразу две. Вспомнила о забытом на работе зонтике. Утром придется мокнуть. Расстроилась и уснула.

Сон случился нервный, прореженный картинками, ярким сумбуром, вспышками. Она ворочалась, отбрасывала одеяло к стене и снова куталась. Под утро затихла, замерла.

Снилось, как вошла в квартиру и сразу поняла: случилось нечто неприятное, обескураживающее, точно плюнули в лицо, изругали последними словами. Раскиданные вещи, выдвинутые ящики комода, предметы из гардероба родителей, сваленные на пол: старые рубашки отца, по которым прошлись в грязной обуви, скомканные платки матери на кровати.

Разбитые горшки на блестящей кухонной плитке, рассыпанная земля, корни голубой гортензии замерли змейками. Арина осторожно исследует комнаты, ступает аккуратно, стараясь не повредить предметы на полу.

Случился обыск и арестовали отца? Ограбили квартиру?

На кухне вместо телевизора дыра. В шкафу ни одной сумки, исчезла шуба матери, купленная в кредит. В коридоре все на месте, кроме обуви. Странно, но забрали и тапки. Ясно как божий день: их ограбили и жутко наследили. Черные отпечатки выются из комнаты в комнату, возвращаются, словно хотят запутать, сбить с толку.

Вваливается Лиза, в перчатках и с ведром воды, улыбается и протягивает тряпку:

— Давай все убирать, сестер, это конец сказке.

Они долго моют полы, сливая в туалет грязную воду.

Арина проснулась в семь по будильнику. Картинки из сна пугающе застыли в памяти. Она под села к компу и, нервничая, полезла в интер-

нет. В толковании снов она доверяла исключительно Цветкову. Его труды, адаптированные под русскую культуру и быт, ценила больше всего. Ей нравился его подход: автор не приспособливался к современным запросам, исходил из глубинных обычаев и представлений.

Она вбила в поиск «мыть полы». Ничего. Написала просто «полы» — и сразу удача, толкований насыпалось с десятков. Ага, вот интересные: «Дом видеть — опасность, строить — к улучшению, крыть — к убытку, мести в доме — к гостям, полы мыть — к смерти...»

Арина ужаснулась, замерла на секунду. Первая возникшая в голове мысль: вероятно, смерть заберет старого и больного. Кто в семье самый старый? Дед. Поползли слезы, и Арина зашмыгала носом. Крепкий дед у них, добрый и шустрый, грибы собирает, ягоды, за домом присматривает...

Она посидела немного, вспомнила, как бабушка учила избавляться от дурных снов, и пошла в ванную. Отца в коридоре не было — наверное, переполз в спальню. Хмурая мать в халатике варила кофе и курила, пуская дым в форточку.

Черт, а вдруг это про отца? Арину качнуло. Буравчик впился в правый висок, и она приложила палец — посмотреть, нет ли крови. Встревожненное воображение услужливо нарисовало картинку. Отец гибнет в командировке. Процессия хмурых мужчин в форме, гроб, покрытый триколором. Арина с опухшими от слез глазами и подушечкой с орденами в руках. Лиза с матерью в темных платках. Курсанты вдоль края могилы перезаряжают карабины. Холодный воздух и солнце, в знак скорби прикрытое тучами.

«Перестань молоть чушь! — взмолился внутренний голос. — Не терзай себя дурными фантазиями. Вон из головы, вон! То неправда, то пустой звон».

Она открыла кран холодной воды, набрала до краев в ладони, склонилась, едва не касаясь их пересохшими губами, и зашептала:

— Вода-вода, приснилась беда — будто грязные полы мою я. Вода-вода, заведи этот сон, унеси глубоко, унеси далеко, унеси навсегда, чтоб не возвращался никогда!

Отчитав слова, как молитву, три раза, Арина выдохнула. Молоточек в голове стих, можно жить дальше. Бабушка уверяла — отговор надежный.

Семейное

И все-таки родители разошлись. В первых числах октября, когда дожди затянули унылую песнь осени, мать собрала чемодан. Отец только-только ступил на низшую ступень запойной пирамиды.

В словах матери «решили пожить отдельно» Арина уловила липкий оттенок фальши. Лиза фыркнула и хлопнула дверь. Арина только плечами пожала, а вот мать подрастерялась, присела на стул.

— Удивлена? — спросила Арина.

— Да нет, в общем, — вздохнула мать. — У нее любовь?

— Да. Готская, скотская, — съязвила Арина. — Ты же видишь — черепа, скелеты, прогулки по кладбищам...

— Наркотики?

— Не уверена, но вряд ли. Не совсем же она дура. Да и руки чистые, без уколов. Хотя и в татушках, о чем будет жалеть, повзрослев.

— Ну и хорошо, что без уколов, — кивнула мать. — А тату сегодня в моде. Отцу скажи, пусть наберет, когда выйдет на горизонт осознанной реальности. Ты прости, я так больше не могу. Честно. Устала. Жизнь проходит, как...

Мать замялась, опустила глаза, задумалась и выдохнула под конец:

— И вас взять не могу. Вы кобылки взрослые, нянька не нужна. Если какие вопросы — я на связи. Денег пришлю.

— Ты далеко? Ну, в смысле, в Москве?

Арина подумала, что мать подготовила этот ход заранее и только выжидала момент.

Вообще странно было покупать эту квартиру при нарастающем конфликте. И мать, похоже, забыла, что отец согласился на перевод в Долгопрудный с понижением в должности, лишь бы не дать семейной трещине разойтись еще шире.

Конец сказке — не об этом ли сон? Арина всхлипнула. Она обожала отца, несмотря на его холодность. Любимицей для него всегда была младшая. Он и называл ее «куколка», а Арину — просто «дочь».

— Просто дочь, рожденная в ночь, — напевала в насмешку Лиза, когда желала досадить Арине.

Ну и ладно! Зато она постарается его спасти, в отличие от Лизки, которой семья до одного места.

— Хотела отсидеться у деда, но сняла квартиру в Лианозово, тут рядом. Напишу адрес попозже.

Мать, подхватив чемодан, вышла к лифту. Арина надеялась разглядеть сквозь залитое дождем окно шашечки такси. Моргнул стоп-сигналами «мерседес». Ну вот и ответы. Эта рванула в Лианозово. Арина покосилась на комнату сестры. Вторая выдала, что переедет жить на Остоженку.

«А я — в Париж! — разозлилась вдруг Арина. — И ну вас всех! Паспорт есть, визу туристическую поставлю. И не вернусь».

На этом эмоциональный поток иссяк. Она открыла холодильник и выудила пирожное «Наполеон», припасенное с вечера.

— Ну привет, счастье мое! — улыбнулась Арина.

И тут зачесалась рука.

Арина закатала рукав и ужаснулась:

— Это что такое?!

Красное пятно расплзлось от запястья до локтя. Вчера она заметила небольшие высыпания, похожие на аллергическую реакцию, мелькнула мысль о враче, и на всякий случай она выпила препарат от аллергии. Но сегодня...

«Срочно к дерматологу, бегом!» — завыл внутренний голос.

И она послушалась. Как обычно, впрочем.

На улице плескал дождь, размывал грязь по тротуарам, окрашивал город в серое. По дороге в поликлинику Арина отматывала назад все встречи, рукопожатия и поцелуи за последние десять дней. Интим у нее не наблюдалось, не интим — тоже.

Арина задумалась, когда последний раз она влюблялась. В десятом классе было дело. Федор — спортсмен, весельчак, красавчик. Вечно списывал у нее физику, а встречался с Машкой Патрикеевой. С ней и целовался на выпускном, а потом Машка выскочила замуж за офицера. Федька как-то звонил, Арина не ответила. В институте парней раз-два и обчелся, и те зашуганные. Интересно, у Лизки эти интимно-сексуальные встречи часто происходят? На вид сестренке все двадцать: и грудь «двочечка», и фигуристая. Мда... Сосед с седьмого этажа к ней зачастил. «Бабол» — ему табличка. Лизка его по-другому зовет, но рта этот парень вообще не закрывает.

Арина изначально отнесла соседа к этико-интуитивным экстравертам (эмоциональные и настойчивые личности, которые все просчитывают наперед). И оказалась права. Молодой человек проявился как откровенный вербовщик в готско-скотскую компанию. Арина отметила его логически выстроенные вопросы, наводящие собеседника на нужные размышления. Эх, постучать бы в коробочку Лизке, пусть присмотрится внимательнее к челу!

В местном КВД сделали соскоб, врач велел зайти через день. На вид ничего критического не нашел, раздражение отнес к разновидности дерматита, выписал мазь. Арина же, пока он с ней возился, вспомнила, у кого видела схожие покраснения. И застучал в затылке ненавистный молоточек, словно поддакивая.

Всплыла картинка из недавнего прошлого: лифт, Бабка — вещь в себе, выпавшая в осадок, Арина, помогающая ей встать... Та еще вцепилась как клещ: «Помоги, помоги!»

Что помоги, чем?

К вечеру показалось, что краснота принимает форму паука: вот лапки, вот тельце. Прямо как у той карги замшелой! Арину затошнило, передернуло.

«Тьфу ты! Гадость, придумки! Виновато мое богатое воображение и повышенная восприимчивость. Вот дождусь результатов, тогда и в панику можно ударяться».

Лиза

В тот день Лизе хотелось петь. Громко, до спазма в горле. И еще играть — прям до зуда в ладонях! Но три тридцать утра. Первый снег. Темно и тихо в подъезде. Тепло и сонно в квартире. Она знала: отец на дежурстве и дома только Арина.

Лиза покачнулась в прихожей, пальцы скользнули по стене. Она выудила медиатор из кармана куртки, тронула ладонью гриф гитары, ударила кусочком пластика — и струны зазвенели в унисон крику:

— Мама, I'm coming home!*

Получилось красиво. Она с удовольствием повторила. Эхо умчалось на кухню. Лиза прислушалась. Систер не выскочила, не устроила психологический разбор ситуации, не определила состояние будущего пациента психушки. Странно. Даже обидно чуток.

— Я теперь Морана, слышь, систер! Научусь подрезать нити жизни и разбогатею, перееду на хрен на Остоженку. Офигительное место, скажу тебе...

Лиза икнула, пиво отрыжкой лезло обратно. Она отложила гитару, достала с полки замаскированную шарфами и перчатками книгу.

— Видала мою настольную книгу? Вот что надо читать, студент! А ты сказки листаешь про клоунов из придуманной страны. Я — Подрезающая нити жизни, и это смертельно опасно для некоторых.

Пиво, мартини и косяк завершили головокружительный танец, расцеловались и выстроились в очередь на выход. Лиза судорожно дернула дверь туалета, успев крикнуть в пустоту коридора:

— Не бойсь, Майонез, тебя не трону!

Книга выпала из рук, и Лиза, содрогаясь, зависла над белоснежным фарфоровым овалом.

Первая плитка свалилась ей на спину, соскользнула на пол и разлетелась вдребезги. Вторая грохнулась на затылок, третья чиркнула по уху, едва его не отрезав.

— Блин! — взревела ошарашенная Лиза и рывком отстранилась от унитаза, расплескивая рвотные массы и вытирая рукавом подбородок. — Чё за хрень?

Она попятилась, попыталась ругнуться, но салатные пластинки из верхнего ряда слетали, словно бабочки в июльскую жару. Плитку будто отталкивали от стены невидимые пружины. Бам, бам, бам! Керамические квадраты падали на унитаз, на пол, на раскрытую книгу, на голову Лизе и разбивались на куски.

— Черт! — заорала Лиза, мгновенно трезвея. — Майонез, мать твою! Вставай!

Она с воем влетела на кухню, захлопнула дверь. Судорожно выстроила баррикаду из стульев.

Отторжение ремонтных работ в туалете закончилось.

Арина примчалась минуту спустя. Она слышала Лизкино концертное выступление, но знала, что без толку реагировать: судя по голосу и поведению, сестренка в состоянии острой алкогольной интоксикации, когда человеку все до фонаря.

Да и потом, никогда ее Лизка не слушала. И кличка Майонез противна, не заслуживает она такого. Подумаешь, страдает пристрастием к

* Строчка из одноименной песни Оззи Осборна.

продукту! Она и не отрицает, и даже бороться начала, уже три дня как. Готова, так сказать, обрести в слабости силу. Размышления вспыхнули, пронеслись в голове ветром, пока Арина прошагала пять метров до кухни.

— Поори, разбуди соседей! Дверь открой уже, это я.

Сестрица разгребла стулья, выпустила в коридор струю сигаретного дыма.

В раскрытое окно влетали снежинки. Арина поежилась. Захлопнула створки и поставила чайник.

— Выкладывай, полуночница, что случилось.

— Чего выкладывать? — огрызнулась Лиза. — Плитка, блин, отвалилась в тубзике. Будто со стены скovyрнули. Прикинь? Паранормальное это. И в тему, я те скажу. Сегодня как раз время подобных инсинуаций.

— Мы полгода в ненормальном существуем, а ты и не заметила, инсинуация, — вздохнула Арина и пошла в туалет.

Спустила воду, закрыла крышкой облеваный ободок. Под потолком тянулась полоса серого бетона с пятнами клея, пол был усеян осколками. Унитаз цел — уже хорошо.

Арина подняла книгу. «Сад Демонов». Ничего себе!

Аромат кофе затопил кухню, и неудивительно, что с кружкой только Лиза.

— Единоличница.

— Прислуги нет. Чё там?

Арина положила книжку на стол:

— А тут не пишут ответы?

— Это вообще про другое.

— Понятное дело. В туалете, Лиз, просто отвалилась плитка. Может, приклеили плохо, такое бывает во время ремонта. Например, клея мало. Или дело в сырости.

— Не, систер, все ни хрена не просто! Плитку Курбан клал, а он сдох, кстати, если ты помнишь. Это его дух злится. Папаня ему недоплатил, наверно?

— Откуда я знаю? У отца и спроси. И потом, Курбан не сдох, а помер. Это человек, а не крыса. Ты, кстати, прибери в туалете, воняет.

— Утром, о'кей? Не сейчас. Хреново мне.

— Ха! — Арина плеснула кипятка в кружку с растворимым кофе, кинула сахару. — Не удивлена. Что за праздник? День обдолбанного гота?

— Прикальываешься? Мы дурь не употребляем. Мы, готы, люди приличные, челы отличные, не любим пошлости и ограниченности.

Черные губы расплылись в ехидной улыбке, отчего сестра стала напоминать лицом ведьму Малефисенту из одноименного фильма.

— Сегодня Вальпургиева ночь, систер, время призраков, вот они и ломятся. Открываются границы между нашим миром и потусторонним. — Лиза театрально взмахнула руками. — И духи собираются на праздник.

Арина опустила на стул, хотя рассчитывала пойти в кровать, пока не ожил молоток в затылке.

— А чего испугалась тогда? Как раз начало праздника, проход черти ломали, разве нет? А ремонт духи будут делать? Или зомби позовешь?

— Систер, иди на хрен с ремонтом! И не испугалась я — так, больше от неожиданности. А вообще, забавно, что такая фигня у нас происходит. Научиться бы ею управлять, а, систер? Или подружиться...

— Ага, ты уже подружилась — с унитазом.

Арина зевнула. Некстати вспомнилась старуха в лифте. А теперь вот плитка... И почему все крутится вокруг их квартиры? Вопрос.

— Вали спать, управитель духов! Тебя с утра толчок ждет — почиститься к празднику.

Лизка ушла, забыв на столе книжку, пачку сигарет и зажигалку с черепом. Арина не курила, в отличие от родных, и не испытывала ни малейшего желания попробовать. А вот книжка привлекла. «Сад Демонов», роскошное издание в плотном кожаном переплете, шестьсот страниц. Стоит небось как самолет. Арина полистала, посмотрела содержание глав. Мама дорогая! Это вам не Роулинг и не Берн.

Она снова почитала оглавление, уже внимательно, не торопясь. Странное, притягательное и одновременно страшное содержание.

Зачесалась рука, и Арина завернула рукав. Пятно налилось густой краснотой. Фигня какая-то с этой аллергией — на что реакция, непонятно. Она захлопнула книгу, положила сверху сигареты, зажигалку, отодвинула в сторону. Не ее тема — мистическое, ей достаточно Роулинг для развлечения и психологии по учебе и работе. Правда, не шла из головы Вальпургиева ночь.

День прошел тревожно, муторно, в каких-то предчувствиях, суматохе, в беспокойстве, но без головной боли. Даже странно, что без нее.

Арина вычитала в интернете, что Вальпургиева ночь приходится на первое мая, и с души отлегло. Ошиблась Лизка. Правда, попутно выяснилось: именно сегодня День мертвых, праздник мексиканцев. Ну да где они, а где Мексика.

Перед сном вновь всплыла бабкина история. На будильнике была без пяти полночь, и семейка мертвяков в полном составе полезла Арине в голову. Она нарисовала себе Зойку, черную лицом... Ваську на веревке, с синим языком...

«Тьфу ты, на моей же лоджии!»

Арина вздрогнула: померещилась тень за окном. В вензелях на обоях чудились руки, ноги, вываленный язык, вытаращенные глаза. То ли шепот в углу, то ли ветер на улице. Дождь еще этот не заканчивается, все стучит и стучит в окно... Тоска прямо.

Никогда она темноты не боялась, но закуталась в одеяло, поджала ноги к животу. Не спалось. Чтобы отвлечься, взяла томик Берна «Люди,

которые играют в игры», читала, пока не ткнулась лбом в страницы. Так и уснула с книгой.

Оно застучало, заскреблось в окно посреди ночи. Арина просонья вжалась в угол, дыхание перехватило, в затылок привычно ударило, и мурашки покатались волной вверх от поясничного отдела.

Светильник вырубился. Шторы такие плотные, что и луны не видно. Темень. Когти заскребли по стеклу — или кажется? Нет, правда звук будто когти или нож. Словно кто водит тупым лезвием туда-сюда, медленно так и вдумчиво.

Арину зазнобило, затрясло, застучали зубы, пальцы скрючило — до выключателя не дотянутся.

Звуки стихли, и ее отпустило. Она откинула одеяло. Подмышки намокли, ночнушка прилипла к спине. И тут — звук. Жалобное тонкое мяуканье потянулось из-под кровати, заползло в уши. Арина замерла. Захотелось нагнуться, посмотреть котеночка — небось проголодался маленький или замерз...

В затылок шарахнул молоток.

«Какой котик, дура! — взревел внутренний голос. — Сроду кошек в семье не держали».

Арина нырнула на кухню, бросив одеяло и забыв про тапочки. Захлопнула дверь трясущимися руками, приперла стулом. Не факт, что поможет, но все же защита. Перевела дыхание, прямо как Лиза вчера. Что это было — прорыв чертей в реальность все же случился?

Арина налила воды, проглотила таблетку успокоительного. Вот Лизка зараза! Накаркала всякую фигню, сама не вернулась, а тут, блин...

Арина присела за стол. Кофе, кофе, кофе... И вспомнила.

Котенок в ее жизни случался только раз, еще в старом доме. Мокрое создание белого цвета с пятнышком на лбу она подобрала возле полой ящика во дворе. Животинка жалобно пищала, и не взять было сложно. Мать ворчала, Лиза придумала имя — Дохлик, отец и вовсе проигнорировал. Арина выхаживала малыша две долгие ночи и два дня. Дождливый вечером отнесла трупик к тому же мусорному баку. Котенок был слишком слаб, а ветлечебницы в поселке не имелось.

Кофе остыл. Мозг Арины кипел, словно чайник. А если это как-то связано с рассказом старухи-соседки? В какую историю они вляпались с этой квартирой, с семейкой покойничков? Что вообще творится, черт возьми?!

Она поехала, открыла ноут и ковырялась в Сети до рассвета.

Семейное

На работу Арина не поехала. Захотелось проговорить все вслух, поделиться, разобраться, разложить по полочкам, получить совет. Подумала о бывшей однокурснице Варваре, но постеснялась даже звонить: вдруг не поймет, засмеет, сделает неправильные выводы. Лиза не в счет. Отец?

С ним и на бытовые темы редко поговорить удавалось, не говоря уже о личных. Получая в избытке негативное общение на работе, дома отец отгораживался книгами. Читал больше про приключения и путешествия, мешал Лондона с Хейердалом, Шеклтона* — с Симмонсом**, Кракауэра*** — с Обручевым. Когда надоедали и книги, нырял в бутылку.

Мать снимала квартиру в Лианозове, прислала адрес в WhatsApp. Оказалось, ближе человека и нет, и это нормально: все же мать.

Сидя в такси и глядя на раскисшие серые улицы, Арина решила все сразу не вываливать, исключительно вчерашнее. Хотя про предыдущих хозяев спросить надо.

Но как-то так получилось, что начала как раз вопросом о жильцах. Мать только проснулась, слушала невнимательно, нервно курила. Что-то свое тревожило.

— Я, Арин, хозяев толком не помню. Ну морды синюшные — это факт. Мужики вроде молодые. Двое прописаны были. Что до этого происходило — ну кто же знает? Если повторится то, что ты рассказала, надо батюшку вызвать, квартиру освятить. Есть у меня один на примете. Сама позвать хотела, да отец на дыбы встал. Короче...

Мать вспорхнула со стула, умчалась в комнату. Арина оглядела кухню. Лилии на столе, аромат божественный. Светлые обои с вензелями, плитка под мрамор, мебель в стиле модерн, техника «Бош» да «Сименс». «Совсем другой коленкор, — вздохнула Арина. — Представляю, какая у нее спальня!» И встряхнулась, ощутив привкус зависти. «С подобными чувствами надо бороться нещадно, — учила их мудрая Софья Абрамовна. — Не давайте им в себе прорасти — и будете вознаграждены миром в душе». Арина старалась, но иногда вот капельки просачивались.

— Нормально ты устроилась, — кивнула матери, когда та вернулась. — И телик в полстены. Круто.

Мать не смутилась:

— Приезжай почаще. Я в партии на хорошей позиции. Дай время — и тебя пристрою.

— А «мерседес», что возле подъезда ждал, однопартийца?

— Арин, мать допрашивать — невежливо.

Она протянула дочери свечку, бутылку с водой, развернула полотенце, в котором оказалась икона. С иконы на грешный мир скорбно взирал какой-то изможденный старец.

— Поставишь на тумбочку или на полку. Вечером свечку зажги. Святой водой сбрызнешь углы и молитву прочитаешь вслух, вот на листочке. Отец Пантелеймон писал.

* Эрнест Генри Шеклтон (1874—1922) — английский путешественник ирландского происхождения, исследователь Антарктиды.

** Дэн Симмонс (род. в 1948) — американский писатель, известный прежде всего своей фантастической сагой «Песни Гипериона». Его перу принадлежит также мистический триллер «Террор», в основе которого лежит реальная история полярной экспедиции английского мореплавателя, исследователя Арктики Джона Франклина, пропавшей в 1845 году при попытке найти Северо-Западный морской проход из Европы в Азию.

*** Джон Кракауэр (род. в 1954) — американский писатель и альпинист, автор книг «В диких условиях», «В разреженном воздухе», «Под знаменем небес» и др.

- Это кличка однопартийца — Пантелеймон?
- Не паясничай.
- Ладно. Хорошо тут у тебя, мне нравится. Спасибо за помощь. Мать чмокнула дочь в пухлую щеку. Прижала к себе.
- Поезжай, Арин, пора мне. И поменьше мучного, расползаешься. Сахар контролируешь? Следи за собой.
- Арина фыркнула:
- Я в норме, ма. Как и сахар.

Потустороннее

Арина сделала все, как наказала мать, и даже больше. Обрызгала углы в комнате, на кухне, в спальне отца, зажгла свечу и поставила у себя на тумбочке перед иконой. В дополнение прочитала молитву перед сном. И спала спокойно, без происшествий несколько дней подряд.

Ее все-таки распирало от желания поделиться произошедшим с Лизой, но та с вечера запиралась на ключ в своей комнате. Не реагировала на стук и не выходила на кухню. Лишь на третий день Арина перехватила сестру. Лизка выглядела неважно: сухие губы, блуждающий взгляд, резкие, дерганные движения.

— Чё хочешь, систер?

Арина рассказала о скрежете в окно, о разговоре с бабкой в лифте, но как-то сбивчиво, путано, стесняясь собственного страха, боясь показаться неуверенной. Лизка слушала вполуха, застряв в своих раздумьях.

— В ванну иди, систер, соленой воды налей — и спать, — буркнула Лиза. — Там не достанет.

Вот так помогла! Арина вскочила. Щеки пылали от стыда за собственную слабость.

— Ну спасибо! Клянусь, больше ни вот столечко не расскажу! Сестренка, блин...

— Да и срать мне, поверь. Я сейчас серьезные вопросы решаю, очень крутые. Не до тебя.

На том и разошлись.

Свеча воняла ладаном, Арина перенесла ее и икону на кухню. В полночь завалилась Лизка и минут двадцать шарахалась по квартире, хлопая дверями. До часа ночи Арина смотрела комедию, стараясь отвлечься, потом вырубилась, оставив на столике мерцающий светильник.

...Проснулась от холодного прикосновения. Приподняла голову с замиранием сердца. В комнате висел запах пожухлой травы, сырости, будто не комната это, а лес дремучий. В окне, распахнутом настежь, трепетала вздутая сквозняком занавеска. Край одеяла был откинут, Арина видела свое оголенное колено — и ощутила, как вдоль лодыжки заскользило что-то холодное, влажное и противное. Она не видела сущность, только чувствовала.

Рывок до спасительной кухни уместился в три секунды. Арина визжала, словно сирена в порту, примчалась даже Лиза, привыкшая к шуму разного рода. Соседи снизу вежливо постучали по батарее. И снова таблетки, дым и вонь сигарет, кофе и всхлипы до утра.

Сестры восстановили статус-кво, а топор негласной войны кинули в мусорное ведро.

Лиза, прослушав заново, уже внимательно, всю историю, начиная со встречи со старухой, в этот раз пришла в состояние невероятного возбуждения. Хлопала себя по худым ляжкам и мурлыкала, казалось, от восторга. Арина отметила это для себя как экзальтацию среднего уровня, то есть неестественное воодушевление без веских причин.

— Вау, систер, это ж подарок судьбы! Черные силы! Зло! Офигеть! Круто! Да знаешь, какие вещи можно творить, если ты на их стороне?! Да я такое вычитала в книге про демонов! Там поэтапно расписано, как себя вести и прочее. И заклинания, и молитвы — все разнесено по этапам... Ох, блин, Арина! Главное — не обделаться в первые пять минут, когда на контакт выйдем, а потом, Арин, чума просто! Чума! Заживем... Осторожка проявилась на горизонте. Возьму квартиру с видом на сквер, этаже так на третьем. Прикинь? Метров на сто раскинуть...

— Ты можешь помолчать?!

От диких речей младшей Арина впала в паническое состояние, ощутила постукивание молоточка в затылке и привычно схватилась за анальгин. Она, конечно, предполагала, что Лизка голову не нагружает, хотя и учится достойно. Но прежние увлечения сестры выглядели мило — та же гитара и рок-музыка, например, — и включения в этот круг острых добавок типа алкоголя, сигарет и, вероятно, секса хоть и вызывали тревогу, но не более того. А сейчас-то полная пурга в котелке! Контактерша, блин, полоумная...

— Лиза, ты, когда сюда бежала, башкой о стену не шарахнулась?

Лизка поперхнулась кофе:

— Не поняла?

Арина вскипела:

— А ты вникай! Соображай, когда пургу несешь. Ко мне барабашка скребется, в кровать лезет, а она о встрече с ним мечтает! Ты совсем очумела? С кем контакт? Ну пускай к тебе в трусы залезет — я посмотрю. Можешь у меня в комнате ночевать, кстати.

— А ты не ори, — совсем не обиделась Лизка, и это обстоятельство охладило Арину. — Сожри еще анальгину, полегчает. Ты вот критикуешь, а сенсорное голодание знаешь какие двери открывает перед человеком? Охренительные, Арин! Уникальные, если твоим языком.

— Догадываюсь, Лиз. Только это не двери, это калитка в психушку. Завязывай с этим, а?

— Арин, слышь... — Лиза наклонилась и зашептала доверительно: — Ты его не спугни только, хорошо?

Арина едва сдержалась, чтобы не заорать матом. Щеки задрожали, ладони вспотели. Хотелось схватить сестренку за ворот серого халатика, потрясти, как котенка, вернуть в реальность разговора.

— Кого «его», Лиза? — Она и не заметила, как перешла на крик.

— Тсс! — приложила палец к ее губам Лизка, и в глазах мелькнуло злорадство. — Ты не бойся. И не ори. Я тебе потом кое-что расскажу, не сейчас. Мне сообщество особую тему доверило. Я теперь, знаешь ли, не просто Лизка-зубочистка!

И сестра скривила рот в жесткой и злой усмешке.

Слово «зубочистка» вызвало в памяти Лизы образ Маши Старовойтовой, одноклассницы из новой школы, выпендренщицы и по совместительству дочери мэра одного из северных городков России. Девочки звали ее Мэри. Жесткая в общении и острая на язык стерва. Длинноногая, узкоглазая, она ходила в приталенном черном платье, с пышной прической, с изящным пирсингом в нижней губе. Считала себя королевой. Папочка-толстосум прикупил ей отдельную квартиру в элитном загородном квартале на берегу канала, и у нее единственной в школе был БМВ с личным водителем. За Мэри таскалась кучка верных пажей и прислужниц из числа одноклассников и прочих. Но сама она проходу не давала новоприбывшей Лизе, донимала по разным поводам. То ее место займет, то рюкзак с парты скинет, то в инсте гадость напишет, то толкнет невзначай в столовой, то съязвит прилюдно, то обзовет... Лиза поначалу внимания не обращала, хотя было обидно. Но когда она познакомилась с Бальбо и влилась в сообщество готов, где Мэри, как оказалось, тоже занимала позицию королевы, обидно стало вдвойне. Своя же, зачем так?

Это Мэри нарыла ненавистную кличку Зубочистка, прилипшую к Лизе еще в старой школе. Лиза предполагала, что виной происходящему Валька из параллельного класса. Худой очкарик тусил в сообществе готов на особых условиях: не красил волосы, одевался просто и стильно, не поддакивал Бальбо и не таскался за королевой. Красотка Мэри делала вид, будто покровительствует Вальке. Но Лизка слышала восторженные перешептывания одноклассниц: отец Вальки замутил крупный стартап в Калифорнии, получил гражданство и ждет, когда сын окончит школу и воссоединится с семьей.

Бальбо говорил, на Вальку очередь из девчонок, но Мэри вне конкуренции и своего не упустит. Лизке было пофиг, а вот Валька несколько раз навязывался проводить ее до подъезда и даже пару раз заходил — типа в гости.

Рассерженная не вовремя всплывшими воспоминаниями о королеве, Лиза ушла в комнату, захлопнула дверь, навалилась на нее спиной. Сжала кулаки, и длинные ногти впились в ладони. От ярости ее бил озноб.

— Сука...

Лизу еще сильнее затрясло, она со всей силы вмазала пяткой по дверному полотну. И еще, и еще!

— Сука! Сука! Сука!..

Арина

Утром Арина позвонила матери — попросила телефон батюшки — и зависла в интернете.

В прошлый раз она растерялась, погрузившись в бездну всякой нечисти: домовые, призраки, духи, ведьмы — и сотни историй, то ли выдуманных, то ли реальных, не понять. И немислимое количество советов по приручению или изгнанию темных гостей. Задобрить, оставив угощения в разных углах. Три раза вымести квартиру и сжечь веник на открытом огне. Распахнуть дверь и, крича «пошел вон!», воткнуть шило в порог. И много чего еще. Она сопоставляла прочитанное с историей семьи самоубийц и понимала — не тот случай. На одном из сайтов случайно нашла упоминание о Черном Домовике, и будто кольнуло в груди. Старательно прочитала выводы, замечания и советы.

Теперь на ночь она зачитывала молитву с бумажки, присыпала пороги комнаты и лоджии солью, ставила свечу перед иконой и ложилась спать со словами: «Изъиди, сила темная, на веки вечные в ту крошечную тьму, откуда явилась! Аминь».

Неделю жили спокойно. Правда, подвел отец. После ухода матери появлялся наездами, все говорил о бесконечности работы, но Арина заметила: он опять под хмельком. Вероятно, устав, отец скинул бремя забот в бездонную пропасть запоя. Два дня пил в своем кабинете на службе, на третьи сутки, ночью, его привезли угрюмые неразговорчивые мужчины в штатском, которых Арина видела впервые.

С утра отца трясло, к обеду он расхаживался, бодрился, пытался выйти на улицу, но, опрокинув стаканчик-другой, терял энергию и заваливался в кресло перед телевизором. Тупо пялился в экран, курил, роняя пепел на пол, потом выпивал еще и засыпал. Утром, опухший, небритый, в своем мохнатом махровом халате похожий на медведя, разбуженного посреди зимней спячки, он виновато прятал глаза и, стыдясь, протягивал Арине деньги, умоляя сходить за «горючкой». Деньги Арина брала, но в ларек ходила Лиза.

Поведение Лизы удивляло Арину. До этого эпизода сестрица не реагировала на происходящее с отцом вовсе. Смотрела на его закидоны презрительно сморщившись, не выносила запоев, да и вообще была недружелюбна, за глаза называла отца ментом и редко выходила с ним на разговор. Зато теперь проявляла рвение, стремясь помочь. Появлялась дома сразу после школы — а это уже достойно записи в семейных мемуарах, — ходила по просьбе отца за водкой и сигаретами. И приносила всегда больше, чем требовалось, чему отец, естественно, был несказанно рад. Арина удивлялась, каким макаром школьнице отпускают спиртное на кассе. Не иначе кому-то из продавцов глазки соорудила.

Арина не обсуждала с сестрой происходящее. Запрещать смысла не было: отец тогда бы просил ее либо звонил бы на работу. Служивцы никогда ему не отказывали. Сама Арина варила супы, жарила мясо — но

ел отец крайне мало, — убиралась в его комнате. Она помнила: на четвертый день следует урезать порцию водки, на пятый — вызвать нарколога Семена Андреевича. Арина страдала, каждой клеточкой тела переживала состояние отца, в мыслях желая ему восстановления.

В тот вечер она зашла в его комнату после одиннадцати, когда он заснул, развалившись в широком кресле. Невнятно бормотал телевизор, тусклая лампа ночника вырывала из темноты неубранную постель, трюмо, приспособленное вместо стола, заветренные куски мяса на блюде, пивные бутылки возле окна, пустые шкалики из-под водки. Арина проветрила комнату от жгучего запаха пота и перегара, собрала бутылки, отнесла в мойку стаканы и выбросила остатки еды.

Боковым зрением заметила бурое пятно на шее отца. Оставив тарелки, она присела, чуть оттянула ворот рубахи и отклонила его голову. Отец недовольно засопел, зашмыгал носом. Похожее на застарелый синяк, пятно уже плеснулось нитями к виску, заползло под волосы. Арина вспотела, в панике застучало сердце. Вчера подобного не наблюдалось. Упал и ударился? Кого вызывать — участкового врача, скорую, нарколога?

Она положила два пальца на выступающую артерию на запястье отца. Пульс как часы, чуть учащенный, но ничего тревожного. Откуда же пятно в такой цветовой палитре — от багрового до горчичного? Заныла собственная рука, и она откинула край халата. «Бабкин ожог» воспалился, налился красным и чесался, будто по коже прошлись крапивой. Надо наложить мазь, вспомнила Арина, два дня не мазала. И таблетки выпить.

Она мягко прижала пальцы отцу под висок, прямо к буро-желтым нитям, что как черви извивались по коже. Дикие фантазии заплясали в ее воображении. Это нити алкогольной зависимости опутывают отца. Вот она проводит ладонью по разводам и счищает их, словно остатки тонального крема... Когда-то она в мечтах представляла, как овладеет подобным методом.

В затылок стукнул молоточек. Арина качнулась, картинка прыгнула, и в темноте сознания появился яркий сине-желтый круг, схожий с пламенем газовой конфорки. Не осознавая действий, она толкнула огненный круг на бурые прожилки на виске отца, где лежали ее пальцы. Зачарованно следила, как круг вспыхивает, уменьшается до искры, устремляется вперед — и пропадает. Подушечки пальцев зацепило, словно обожгло, и она отдернула руку. Быть такого не может! Отец во сне всхлипнул, а нити и вправду растворились.

«Видишь, получается! — прошептал внутренний голос. — Просто поверь и попробуй еще».

Арина взмокла, перенесла пальцы ниже по шее, туда, где разводы налились горчичным. Закрыла глаза. Темнота. Синий мерцающий круг ушел в темноту, и появилось легкое пощипывание в подушечках. Она не понимала как, но это работало. Разводы таяли, оставляя легкую желтизну. Она выполняла действие как заведенная, снова и снова. Пришлось растянуть ворот отцовской рубашки, чтобы удалить последние прожил-

ки-нити в районе сердца. Отец спал, блаженно причмокивая, завалившись набок.

Вышла уставшая, с мокрой спиной. Руки ходили ходуном, ломило спину.

Решила пока не рассказывать о происшедшем Лизе. Если предположения верны, пить отец больше не должен.

Арина оттянула рукав — «паучье» пятно едва выделялось розовым.

Лиза

Лиза не поняла, почему отец так рано вышел из запоя. Это губило все планы, а ведь она так старалась! Чего стоила одна только договоренность с этим казахом на кассе «Пятерочки». Пришлось пообещать свидание, дать номер телефона и потом пару раз врать о заболевшей тетушке.

Но главное — договоренность с Черным рушилась на глазах. Пьющий чел для нечисти лакомый кусок, так она понимала ситуацию. Безвольный, неспособный к сопротивлению. Чем больше водки и глубже запой, тем легче забрать... ну что они там забирают — душу, жизнь? Ей пофиг. Поторопить бы Черного! Чего размусоливать, раз договорились — забирай ненужного и отдай то, что посулил.

Она уже чувствовала готовность принять обещанную силу, а тут такие дела...

Лиза страстно желала ускорить процесс, но не знала как.

Арина

Арину тревожила Лизина отстраненность. Сестрица не появлялась на кухне, когда там хозяйничала Арина, не прокуривала по часу уборную, не отвечала на стук в комнату.

Лизку удалось выловить в субботу после полуночи на кухне, когда она варила кофе.

Арина закрыла своим плотным телом дверной проем.

— Чё надо, систер? — развязно спросила Лизка, прихлебывая из кружки.

Явно навеселе, подумала Арина, глядя на бегающие глазки сестры. Может и не получится разговора.

— Лиза, что происходит? Ты выпила, что ли? Ты хотела рассказать, что готовишься к чему-то, к некой новой роли. Что ты не зубочистка, помнишь?..

Лиза прищурилась, растянула тонкие, в черной помаде губы в злую усмешку.

— Ты заканчивай, систер, с зубочисткой... Я не забываю никогда и мщю, понятно?

И, подумав, чмокнула губами, словно вспомнила.

— Ладно, пойдём!

Схватила Арину за руку, а у самой ладонь как с мороза.

— Ты не заболела, Лиз? Руки ледяные...

— Да пошли, расскажу кое-что. Да и пора уже вас познакомить.

И потащила Арину в «пещеру» — так сестрица называла свою комнату, куда Арина с момента переезда заглядывала считанные разы.

С порога встретила полутьма. Пламя свечей выхватило затертый письменный стол. Шкаф-купе отразил в зеркале расхлябанную тахту, еще из старой квартиры, застеленную сереньким покрывалом. Со стен, с глянцевых плакатов, таращились, кривляясь, лица рок-идолов. Витал знакомый запах затхлости, парафина и сигарет.

Лиза подошла к облезлому столу, заваленному тетрадами и пустыми сигаретными пачками. Взяла книгу.

— Садись, — кивнула Арине на тахту, сама же устроилась на стуле. — Выпить хочешь — для храбрости? Я почитаю тебе похожее на стихи — возможно, молитву, — а потом и покажу.

— Просто расскажи для начала, — попросила Арина.

Хотя в голове роились, словно мухи, десятки вопросов, она чувствовала себя весьма неуютно. Сердце будто выстукивало: уходи, уходи, уходи... Но молоточек в затылке молчал.

И Лиза, отложив в сторону «Сад Демонов», коротко и доходчиво пересказала Арине историю своих отношений с готами. Описывая обряд посвящения, она сознательно пропустила сцену с котом, чтобы сдвинутая на психологии сестренка не зашла в истерику цитатами из учебников.

Свое новое имя Лиза произнесла с нескрываемой гордостью:

— Теперь я — Морана, что означает «черная луна». А еще я — Подрезающая нити жизней! Прикинь? Круто звучит!

Арина приподнялась, собираясь уйти и завтра же набрать номер матери и объявить страшное: ее младшая дочь в состоянии буйного помешательства, требуется лечение, а может, и изоляция.

— Блин, Лиз, ты понимаешь, что это сумасшествие? Все эти твои посвящения, пентаграммы, готы, демоны, врата всякие... Ну для книжки еще пойдет, для романа ужасов. Но для жизни — точно нет. Ты кем хочешь быть? Нет такой профессии — гот. У твоих друзей родительских денег хватит ничего не делать. А у тебя? Тебе надо школу оканчивать, о будущем думать, Лиз, о профессии...

— Ты меня не лечи! — заорала зло Лиза, вскочив со стула. — Задолбали нравоучения, психолог гребаный! Ты мне мать? С тобой поделились сокровенным, а ты — в мораль... А мне твоя мораль не уперлась. Ясно?

Запал злости кончился, как электричество отключили. Лиза выдохнула, присела на стул.

— Мне, может, поддержка нужна от сестры, от крови родной...

«Вспомнила о родстве! — хотелось крикнуть Арине. — А когда мне надо было — ты отвернулась». Но не стала ворошить былое, решив, что пора этот балаган заканчивать.

— Ну хорошо, извини. Морана так Морана. До обрезания нитей, надеюсь, тебе все же далековато. Ты показать хотела...

— Хотела, систер. Пора, время поджигает! Только ты это... — Лизка метнулась к шкафу-купе. — Выпей, а? Так не пойдет. И под этим делом воспринимается легче, я знаю. На сухую жутковато.

Она сдвинула зеркальную дверь шкафа, выхватила бутылку рома, плеснула в круглые бокалы и один протянула Арине.

— Давай выпьем, систер! Мы должны договориться, мы ж сестры. Заживем с тобой, блин, очень круто! Слово даю.

«Надо принять приглашение, — подсказал Арине внутренний голос. — Сыграй роль союзника, выведай тайны. Это пригодится».

Арина взяла бокал. Они чокнулись.

Лизка провозгласила:

— За черных сестер! — И махнула залпом содержимое.

Арина едва не подавилась.

— За кого?

— За нас, систер. Сейчас поймешь. Пей, не бойся.

Арина глотнула раз, потом еще. Вновь захотелось убежать, но задница точно прилипла к дивану. «С утра звоню священнику, в обед тащу ее к врачу», — решила Арина и выпила до доньшка. Ром показался сладким, словно медовая настойка.

Заплясала на потолке люстра, поплыла вбок этажерка с книгами, заколыхались свечи, распался на части скуластый овал Лизиного лица.

— Помнишь, я о контакте говорила? Арин, только не бойся. У меня получилось! Я назвала его Черный. Ну или просто Чувак. Не знаю, есть ли у них пол, но мне мужская сущность по приколу.

Голос Лизки пробивался будто сквозь толщу воды, шипел, бурлил, терял окончания.

— Ну что, систер, не бойсь! Это прикольно.

Лизка колыхнулась в сторону, вытянула из-за стола склеенные чертежные листы с пентаграммой красного цвета, кинула посреди комнаты. Стены качались. Казалось, с десятков свечей горело вокруг. Лиза шагнула в центр пентаграммы, развела руки в стороны, прикрыла глаза, заговорила нараспев:

— Во имя Сатаны, правителя земли, царя мира сего, призываю силы Тьмы поделиться своей адской мощью со мной! Откройте шире врата Ада, явитесь из пропасти!

Пламя свечей зашипело, и часть их погасла. Сбоку на Арину дохнуло плесенью. Тень выделилась из стены — и обожгло липким холодом...

Арина очнулась от вони нашатыря. Осоловелая Лизка водила флакончиком перед ее носом.

— Ну ты, мать, даешь! Чувствительная ты наша...

— Где это?

— Кто, Черный? Да кто его знает, отвалил. Он до трех ночи приходит и ненадолго.

— Зачем это, Лиз? Откуда?

Арина чувствовала слабость, во рту пересохло, хотелось пить и спать одновременно.

— Зачем? Мы теперь друзья типа, о бартере договорились, по современному. Я ему — тело, душу, ну чела какого ненужного, а он мне — дар.

Арину бросило в жар.

— Что значит «ненужного», Лиз? Как ты можешь так о человеке!

— Да сиди, дай объясню.

Темные глаза Лизы лихорадочно горели, кончики пальцев вздрагивали.

— Вот папаня-алкаш с душонкой его ментовской — нужен он мне? Нет. Вот и значит — ненужный...

— Прекрати! Совсем дура? — Арина вскочила, задыхаясь, словно пробежала стометровку. — Ты сумасшедшая! Тебе к врачу надо! Это даже не смешно, это же отец...

— Да сиди же! Сколько орать можно?

И Арина удивилась силе, с которой худая Лизка удержала ее за плечи. Будто мешок с песком на спину навалили.

— Ты ж психолог. Спокойно все воспринимай, без эмоций. На клиентов тоже орать будешь? Так вот. Конечно, лучше молодого ненужного подыскать. Для тебя, например. Представляешь, двоих приведем ненужных — по дару получим, ты и я. Заклятия и наговоры. Например, на смерть. Это покруче любого киллера! Смерть без следов, прикинь? Начнем заказы брать, бабло грести. Ты в Париже, я в Москве — международный масштаб!

Страшно на такие темы разговаривать, только утренние полоски света и шум машин за окном вселяли в Арину уверенность. Она настроилась выведать как можно больше, но сестренка рассказала немного. Тварь оставляет ей знаки в книге — причем, как ни парадоксально, это Достоевский, «Преступление и наказание», — но интерпретация этих знаков дается Лизе с трудом.

И для каких-то целей гостью из Тьмы нужна Арина.

Семейное

Проспав до обеда, Арина увидела пропущенный вызов от матери. Перезвонила, но та не ответила. Зато от нее пришла СМС с номером и именем «Пантелеймон». Арина порадовалась и пошла умываться.

Лизка уже умчалась, и Арина набрала номер батюшки. Сработал автоответчик. Попыталась еще раз и оставила сообщение и свой номер в надежде, что священник откликнется. Но тот молчал, пришлось весь день то и дело звонить самой.

Пантелеймон ответил к вечеру. Долго слушал и кряхтел в трубку, наказал прийти в церковь: он напишет молитв, даст свечей и иконку, объяснит последовательность действий. Если не поможет, согласует день и прибудет лично.

Арина задумалась. Отец не пил уже, наверное, с неделю, за него переживать нечего, а значит, сработал ее терапевтический метод вкупе с бабкиным «паучьим» пятном. Хотя был нюанс. Приходил отец теперь раньше обычного, подавленный, кислый какой-то, бледный. Может, на работе нелады. Разберется — поправится. Он наливал кофе и заперся в комнате, даже и не ел ничего. Она предполагала, что отец читает.

Арина вдруг подумала: вот решит Лизка — и ненужной окажется она. Сожрет ее темная сущность, высосет энергию, и плоть увянет. Так в интернете знающие описывали. По-разному бывает: с кем-то нечисть расправляется быстро, а некоторые годами сопротивляются или в монастырь сбегают. Кто-то выкарабкивается...

От этих мыслей стало неуютно, и она поехала на выходные к деду. На всякий случай.

В пятницу в час ночи пришла эсэмэска: «Не жди. Я на даче у Вальчека. Нашла ненужного? Вальчек, кстати, подходит. Черного не бойся — просила тебя не трогать».

Вальчек — Валька из параллельного Лизкиному класса. Высокий худой ботан. Приходил как-то к ним. Вообразил, поди, что симпатичен сестрице, а та его на мясо приготовила, вот дела...

«Молодец, Лизка, обо всех позаботилась», — помрачнела Арина, словно предчувствуя, как стремительно стягивается вокруг семьи роковое кольцо, нечто страшное, неминуемое.

Она узнала о смерти отца в субботу ближе к обеду. Деду звонила мать: приехала к ним домой за какой-то мелочью, а там... Арина не смогла в это поверить. Не мог отец вот так, без причин, выйти в окно, ну никак не мог! Сознание не принимало новость, выключалось, будто неисправная лампочка. И позже заключению медиков о стремительно разросшейся опухоли не поверила. Вздор, так не бывает: такой здоровяк, и не пил же.

И почему в окно?..

Афишировать самоубийство сотрудника руководство местного ГУВД не решилось, оформили как несчастный случай. Хоронили с почестями.

В день похорон шел снег, и стоянку перед кладбищем замело...

Лиза

Лизу на похоронах терзал лишь один вопрос. Раз отец ушел — значит, должен проявиться дар. И Черный это подтвердил. Но надо было проверить. Вопрос — на ком? Не сестре же подрезать эти нити...

Неделя прошла без локальных столкновений. Лиза удивлялась: систер тупо зависает вечерами в комнате, на аромат кофе не выползает, на

французские песни не реагирует. Не налетает ястребом, не сыплет упреками и психотерминами, а главное — не вызвала для инспекции маман.

Мать приехала сама, привезла всякой еды, оставила не кислых деньжат. Так Арина и тут ноль внимания, вышла только после длительных уговоров, бледная, нахмуренная, будто диссертацию строчит. А может, и вправду пишет, кто ее знает. Курить начала, и это стало потрясением для Лизы.

Пора запускать план Б, решила Лиза, и окончательно перетащить сестер на свою сторону. Черный просил, но она не могла понять, в чем тайный смысл. Разве что темным силам нужен союз двух сестер...

Она поправила прическу, захватила пачку Vogue и выдвинулась.

Постучавшись, вошла сразу, не дожидаясь ответа, в привычной для себя манере. Стенка из «Икеа» вытянулась вдоль стены от окна, на стене над столом фото отца в форме, он смотрит вдаль, сдержанно улыбаясь. Забитая книгами полка, рюкзак в углу. И воздух, пропитанный никотином. И Арина.

Минуту назад Лиза была уверена: зайдет и увидит, что сестер забрала на кровать с ногами, забила в угол с книгой типа «Узник Азкабана». Она заходила разок без хозяйки, видела обложку под кроватью. Но нет.

По-турецки поджав ноги, Арина сидела в центре комнаты на полу перед компом. На коленях у нее лежала раскрытая книга, справа в пепельнице дымилась сигарета. На Арине была майка, которая скрывала рыхлые плечи и подчеркивала объемную грудь, распущенные волосы спускались на спину, солнце высвечивало пухлые щечки, морщинки сбегались к переносице.

Кого она напоминала? Лиза напрягла память. Точно! Прямо молоденькая Бриджит из фильма «Дневник Бриджит Джонс». И сцена схожая — там героиня сидит с книгой на кровати практически в позе лотоса.

— Сестер... — Лиза присела рядом. — Ты курсовую пишешь?

Арина отложила книгу, и Лиза усмехнулась, пробежав взглядом по цветному корешку.

— Вот, правильное чтение, медитативное! «Молот Введьм» — это по-нашему.

— Послушай, — Арина строго взглянула на младшую, — иди уже. Я занята.

— Момент! Есть предложение, от которого ты не должна отказаться. У наших туса намечается завтра. И знаешь у кого? У Мэри! Ну помнишь ту стерву, дочь мэра, я фотку показывала? На ее квартире сейшен.

— Короче.

Лиза вспыхнула. Разговор не складывался, пришлось выложить приглашение в несколько сумбурном виде. Она и сама не понимала, зачем Бальбо понадобилось звать Арину. Пыталась его ласками, поцелуями — но добилась лишь невнятного мычания про знак свыше. Какой знак, от кого?

Уходя, Лиза хлопнула дверью, и фотка отца на стене качнулась.

Арина

Приглашение на вечеринку готов Арину не тронуло. Не видела она смысла перетягиваться в незнакомую компанию. Разве что отвлечься... Давно ни с кем не общалась. От институтских подруг отмахнулась, матери некогда — та сплошь в партийных процессах, и она залипла тут среди этих фолиантов. Книжки по мистике и оккультизму — кто бы мог подумать, что ей, психологу, это станет интересно? Но про врага надо знать все. Иначе — как бороться?

Впрочем... Арина погрузилась в раздумья, потеряла широкий лоб. Сестрицу не мешало бы проконтролировать, больно много ненависти вылилось в свое время в адрес несчастной Мэри. Распушила Лизка хвост со своим посвящением, с новым именем Морана и мистическими премудростями. Как бы чего не натворила.

«Надо обязательно сходить, — тоном, не терпящим возражений, сказал внутренний голос. — За Лизой приглядишь, людей посмотришь, развеешься».

Словно итог подвел, усмехнулась Арина. Хуже точно не будет.

Не было еще случая, чтобы она голоса послушалась: была убеждена — подсознание всегда советы нашептывает верные.

С момента трагического случая с отцом Арина отметила ряд перемен, но не в Лизе, не в окружающей жизни. В себе. Изматывающая боль в затылке пропала и возвращалась в моменты, когда Арина замечала на людях нити, как было у отца. У одних на щеке — чаще всего цветом уходящие в желтизну, у других возле уха — обычно бурые, у третьих на шее — всегда розовые, разбегающиеся в районе кадыка. Тогда молоточек звонко долбил в затылок, и она воспринимала сигнал, и всматривалась пристально, и видела симптомы надвигающейся беды. Но не могла понять, как это интерпретировать, как реагировать, в конце концов. Воспоминания об удалении нитей у отца вызывали состояние лихорадки.

Она искала ответы — в книжках, на сайтах, на форумах. Просиживала по полночи, отсыпав вокруг себя защиту солью — на всякий случай. Ответа не находилось.

Мистическое

На вечеринку сестры припоздали. Долго ждали такси: на мосту через канал скопился пробка. Усатый охранник на въезде минут пять созванивался с хозяйкой, потом петляли во дворах, искали нужный дом. Будто в сказку попали. Лес по кругу, канал белой змейкой вдали, дома в финском стиле, пятиэтажки современные разноцветные, подъезды в стекле. Детские площадки расчищены от снега, в каждом дворике елка, гирлянды повсюду. Душевно. Празднично.

Арине очень понравилось. Лиза поругивалась.

Гостей на вечеринку собралось немного, практически все знали друг друга. Тут и там звучали возгласы, смех, царило всеобщее оживление. Арина поздоровалась с Бальбо, которого не сразу узнала, отметила его болезненно-белое лицо в очках а-ля сварочные, худобу тела в наглухо застегнутом кожаном пиджаке. Он снисходительно улыбнулся, и Арина, почувствовав сигнал в затылке, разглядела едва заметные синие прожилки на его бритом виске.

В холл выскочил дылда Вальчек, улыбаясь, раскланялся, точно клоун, и она кивнула, а Лиза как будто не обратила внимания. Из зала, шурша пышной юбкой, выплыла Мэри. Волосы выкрашены в цвет мяты, хрупкие плечи в черном жакете с декольте, на талии серебром рассыпались массивные застёжки, на стройных ногах ажурные колготки. Изогнутые, словно в удивлении, брови, жемчужины пирсинга в носу и легкий ошейник из крестов на шее.

Бальбо поспешил представить Арину хозяйке. Мэри снисходительно улыбнулась.

Арина словно увидела себя со стороны — в джинсах, в сером блюзоне, с дурацкой косичкой, которую Лиза не уговорила распустить — и сразу почувствовала себя не в своей тарелке.

Квартира поразила Арину роскошью и размерами. Стены были точно выложены из мрамора, и она даже потрогала гладкую поверхность. Ей не понравилась вычурная мебель в позолоте и избыток хрусталя на люстрах, зато порадовали строгие линии узоров лепнины, разбегавшихся по стенам и потолку, и обилие пейзажных картин.

«Наверное, так и должна жить дочь богатого человека. Ничего удивительного», — подумала Арина, усаживаясь рядом с Лизой на краю массивного стола, уставленного тарелками. Бутылки с яркими этикетками в живописном беспорядке кучковались на отдельном столике. Выключили верхний свет, зажгли стоявшие на столе свечи в медных подсвечниках. Потянуло парафином и ароматом мяса с кухни. Мэри включила *Сегетону*, последний альбом группы *The Cult*. Взвыла гитара, вступили ударные, и Лиза сморщилась: из всех готик-групп эта была ее самая нелюбимая.

Гости загалдели, захлопали выстрелы шампанского, застучали, словно в ксилофон заиграли, вилки — веселье началось.

Арина представляла себе вечеринку готов иначе: какие-нибудь завешанные темным полотном комнаты, дрожащие огоньки свечей в глубинах зеркал, серебряные подносы с горками... наркотиков, наверно. Но нет — в реальности будто встреча школьных друзей.

Она сканировала поведение Мэри, отмечала ее высказывания, шутки, ужимки и режущее глаз лицемерие. Арина отнесла хозяйку именно к лицемерному типу, который пребывает в уверенности, что окружен всеобщим поклонением и обожанием, но не имеет четкой самоидентификации.

— А салаты покупные, — фыркнула сестре на ухо Лиза.

Арина пила шампанское как воду, и это помогло снять напряжение. Она перебрасывалась пустыми фразами с Бальбо, а тот трещал без умол-

ку, рассыпая свое обаяние направо и налево. Суежилась дородная тетка, разнося горячее, и до десерта, в общем, ничего особенного не произошло.

Потанцевали. Парни раскурили косяк на лоджии, квартиру заволкло сладким запахом анаши, и хозяйка потребовала разжечь сигаретку лично для нее.

Лиза, раскрасневшаяся, довольная, отыграла пару песен из старого репертуара, потом одну вещицу *All about Eve** — лучшую, на ее взгляд, — сорвала аплодисменты и раскланялась. Мэри, как заметила Арина, слушала концерт с покровительственной полуулыбкой, в ладоши хлопала наигранно.

Потом включили свет, затушили свечи. Принесли чай. Вино и шампанское сдвинули на край стола, в центр выставили торт — черный, вытянутый, словно гранитное надгробие. Зашуршала в зоне кухни кофемашина, выплеснув в воздух густой аромат кофе. Праздник близился к завершению.

Бальбо выступил с пафосной речью о болезненной чувствительности готов к дисгармонии, о неприятии ими обыденности, об обществе, которое не знает культуры готов и боится их. Мэри, покачивая бокал в руке, добавила про кажущуюся мрачность и замкнутость членов общины, которая вызывает в людях страх и непонимание. И Бальбо, подхватив, привел примеры случаев, как готов путают с сатанистами, как приписывают им ужасные наклонности и пугают ими детей. Мэри подчеркнула, что многие готы, и она в том числе, вообще не могут смотреть телевизор, где сплошь вульгарная реклама, фальшь в глупых передачах и фильмы, призывающие к распущенности.

Арина ощущала себя сидящей в зрительном зале. Спектакль закончился, и актеры вот-вот начнут кланяться.

Молодые люди за столом откровенно зевали, не обращая внимания на поданные чай и кофе, небрежно опрокидывали фужеры с вином, не вслушивались и не вступали в разговор.

Арина засобиралась было домой, когда захмелевшая Лиза объявила об игре. Это прозвучало неожиданно.

— Есть предложение, челы, — сказала сестрица, доставая объемную колоду карт. — Забавная развлекалочка. Забирает похлеще музыки и травки. Хотите узнать, что готовит вам судьба в скором будущем? Так вот, эти карты покажут. Расслабьтесь! — усмехнулась она, заметив удивленные взгляды. — Я не цыганка, но могу погадать на дорожку.

Арина знала об этой игре и задохнулась, предположив возможную карту для себя. Запрыгали в голове фантазии и желания. Любовь, Страсть, Знание, Подарок, Путешествие или Известие — все равно, она готова ко всему! Но лучше бы Знание... или все же Страсть?

Она запомнила все карты. Поковырялась вчера в рюкзаке сестренки, пока та мылась. Сигареты, тюбик черной помады, проездной, зажигалка,

* *All about Eve* — английская рок-группа, популярная в 1980-х годах, игравшая экзотическую музыку, смесь готик-рока и фолка.

два презерватива и колода карт. Карты оказались хороши: из плотного картона, приятные на ощупь, с качественной полиграфией. Цветные картинки, и красным понижу выдавлены интерпретации. Вот сундук с рассыпанными монетами — Деньги; девушка задумчиво смотрит в окно — Печаль; дама в пурпурном платье сдвигает в сторону занавес — Желание; зловещая тень замерла в переулке между домами — Враг; глаз в центре расходящихся солнечных лучей — Постоянство; собака, застывшая у могильного креста, — Верность; черная кошка перебегает дорогу — Опасность; коробка с синим бантом — Подарок; рыбы в голубом озере — Удача; башня на одиноком острове — Тюрьма. Ну и далее — Известие, Встреча, Любовь...

Карту с надгробным крестом на кладбище Арина тогда аккуратно спрятала в кармашек халата.

Разговоры приутихли, челы внимали с ословелыми лицами.

Мэри вальяжно взмахнула перчаткой:

— Что-то новенькое. Дерзай, Эли, сдавай!

— Королева, блин, — буркнула Лиза, тасуя колоду.

При всех презрительно, сквозь зубы, назвать ее Эли, словно собачку! При всех! Ну, готовься, сука...

Арина видела, как Лиза жестко поджала губы, как напряглись ее плечи и вспотели ладони.

Со слащавой улыбкой, не торопясь, Лиза доставала из колоды карты — вверх рубашкой в черную сетку с крестом в центре — и подавала гостям по очереди. Получивший переворачивал карту и показывал присутствующим.

Бальбо досталось Путешествие — кони несут карету по пыльной дороге. Он по-мальчишечьи показал окружающим сначала карту, а затем язык, на кончике которого блестел серебряный шарик.

Арина получила карту Знание — раскрытую книгу под свечой. Ей понравилось: знаний много не бывает.

Соседу хозяйки, молодому парню с ирокезом, досталась Страсть — сердце, пылающее огнем, и Мэри тоскливо вздохнула.

Когда хозяйка получила карту, все замерли и разговоры стихли. Мэри закрыла глаза, прошептала что-то, и Арина прочла по ее губам: «Господи...» Предчувствие? Арина не поняла, взглянула на сестру. Та взидала на Мэри с едва заметной усмешкой. Арина знала совершенно точно, что *та* карта уничтожена, разрезана ножницами и выброшена в окошко. Ветер развеял послание Смерти.

Мэри перевернула карту.

Ангел с красным крестом склонился над человеком в кровати — Болезнь.

Хозяйка побледнела, вскочила с места, щеки вспыхнули гневным румянцем. Она швырнула картонную карточку в лицо Лизе:

— Ты совсем сдурела! Зачем гадишь в гостях? Бальбо, что за хрень вообще происходит? Зачем мы позвали сюда эту...

«Ненормальную, договаривай», — усмехнулась Арина. Интересные у них отношения в сообществе. Дружные.

Лиза выглядела растерянной.

— Мэри, прости, но я вообще не при делах. Так карта легла.

Бальбо ее не поддержал:

— Лиз, ну убрала бы негатив! К чему такие подставы среди своих?

Арина выдохнула. Как она вовремя прошерстила Лизкин рюкзак! Если бы Мэри выпал крест на кладбище, неизвестно, чем закончилась бы вечеринка.

— Самый негатив, Бальбо, и так убрали, поверь мне, — покраснела Лиза и сердито взглянула на Арину: — Чего расселась? Поехали!

Мэри выскочила из-за стола, подбежала к зеркальному буфету, выудила бутылку виски с красной этикеткой, трясущейся рукой налила полный бокал и выпила залпом. Лицо ее скривилось. Икнув, она зажала ладонью рот и убежала в сторону ванной.

Вечер расстроился окончательно.

В такси Лиза жеманно пародировала Мэри:

— Мы, готы, не любим общество с его стандартной массовой культурой. Не терпим пошлости и ограниченности... Сука! А ты? Как ты посме- ла забрать карту, систер? — набросилась она на Арину. — Кто вообще позволил рыться в моих вещах?!

— Ты. Своим поведением. Ты же копаешься в моих, — парировала Арина.

Снежинки кружились вдоль шоссе, и она улыбалась.

— Ладно, понаблюдаем теперь, — буркнула Лиза.

— Понаблюдаем, — согласилась Арина.

Надо ли рассказывать Лизке, как она поддерживала Мэри, пока та выворачивала над унитазом содержимое желудка? Как умывала точеное личико хозяйки ледяной струей, и та пофыркивала, будто лошадь на водопое? Пока Лиза миловалась на лестнице с Бальбо, Арина с закрытыми глазами считала удары в затылок и исходящие импульсы, посылая их в тонкую шею хозяйки, туда, где узелок бледно-розовых нитей набухал стремительной чернотой.

Как Лиза смогла вызвать смертельное отравление, не касаясь Мэри в принципе, казалось Арине непонятным. Оставалось надеяться, что она, Арина, успела и беды не случится.

Дома сестры не разговаривали.

Черт-те что, а может, и ведьма...

В среду Арина решила действовать по намеченному плану борьбы с нечистью. Дождаться развязки истории с Мэри не имело смысла. Бальбо, которого она встретила накануне у кассы магазина «Пятерочка» на углу их дома, с каменным лицом сообщил неприятное: Мэри впала в кому и находится в Бурденко, в реанимации, в крайне тяжелом состоянии.

Лизка не скрывала усмешки. Еще неделю назад Арина объяснила бы ее поведение эффектом Розенталя, который состоит в том, что человек, уверенный в чем-либо, истолковывает происходящее так, чтобы это подтверждало его убеждения. Арина бы объяснила, не случись ей самой стать свидетелем и участником инцидента.

Обида и гнев вскружили Арине голову. Неужели ее хлопоты пропали даром и девочка умрет? Разозлившись, открыла ноут, пару часов просматривала подготовленные файлы, анализировала разные сущности, выползавшие в свое время на свет и кем-нибудь зарегистрированные. Пришла к выводу, что, как ни крути, Лизка прикормила поселенца — сущность, паразитирующую на энергетике человека. Значит, должна быть и личность, эту гадость подселившая. Осталось найти загадочную персону, и побыстрее: все и так далеко зашло. Как помогла темная сила Лизе — вторичный вопрос. Страшно — что сестрице понравилось.

Решив опробовать одну идею, Арина открыла нужный сайт, пробежала глазами инструкцию и отправилась в торговый центр. Для ритуала изгнания требовалось прикупить пару предметов.

На обратном пути Арина проверила почту. Заглянула и в ящик старухи-соседки, с номером семьдесят один. Внутри виднелся конверт. Черт! Для ее плана совершенно необходимо было его достать, но как? Арина сбегала домой, нашла отвертку, отогнула дверку почтового ящика и выудила извещение. Из собеса. Пожелтевшее от времени. Больше двух лет пролежало. Старуха в ящик не заглядывает?

Поднявшись домой, Арина зашла в спальню и ужаснулась. С утра в комнате царил относительный порядок, но сейчас... Кровать словно перевернул ураган. Вздыбленное одеяло, подушки на полу, скомканная простыня забились в угол, а по матрасу темно-зеленой каймой бежала плесень. Спазмы схватили низ живота. Арина зажала рот ладонью. Хотелось сбежать сейчас же, сию секунду, к деду, к матери — куда угодно, но прочь отсюда, навсегда, навсегда!

Взгляд упал на лежавшее на полу перевернутое фото. Она подняла рамку. Серые бревна барака, стройная мать в легком пальто в обнимку с отцом в форме — он еще капитан, — а рядом Лиза в розовой шляпке и сама Арина с вечной косичкой и в джинсах.

Она всхлипнула — и успокоилась. Не сейчас, не раскисать! Она нашла метод, и надо пытаться. Это их квартира. Это ее сестра. В конце концов, двадцать первый век на дворе! Ну а не получится — тогда к Пантелеймону.

Позвонив на работу, она взяла три дня за свой счет, невзирая на ропот заведующей. Оделась и помчалась на почту. Под ногами хлопало, снег таял, чтобы утром высыпать вновь и позже так же исчезнуть под морозящим дождем. Погода ее бесила.

На почте, которая облешней витриной напоминала сельпо в деревне деда, толстуха с сиреневой челкой буркнула из грязного окошка, что на

Сотникову из семьдесят первой квартиры восемнадцатого дома ничего не поступало. Большого Арине и не требовалось, прихватила только пару пустых извещений.

На кухне она аккуратно заполнила почтовый бланк. Отломила от подобранной на улице деревяшки острую щепку. Кончиком ножа, купленного в торговом центре, начертила внутри щепы треугольник и аккуратно, в серединку, воткнула лезвие. Зачитала с листка молитву, хранящую от ведьм и колдунов. После чего бережно завернула щепку в листок с молитвой и перекрестилась. На лоджии загremело, будто таз на пол бросили, и Арина едва не выронила сверток. В затылке заломило, в сознании роem понеслись картинки. Тень со стены прыгает на кровать, заливает белье вонючей болотной слизью... Тень носится по комнате, летят в стороны книги с вырванными страницами... Тень срывает шторы с окна, и в проеме двери, ведущей на лоджию, появляется веревка с петлей. Гомерический, оглушающий сознание хохот разрывает тишину комнаты.

Арина мотнула головой. Может, сегодня к деду уехать? Квартиру на продажу или на обмен — и забыть, чтоб ни сном ни духом...

«А Лизка? — возразило подсознание. — Морана, или кем там себя возомнила твоя сестренка, утонет ведь в этом дерьме».

— Точно утонет! — всхлипнула Арина.

Не сдаваться. Не сегодня. Осталось чуток напрячься. Перетерпеть страх, боль эту преодолеть — и все будет оки-доки.

Две таблетки анальгина полетели в рот. стакан воды, глубокий вдох, выдох... Полет нормальный.

Взяв стул, Арина приоткрыла входную дверь и навесила цепочку, оставив щелку, чтобы слышать и смотреть. Налила кофе и засела, вслушиваясь в тишину лестничной клетки. Решила отследить перемещения бабки, а предлог войти уже приготовила.

Два раза Арина впадала в дрему. В обед приехал сосед из квартиры напротив, было слышно ворчание его собаки. Следом молодой человек с мотком проводов в руках — наверное, слесарь из ЖЭКа — минут пять стучался в однокомнатную слева, так и ушел ни с чем.

Семьдесят первая безмолвствовала. Арина пересекла на цыпочках площадку, прижалась ухом к потрескавшемуся дерматину бабкиной двери. Тишина.

К пяти вечера игра в шпионов ей надоела, и она перенесла бдения на следующее утро.

Лизе рассказывать не имело смысла. Сестрица ее точно не замечала, пришла к ночи и заперлась в комнате.

Арина ночевала на кухне. Перенесла туда одеяло и подушку, присыпала солью все пороги и зажгла свечу. Долго шептала молитвы, глядя на изможденное лицо старца на иконе.

Цепочку на дверь Арина вывесила в восемь утра, только Лиза выпорхнула в школу. Минут через двадцать лягнули двери лифта: открылись и закрылись. Знакомый звук прозвучал как сигнал.

Арина выпрыгнула на лестницу. Никого. Потянула носом. Запах! Тот самый — специфический, земляной. Сегодня с «ароматом» тухлятины, подумалось ей.

Как прозевала бабуку, непонятно. Она вдавила кнопку звонка у двери соседки и слушала, как трель убежала вглубь квартиры, чтобы не вернуться. Арина нажимала снова и снова и долго удерживала, пока не устал палец. Тишина. Она приложила ухо.

За дверью громыхнуло, заскреблось, и Арина отскочила.

Дверь открылась медленно. Арину обдало волной спертого, затхлого воздуха. Так пахнет обычно в помещениях, где никто не живет.

Старуха подняла мутный, невидящий взгляд. Седые космы так же торчали из-под изъеденного молью платка, все та же кофта с поблекшими цветами, и воняло столь же невыносимо.

Соседка молчала.

— Почта. Письмо вам.

— На почте работаешь? — спросила бабука.

— Да вот, устроилась, — соврала Арина и показала письмо. — Вам заказное.

Старуха протянула руку. Пальцы с потрескавшейся кожей в оспинках дрожали. «Сколько лет карге?» — удивилась Арина. Бабука мерзко скривилась, точно она сказала это вслух.

— Расписаться бы надо в извещении.

Соседка отступила внутрь:

— Ручку возьму.

Арина шагнула следом, внутренне содрогаясь. Прикрыла за собой дверь и огляделась. Зеленые некогда обои поблекли. Истертый линолеум; разошедшийся, обветшалый шкаф с когда-то резными и лаковыми дверками. И везде толстый слой пыли, точно снег в апреле. И потрескавшаяся вешалка с обломанными крючками, и мятая женская шляпка на полке — все вызывало ощущение заброшенности. Шляпка Арине понравилась: когда-то модная, цвета шафран, в коричневую полоску, поверх лента в ванильных разводах.

В глубине квартиры забулькало, и сердце Арины рухнуло куда-то в живот. Из-под шкафа выползла мокрица.

Арина отерла лоб. Вот так дела...

С кухни донесся шум. Она спохватилась и, развернув бумажку, с силой воткнула щепку за дверной наличник, так что кончик едва виднелся.

— Где там галку поставить? — Старуха выступила из кухонного проема.

Арина вздрогнула и протянула извещение.

Бабука задумалась.

— Не видела тебя на почте. Елену подменяешь?

— Зинаида попросила занести, — вспомнила Арина бейдж у толстухи. — Сиреневая челка.

— Ну да. Работает еще, значит... — проскрипела соседка.

Состояние ее менялось на глазах. Лицо побледнело, осунулось, и усилился запах. Арина едва сдерживалась, чтобы не зажать нос.

— До свидания, — кивнула она и выскочила на площадку.

Возле своего порога обернулась.

Старуха задыхалась. Лицо ее кривилось в судорогах и умоляюще смотрело слезящимися глазами. Можно было подумать, что силы окончательно покидают высохшее тело.

— Прозевала я Зойкино племя! — громко зашептала старуха. — Сначала-то гладко шло, ладно... а тут вы понаехали, лишние... А времени нет, было да вышло мое время... И дел-то осталось всего ничего, да не успела... А тут вы — лишние....

Она вцепилась в косяк, и Арина поняла — получилось. Лицо старухи подернулось серым. В тихой ярости она зашипела:

— Что же ты с бабушкой делаешь? Вместо помощи...

— Простите, — пробормотала Арина, не смущаясь. — Вас собес пенсии лишил?

— Ох, затеяла ты не к месту... О другом бы подумать... Молодая еще, столько радости впереди, столько горя...

Арину отпустило. Опасаться было нечего: старуха бредит и, значит, щепка, молитвой заговоренная, работает.

— Заберите свою гадость из нашей квартиры! И эту еще, — Арина закатала рукав. — И мы квиты.

Старуха поперхнулась, закашляла.

— Это дар тебе, глупая... уже пользовалась... Ведь нравится? Так и скажи. Не всем дано, а тебе просто так досталось.

Арина нахмурилась, мысленно перебирала за и против, пытаясь осознать, в кайф ли ей видеть нити болезней и пятна смерти на каждом втором человеке. Возникает ли радость от понимания, что вылечить болезнь и даже победить смерть — в ее силах? Чувствовать себя всесильной... От этого ощущения начинает плющить, а со временем возникает самая жуткая, несравнимая даже с героиновой зависимость...

Она боялась признаться, что ей это нравится.

Разве не к этому она стремилась, не этому училась, не ради этого расписывала планы? Помогать — корректируя, спасать — вытаскивая из пропасти суицидальных стремлений. Училась помогать, но только словом. Тут же другое, но по сути — то же самое. Только круче. Убедительнее. Эффективнее. Пока не всегда получается определять сущность этих нитей и пятен, их отношение к возникающему недугу, или губительной привычке, или скорой смерти. Но она в начале пути, и постижение этого дара открывает ей путь ко всем целям из секретного файла, вплоть до переезда в люксовую высотку на улице Ке-де-ла-Гар! Но...

«На кону слишком многое, — зашептал внутренний голос. — Вот именно сейчас твоя сестренка — которую ты упорно называешь *сестрицей* с оттенком иронии, — твоя младшая сестренка в опасности. Та самая маленькая дрянь, что мешала тебе готовить уроки, читая вслух книжки в

старом холодном доме. Та, что упорно тянула шпагат на сыром линолеуме кухни, только чтобы утереть нос одноклассникам, гнобившим за маленький рост. Та выскочка, решившая стать художницей и написавшая твой портрет в виде колобка с косичкой. Та, что подростком заставила тебя, старшую, замереть в восхищении и зависти от звуков гитары и безупречного голоса. Та, которую провозгласили Мораной и якобы наделили способностью убивать. Эта заблудившаяся девчонка — твоя родная кровь, которую нужно спасать. Слышишь, Арина? Да гори они огнем — Париж, твои амбициозные планы и вся нечисть вместе с ними! Скажи этой твари об этом. Скажи!»

В горле запершило. Арина прокашлялась и подумала, что с удовольствием выпила бы воды.

«Говори же! — заорал внутренний голос. — Не медли! Ты никогда не простишь себе еще одну потерю!»

Она вздрогнула, вспомнила вдруг отца, его скупую улыбку, задумчивый взгляд и звезду на могиле.

И сказала, глядя мимо бабки:

— Это вы Лизе дар преподнесли? Она человека пыталась убить...

Старуха засопела.

И Арина решила: «Тянуть дальше нет смысла. Сестру я тебе не отдам. Никогда!»

Парижская высотка окончательно растаяла в промозглой московской реальности.

— Забирайте свое у меня и у Лизы. И поселенца забирайте. Тогда и я свое заберу.

— Да не отказываются от дара... Невозвратное это.

Арина почувствовала некое радостное возбуждение, непонятное ей самой, и удивилась.

Бабка словно заметила искорку в ее взгляде.

— Лиза кто — мне неведомо, другим ничего не давала. Подожди-ка, помогу еще разок, а ты — мне потом...

Спустя минуту, шаркая и задыхаясь, бабка кинула через порог ту красивую шляпку:

— Положи на лоджию, а внутрь — хлеба с плесенью. Любит его. Оставь и уйди. Как вой услышишь, накрой зеркалом и мне принеси. Потом скажу, что дальше делать.

И старуха хлопнула дверью.

Арина сморщилась, двумя пальцами взяла шляпку и унесла на кухню. Хлеба с плесенью не нашлось, кинула внутрь черствую горбушку. Вынесла на лоджию, захлопнула дверь — и бегом обратно. Сердце стучало, как у кролика: тук-тук, тук-тук. Присела, выдохнула, закурила сигарету.

«Итак, началась битва».

Пока курила, смотря в холодное окно, вспомнила про зеркало. Достала из сумочки — маловато. Вроде у Лизки есть приличных размеров круглое, но комната закрыта.

Она метнулась в ванную — ничего подходящего, со стенки же не снимешь. Ах, ну конечно! Всплыло в памяти ее настольное зеркало — в серебре, на ажурной подставке — в спальне. Красивое, так жалко отдавать!

На лоджии загрохотало, вой стеганул Арину жгучим кнутом. Пора! Она перекрестилась, прочла «Отче наш», еще раз перекрестилась и, войдя в комнату, первым делом метнулась к зеркалу на подставке.

— Уф, на месте! Целое.

Положила шляпу с зеркалом на коврик у бабкиной двери. Позвонила. Тишина. Врезала разок кулаком в облезший дерматин и отошла к своему порогу.

Дверь приоткрылась, старуха посмотрела на коврик, сморщилась:

— Ты должна до места доставить, как договаривались.

Арина вспыхнула:

— Мы не договаривались ни о чем. Забирайте!

Старуха шваброй подтащила зеркало и мятую шляпку, перенесла через порог и толкнула поглубже в коридор.

— Ну иди, шустрая, свое забирай.

— Передумала я. Живите теперь с этим.

Тяжелую дверь Арина закрыла с громким щелчком, будто точку поставила. Вздохнула с облегчением.

«Пора бы и ужин приготовить. Лизка подъедет — посидим, поболтаем. Теперь все будет по-другому».

Стоя у плиты, Арина взглянула на запястье. Пятно едва розовое, а вдруг к утру исчезнет совсем? Эта мысль почему-то немного расстроила.

Последний бой

Лизу провожал Бальбо. Они медленно брели с автобусной остановки, снег скрипел на протоптанной дорожке, подморозило, и дышалось легко, свежо и радостно. Бальбо рассказывал про Мэри. Та еще была в госпитале, но вышла из комы, и состояние ее считали стабильным. Причину недуга врачи определить не смогли, списывали на отравление.

Лиза недоумевала, злилась и готовилась к разговору с Черным. Разве это дар, если не работает нормально?

— Может, ко мне? Диск последний вчера зацепил. Помнишь *The Beauty of Gemina**? — Бальбо остановился и взглянул ей в глаза, голубые и холодные, словно звезды.

— Еще бы не помнить! — улыбнулась Лиза.

Под эту музыку они целовались и всякое такое. И захотелось к нему, но звонила Арина и просила появиться, не задерживаться. Какое-то дело у нее. Хотя... дело наверняка несрочное, подождет сестер. Музыка, вино, то да се... Они ж недолго.

* *The Beauty of Gemina* — музыкальная группа из Швейцарии, исполняющая композиции в стиле готик-рок.

Квартиру заполонили запахи. Курица допекалась в духовке, картошку Арина укутала в покрывало и, открыв вино, успела сделать глоток — за победу. В ней Арина не сомневалась ни капельки. Даже пятна плесени исчезли с кровати в спальне. Она проветрила комнату и зажгла там ароматизированные свечи. Хотелось наконец-то поделиться событиями с сестрицей. Лизка, правда, где-то застряла и телефон не брала, хотя вызовы проходили.

Долгожданная трель дверного звонка оторвала Арину от созерцания пейзажа за окном. Побежала открывать. Щелкнул замок, и ввалилась Лиза.

Пьяно хихикая, она сжимала в правой руке зеркало в витой оправе, на подставке. С головы, словно дурацкий колпак, свисала набок знакомая шляпка в полоску.

Арина отпрыгнула от сестры, точно от прокаженной. Тотчас заломило в затылке. Ей показалось, она теряет рассудок.

— Откуда?! — крикнула она, указывая на шляпу.

— Чего орешь? — сморщилась Лиза. — От верблюда. На коврике лежала, твоим зеркалом накрыта, кстати. Небось сама забыла, а теперь кричишь, как полоумная...

— Сними!

Арина раскраснелась и почти визжала. Подскочила, сдернула шляпку, с ненавистью швырнула за дверь.

Лиза отложила зеркало и почувствовала легкое головокружение. Будто курнула косяк и приход поймала. Пол качнулся перед глазами, она оперлась свободной рукой на стену и аккуратно сползла на пол. В голове шумело, в животе словно крутилось, наматывая кишки, колесо.

Арина вскрикнула, присела рядом, схватила сестру за руку:

— Что такое, Лиз?

— Голова кружится, — выдохнула та. — И в животе колики... И тошнит...

Арина уже видела нити, ползущие снизу по ее груди, расходящиеся в стороны возле горла.

Невероятно, поразила Арина, всего-то за несколько минут! Но реальность была непреклонна. Густые разводы обволакивали нити, будто чернила разлили.

«Бум, бум!» — ухал в затылке молоток, пробуждая силу, что вылетала голубым кольцом и, разгораясь, впивалась в темноту разводов, подсушивала нити, заживляла. Арина скользила рукой по горлу сестры, шептала молитву, заученную наизусть.

Лизины сомкнутые веки дрогнули, щеки порозовели.

Когда Арина умолкла, Лиза дремала на ее плече. Они нелепо привалились к вешалке в коридоре, и Арина пыталась разобраться, каким образом мерзкая шляпка оказалась на лестнице. Но факт оставался фактом: сущность вернулась — а значит, борьба не закончена и следует начинать по новой. Она растормошила сестру, отвела на кухню, заварила кофе и отправилась «на охоту».

Когда Арина, осторожно держа шляпку, прикрытую зеркалом, шагнула за порог, из кухни выглянула растрепанная, заспанная Лиза:

— Ты куда?

— Соседку проведу. Уверена, нечистого этого, что по квартире шастает, она подселила, чтобы энергию хозяев жрал. Вот теперь он в шляпе сидит. Надо вернуть бабке эту ее гадость. Гештальт закрыть.

Подойдя к ненавистой двери, Арина забарабанила в дерматиновую обивку. Словно в ответ на стук, из соседней квартиры вышел краснощекий упитанный мужик в затертом полушубке и в спортивной шапочке, на руках ворчал седой мопс. Арина помнила, что жену соседа вроде зовут Мария, а вот как его самого — вышибло напрочь.

— Привет, молодежь! — кивнул мужик и нажал кнопку лифта.

Собака вяло тявкнула. От обоих пахло пирожками и уютом.

— Добрый вечер, — ответила Арина, потянувшись к дверному звонку, давила, пока не покраснел палец.

Лиза, стоявшая позади, в проеме их двери, промолчала.

— Зачем трезвоните в пустую квартиру? — удивился мужик, и мопс вежливо поддакнул.

— В смысле — пустую? — растерялась Арина, продолжая машинально давить на кнопку. — К бабке я, шляпу вот отдать.

Приехал лифт, кабина разинула пасть в ожидании пассажиров.

— К бабке она! — хмыкнул мужик. — Бабку два года как на кладбище снесли. И родни нет. Пустая квартира.

Сказал и уехал. А Арина едва удержала шляпу, когда увидела, как, охнув, сползла по стене Лиза, потеряв сознание.

Зеркало и шляпу они оставили в ванной. Накрыли для верности тазом.

— Для страховки, — настояла очнувшаяся Лиза и предложила спуститься к Бальбо.

— Чувак сто лет здесь живет, — уверяла она. — Про всех все знает, говорю тебе. И как я раньше не догадалась про бабку спросить! И еще, Арин... Про Черного ничего ему не говори, о'кей?

— Хорошо, — согласилась Арина.

Лиза смотрела на сестру — и не видела привычной психозануды, не узнавала в этой собранной, решительно настроенной девушке с тугим пучком убранных на затылок волос прежнюю самовлюбленную тихоню.

— Да-а... — протянула Лиза. — Ты прям Королева Ночи, Арин, чесслово! Я ведь тоже могу, слышь? Ну помнишь, у Мэри? Это я ей нить подрезала, суке, только не до конца. Немного так, для эксперимента. Поэтому и выжила она, кстати, и это хорошо, а то Бальбо злился. Не любит, когда своих притесняют. Но ведь работает мой дар, Арин, работает!

Бледные щеки Лизы зарозовели, заблестели глаза.

— Мы теперь с тобой черные сестры. Представляешь, все планы сбудутся, раз-два — и мы в дамках! Ты в Париж махнешь, я — на Остоженку. Начнем дела мутить на европейском уровне. А, Арин?..

Арина едва не потеряла дар речи. Только сестрица теряла сознание, едва не лишилась жизни из-за нечисти, и все равно — несет ее, как испуганную лошадь, которая уже ничего не соображает.

— Лиза, помолчи, а! Я Мэри едва откачала после твоих подрезаний. Ведьма, блин, недоделанная... Тебя только-только спасла. Ты вообще представляешь, с чем заигралась?

Лиза задохнулась от восторга, вцепилась в кисть сестры.

— Да ладно? Это ты ее откачала? Вау! Ну ты сила, Арин! Я-то думаю, как она, блин, выкарабкалась... Охренеть поворот! Ты, систер, крутяк у меня!

Истории из прошлого

Бальбо готовился спать, открыл дверь со взъерошенными после душа волосами. Худой, руки до локтя в наколках, острые плечи подростка — и не дашь двадцать четыре года. Но синие нити на его подбородке Арина разглядела с порога.

Он отвел неожиданных гостей на заставленную мебелью кухню, придвинул табуретки. Сестры спросили о старухе. Бальбо удивился вопросу. Про нынешнюю старуху он не в курсе, а бабу Нину с последнего этажа знал с детства. Вскипятив чайник, он достал чашки, аккуратно лавируя между плитой, столом и холодильником. История жильцов дома при этом непрерывно текла из его уст — с яркими образами, картинками, сценками, специфическими деталями и звуками.

Соседку с двенадцатого этажа звали Ниной Михайловной. Немного замкнутая, неразговорчивая, похожая на сотни других таких тетя Нин, тетя Зин, тетя Маш. Обычная, в общем. Работала на химзаводе — как половина здешних жильцов, — как мать рассказывала Бальбо, в бухгалтерии. Мужа ее он не видел ни разу. Дочь не помнит, та редко появлялась — может, с отцом жила или еще где. А вот с внучкой Нины Михайловны та еще история случилась.

— Внучка приехала в конце девяностых, летом. Мне тогда девять исполнилось, а ей, наверно, пятнадцать. Красивая, помню, была, на куклу похожа с витрины «Детского мира». Платье воздушное, белое, а глаза зеленые-зеленые, как у кошки. Косу русую за плечо закинет и идет по улице, улыбается, каблуками вытанцовывает. Я тогда в первый раз и влюбился. В нее, конечно. Звали ее волшебю — Мила, Милена. Редкое имя, красивое... Не кривись, Лиз, это пятнадцать лет назад случилось, — улыбнулся Бальбо помрачневшей Лизке и продолжил: — По пятам за ней ходил, помню, как хвостик. Она поругивалась, отмахивалась от меня, словно от назойливой мухи... А потом пропала.

Тогда кладбище еще так не разрослось, как сейчас. Мы за земляничкой туда бегали, полно там ягод росло, да и не страшно совсем было днем-то. Я поэтому кладбище как свои пять пальцев и знаю — каждая могила знакома, как говорится, с детства... Ну так вот, Мила пропала, а у меня

как свет в голове выключили. Хожу — в глазах туман и серость. Родители даже забеспокоились.

Нашли ее быстро. В выходные весь дом, как на субботник, вышел, милиция с собаками приехала, пожарные зачем-то. За кладбищем проселок, там и лежала в кустах, истерзанная.

Виновных сразу вычислили — братьев Косенковых. Тех, Арин, что в вашей квартире жили. Во дворе их Косыми за глаза звали. Старшие, Вован и Стас, — предводители местной шпаны, хулиганы. В округе в авторитетах ходили. А мать их в ресторане пела, представляете поворот? Ну а младший, Лешка, самая свинья из них, девчонкам проходу не давал. Знал, что никто не тронет: два брата за спиной. Вот он-то и похвастался спьяну в компании — мол, дичь поймал, козу молодую, и типа задрал ее. Кто-то и донес в органы.

Когда приехали Лешку арестовывать, старшие братья впряглись за младшего, заступились. Прямо битва была! Тети Зои, матери их, дома не оказалось, а эти два пьянчуги злые, братья-то, двум ментам ребра сломали. В итоге их — по этапу, а младшего — в колонию по малолетке. Двор и округа вздохнули спокойно на восемь лет. Но девочку, конечно, было уже не вернуть...

Тетя Нина после этого надолго исчезла. Говорили, на Урал подалась, к родным. Перед отъездом с Зойкой повздорила. До крика.

Да, вот что забыл сказать. Они же дружили раньше, тетя Нина и тетя Зоя, представляете? В гости ходили друг к другу, дни рождения отмечали. Мать мне рассказывала, они и до переезда сюда соседями были. Вот такие дела.

Тетя Нина вернулась в начале нулевых. С того момента я ее знаю только как бабу Нину.словно другой человек поселился. Непричесанная, в темной одежде и зимой и летом, неприветливая. Но иначе как знахаркой бабу Нину в округе не звали. Народ тропку к ее квартире проложил, и днем и ночью шел. Сильная, говорят, была на исцеление.

Зойка после возвращения бабу Нины начала квасить по-черному, покатила кубарем под откос. В конце концов и вовсе повесилась. И пошла свистопляска. Сперва сожитель ее с собой покончил, потом Лешка... Он к тому времени из колонии вернулся, ну и шагнул с балкона. Вроде бы спьяну. Стали даже поговаривать, мол, квартира у них нехорошая. А как иначе все эти смерти объяснить?

И тут новость — бабу Нину машина сбила на углу «Галантереи». Сразу насмерть. Родни нет. Когда квартиру осматривали и опечатывали, записку нашли — просила на старом кладбище похоронить — и деньги на столике. Получается, знала. Люди на ее могилу до сих пор ходят. Говорят, она силу дает...

Бальбо умолк.

— И ты мое посвящение на ее могиле провел, так? — спросила Лиза.

Бальбо кивнул.

— Тогда нам туда. — Арина встала, наконец поняв, о чем просила бабка.

«Доставить до места» — значит, на могилу.

Толкнула сестру:

— Пошли, дорогу покажешь.

— В двенадцать ночи? Серьезно? — вздрогнула Лиза.

В окно стучали снежинки, топтать на кладбище в метель и холод не хотелось.

Арина, не слушая, заторопилась в коридор.

— Прогуляешься со мной? — Лиза повернулась к Бальбо, взяла его ладонь, заглянула в глаза.

Бальбо отвел взгляд.

— Лиз, вставать рано... Не знаю, что вы задумали, но предлагаю оставить это до утра. К двенадцати дня освобожусь. Кладбище никуда не денется. Там тропинку чистить надо — вон как метет...

— Понятно все с тобой. — Лиза отпустила его пальцы и выбежала на лестницу.

— Лиза! — крикнул в замешательстве Бальбо, но дверь захлопнулась.

Ночное

Они пробрались по слегка заметенной снегом тропинке мимо ангара, огороженного забором, пересекли густой ельник, перешли припорошенное снегом шоссе. Тропинка вела через березняк к металлической ограде. У ворот, где когда-то был въезд, стояла будка сторожа, заколоченная с виду, но из узкой трубы вился дымок — единственный признак жизни.

Будить сторожа посреди ночи Арина посчитала глупой затеей, хотя Лиза утверждала, что бомж, живущий там, мужик надежный, и настаивала дать ему пятьсот рублей и пустить вперед с лопатой. Проходы между могилами давно не чистили.

Пробираться в метель по кладбищу, да еще ночью, оказалось делом непростым, но, когда вышли на центральную аллею, стало легче. Наверное, бомж прошелся здесь днем лопатой разок-другой. После третьего столба с оборванными проводами Лиза свернула направо. Тут ноги утонули в сугробах по колено. У Арины замерзли щеки, согреть их возможности не было: приходилось аккуратно нести завернутую в полотенце шляпку с зеркалом. Хорошо хоть, что догадалась надеть перчатки.

Лиза, пыхтя как паровоз, прокладывала дорогу, но то и дело путала проходы, ограды и памятники, ругалась матом и вздрагивала от каждого треска веток. Она захватила фонарик, но он был почти разряжен и светил тускло.

Немного помогала луна. Метель наконец утихла, и стало намного проще. Арина шла за сестрой след в след.

— Вот знаешь, чё думаю, систер, — неожиданно развернулась Лиза, и Арина заметила на ее лице черные разводы от слез. — Может, ты и

права. Стремные они челы, эти готы. Скользкие, как селетки. И Бальбо скользкий, юлит вечно...

Она замялась, всхлипывая и подбирая слова.

— Вожак, блин, крысиной стаи! И вообще, жестокий он. Кота убил ни за что... И община — лицемеры одни, ты ж видела. Одна Мэри чего стоит. Подумала я, Арин, ну их на хрен! Надоело все. Поехали в Париж, а? Знаешь, весны хочу, и тепла, и солнца...

В сердце Арины оркестр играл вальс. Ей захотелось обнять эту худышку в коротком пальто, с голыми коленками — в такую-то погоду. Прижать покрепче, расцеловать и признаться, что и она была неправа и строга порой до грубости, да и вообще...

Арина улыбнулась:

— Сообщество готов — на помойку, это точно, Лиз. Ты из них выросла, как из детских штанишек. Вот только гитару не бросай, ладно? И пение. Ты же талант, твое место на сцене. Систер ты мой!

И они рассмеялись.

Спустя час выдохлись, вспотели и замерзли одновременно. Но нашли!

Арина смахнула снег с гранитного обелиска; посмотрела на выцветшее фото: знакомый платок, поджатые губы, суровый взгляд. Даты рождения и смерти... Она вздрогнула. До конца не верилось, ведь только вчера с ней говорила. Мистика!

Рядом второй памятник. Девичье лицо, коса на плече, печальная улыбка — Мила.

— Симпатичная. Жалко прям! — вздохнула Лиза. — Совсем молоденькая...

Арина расчистила ногой площадку на могиле девочки, положила зеркало и шляпку, попросила Лизу отойти.

— Не возвращайся больше, — прошептала Арина и аккуратно вытянула зеркало из-под шляпки. — Пожалуйста!

Гром не ударил, луна не погасла, и памятник не провалился. Ничего не случилось.

Только Лиза вдруг села на попу в сугроб, выдохнула... и заплакала.

— Что такое? — вскинулась Арина.

— Будто что из меня вышло, Арин. И легкость в теле обалденная. Так хорошо — ты не представляешь!

Арина выдохнула:

— Ну и слава богу!

Взглянула на обелиск — и показалось, будто баба Нина ей подмигнула.

Юрий КАЗАРИН

В АКУСТИЧЕСКОМ ЗАЗОРЕ

* * *

В устах славянский виноград,
в устах сладимы мед и яд,
и хвойный лед, и хвойный иней,
и хвойный снег, где хвойный взгляд,
где по лекалу снежных линий
глаза соленые летят.
То тишиной, то хвойной речью
в лесах бродячего ума
собой — себе — летишь навстречу
с произнесенного холма —
так начинается зима...

* * *

К.

Сад переходит в лес,
словно в язык вернулась
книга. Вода проснулась
и потеряла вес,
и потянулась ввысь
ломаная ресница,
словно любая рысь
в капле воды струится,
словно облюбовал,
ближе к родному крову,
небо — любой провал,
переходящий в прорву.

* * *

С устатку тепло́й водки рюмка,
пастушья сумка, сумка, сумка,
во сне читают как стихи
прозванье жизни пастухи:
кнотом цепляя пах заката,
цикуту ночи пьет цикада,
но душу я в душе люблю
и этим вечность тороплю,
в которой я бывал когда-то.

* * *

Птичкой в ладонях заплещется дрожь —
свет приоконный со лба не сотрешь.
Дятел стучит в голове,
в медленной мысли, в ее синеве,
тронувшей сердце и губы, и холод:
пишка со льдом залетает за ворот —
между лопаток, не глубже окна,
снегом грядущим царапнет сосна —
древом грядущим нежна.

* * *

Истомой смертной, суетой,
струной нарезаны предместья:
на этой тьме или на той,
охваченные пустотой,
как пламенем, дрожат созвездья,
вытягивая перекрестья
затмений — в шорох золотой.
Но пахнет светом и водой,
и друг воды, одной ресницы —
прозрачной, тонкой и худой, —
неслышной музыкой приснится.

* * *

Как птицы в чужой высоте,
ослепну — увижу не те
слова и деревья, не эти,

качнувшиеся в пустоте, —
 как бабочки-светы, как дети,
 как в озере белые сети,
 застрявшие в божьей версте...

* * *

Душа встает туманом. Океан
 все шире держит к воздуху карман,
 где раскрутили колесо дельфины,
 лаская плавники в ладонях глины.
 Душа уже кольшется, вот-вот
 поднимется, как занавес, повсюду,
 и Атлантида Критская всплывет
 навстречу гибели и чуду,
 когда Орфей заплачет и споет,
 и снова, радостный, заплачет,
 и немтыря в певца переиначит.

* * *

Высоко одиночество брезжит в окне —
 начинаются очи во мне
 или взгляд возвратился ко мне ниоткуда
 в темноте, в немоте, в тишине,
 не успев оглянуться на чудо.

* * *

Туман прохожий — призрак встречи
 в снегу по грудь, в снегу по плечи —
 плывет, как слово в холода,
 до тишины, но выше речи,
 где время движется далече,
 где чует Млечный Путь овечий
 чужая твердая вода;
 где небом высятся аллеи,
 где дышат птицы-грамотеи,
 любя чернильный снежный хруст...

Где жимолость Кассиопей
 как пятикратный голый куст.

* * *

Закроешь баньку на крючок:
в стране перегорели лампочки,
и трогал небо дурачок,
в глазах его кружили ласточки,
но не садились на зрачок.

В глазах его паслись олени,
и слезы с медом пил медведь,
и клены дольные алели,
чтоб от любви не умереть.

* * *

Песенка эта простая:
в невероятно печальном краю
что-то тебя узнаёт и, рыдая,
пробует бездну твою.

И окончностью взгляда
взгляд твой тебе не догнать.
Выйдет из темного сада
мать.

Скажет, легко угасая,
пряча улыбку свою:
песенка эта простая
в нашем печальном краю.

* * *

Прощай, косых кузнечиков крестьянство,
осенних слез ночной напрасный труд:
здесь будущее время и пространство
грядущее — в тебе не совпадут.

И в темном акустическом зазоре
огромной невесомой тесноты
роняет с неба снег иное море,
светящееся мыслью немоты.

* * *

Река пуста — она течет отвесно,
как сивый дождь, в себя, наоборот,
и первая попавшаяся бездна
ее в ладонях, мертвую, несет
как бабочку, запудренную речью
замедленной, и как себя саму,
сползающую змейкой по оплечью,
по крыльям, ахнувшим во тьму,
где сладко плакать звуку одному.

* * *

Огладит печь свою печник:

до вознесенья и паренья,
пылая, плещутся поленья —
во сне чужом невнятный крик.
Свет близится — и вдруг возник:
глухонемого изумленья
неощущаемый язык.

И с неба сыплются мгновенья
на жизнь, на смерть, на воротник.

Игорь АЛЕКСЕЕВ

РЫБА БЬЕТСЯ ОБ ЛЕД

П о в е с т ь

В образование Игорь Демина попал случайно, в начале двухтысячных. Окончил институт культуры и в поисках работы забрел во Дворец пионеров — спутал его с клубом. Там ему и посоветовали попытаться счастья в одной из городских школ, где требовался руководитель кружка КВН. Игорю было все равно, с чего и где начинать трудовой путь. Он не видел собственного будущего даже в ближайшей перспективе и, как ежик из знаменитого мультфильма, шел на ощупь, словно в густом тумане.

В школе Демина встретили приветливо.

— Уже больше года ищем человека, который будет с детьми юмором заниматься! Нынче конкурсы КВН популярными стали, — радостно щебетала завуч по воспитательной работе Марина Евгеньевна. — Сами играли когда-нибудь?

— Не приходилось. Но как строятся шутки и смешные эпизоды, мы в институте изучали. Даже зачет сдавали в форме соревнования.

— Ну что же, опыт дело наживное. Вот только зарплата у руководителя кружка маленькая...

— Какая?

Завуч озвучила сумму.

— У меня стипендия ненамного меньше была, — огорчился Игорь.

— Давайте поступим так. — Марине Евгеньевне пришла в голову какая-то идея, и ее глаза радостно заблестели. — Клубом веселых и находчивых будете заниматься по совместительству, на полставки. А вашей основной должностью станет — «социальный педагог»! Тогда и зарплата в три раза увеличится. Со временем надбавки разные пойдут, премиальные... Вы — мужчина, у вас получится, и КВН только в помощь. Соглашайтесь!

Демина тогда, по неопытности, не почувствовал подвоха: не заметил, что завуч за счет одной его персоны пытается решить сразу две кадровые проблемы.

— А кто такой «социальный педагог» и чем он занимается? — спросил он.

— В основном работает с учениками из неблагополучных семей и опекаемыми. Следит, чтобы они не пропускали уроки. Должность эта в школе появилась недавно. Работа ответственная и необходимая. Вы же видите, сколько шпаны на улицах развелось и как легко под их влияние попадают хорошие ребяташки!

— Я и сам в детстве был шалопаем, — весело сообщил Демин.

На самом деле Игорь приукрасил. Никаким шалопаем он не был, рос в обыкновенной семье, с мамой и папой, хорошо учился, любил читать, был пионером, верил, что добро всегда побеждает зло. Потом, уже в девяностые, он видел много плохого: бандитов, шныряющих по рынкам, спившихся бомжей, девчонок, соблазвившихся легким рублем, — но все это происходило как будто в стороне и не касалось его лично.

Немного поразмыслив, Игорь согласился на предложение Марины Евгеньевны, еще не подозревая, насколько опрометчиво поступает.

— Вот и славно! — обрадовалась завуч. — Пишите заявление, оставьте документы — и с понедельника на работу. Я поговорю с директором, она вам назначит время для собеседования. Проблем не будет! — И она весело подмигнула Игорю.

На выходных Демин решил посидеть в кафе с другом детства — отметить свое трудоустройство. Друг отучился на юриста в другом городе и недавно вернулся на родину. Они не виделись около года.

— Ну вот и взрослая жизнь начинается, на следующей неделе выхожу на работу, — меланхолично сообщил Игорь.

— Все когда-то заканчивается, и беззаботная юность тоже, — усмехнулся друг.

— А помнишь, в восьмом классе мы с тобой писали фантастическую повесть? Она у меня до сих пор дома лежит незаконченная.

— Ух ты! Сохранил? Надо взять у тебя почитать. Интересно вспомнить, какими мы были.

— Может, допишем? На следующих выходных встретимся — и добьем до финала! — загорелся Игорь.

Но друг был настроен саркастически:

— По выходным мы теперь будем водку пить, чтобы расслабиться после рабочей недели и морально подготовиться к следующей. Вернуться к творчеству получится только на пенсии.

— О чем можно писать в преклонном возрасте? Разве что сочинять мемуары, делать зарисовки о природе и погоде...

— Нет! Мы напишем роман ужасов. И назовем его «Социальный педагог»! — подмигнул Демину товарищ.

— Может, лучше детектив черканем? «Адвокат мафиози» — классно звучит! — не остался в долгу Игорь.

— Не-е, не канает. «Социальный педагог» — круче. Такого еще никто не писал. Представь, — приятель на ходу начал сочинять фэбулу, — в городе N пропали двое детей. Взрослые в ужасе, ищут их днем и ночью, но безрезультатно. Через неделю детей находят мертвыми, на их маленьких телах обнаруживают странные мистические татуировки. Ползут слухи о черном шамане и древних языческих ритуалах. Милиция в поисках преступника сбивается с ног, школы пустеют, папы и мамы не выпускают своих детей из дому...

— По квартирам начинает ходить милый парнишка, работающий в школе социальным педагогом, — со смехом подхватил Демин. — Приветливый и улыбочивый. Он убеждает родителей, что ученики должны вернуться за парты. Говорит, мол, нужно просто провожать детей в школу и потом встречать — и все будет хорошо...

— Родители соглашаются. На какое-то время ситуация нормализуется — и все успокаиваются. Но вскоре вновь пропадает ребенок...

— В пропаже детей начинают подозревать преступные группировки. Трясут всю уголовную мразь в округе, но никто не признается в причастности к этому делу. Мало того, криминальные авторитеты сами обещают найти ублюдка и покарать его...

— Между тем дети продолжают пропадать с устрашающей регулярностью. Длится это в течение года. Из города N массово уезжают семьи, пытаюсь спасти своих чад. Начинают закрываться опустевшие школы и детские сады. Учителей переводят работать в соседний город...

— И дети начинают исчезать там!

— Лишь спустя несколько лет один старый матерый опер докапывается до истины. Воровал детей социальный педагог! Он и был шаманом, который приносил человеческие жертвы своему древнему черному богу...

Игорь расхохотался, точно школьник: ему понравилось дурачиться и сочинять нелепые страшилки.

— Запомни идею, — весело сказал друг детства. — На пенсии обязательно напишем!

— Не забуду, — ответил Игорь.

Поболтав еще о пустяках, они расстались.

Утро понедельника выдалось суетливым. Не успел Игорь прийти на работу, как Марина Евгеньевна потащила его к директору школы.

— Зачем такого молодого приняла? — без церемоний спросила директор, всем своим видом показывая недовольство.

— Людмила Ивановна, молодость — дело излечимое, с годами проходит. Игорь Семенович у нас еще и КВН вести будет.

— Для юморесок подойдет, а социальная работа — вещь серьезная. Завалит тебе все, что делать станешь?

— Да я, вообще-то, не напрашивался, — обиженно вставил реплику Демин. — Мне Марина Евгеньевна сама предложила...

Директор оглядела его изучающе. Ее статья, манера говорить, изысканный костюм, украшенный явно дорогой брошью с крупными камнями, — все создавало образ капризной стареющей королевы. Игорь в ее присутствии чувствовал себя маленьким и незначительным.

— Тебе отвечать, — наконец вынесла «королева» свой вердикт, обращаясь к завучу.

Мнение Игоря ее, похоже, не волновало.

— Ручаюсь, справимся, — ответила Марина Евгеньевна, поправляя большие очки на худощавом лице.

Людмила Ивановна ничего не ответила. Она отвернулась, как будто унылый осенний пейзаж за окном интересовал ее гораздо больше, чем общение с подчиненными. Весь ее вид говорил: разговор окончен, делайте как знаете, ошибетесь — накажу.

— Она со всеми так? — спросил Игорь у Марины Евгеньевны, когда они вышли из кабинета директора.

— Как? — не поняла завуч.

— Ну так... неуважительно.

— Это вы с непривычки все остро воспринимаете, Игорь Семенович. Мы-то уже давно притерпелись и не замечаем. Она не злая, мужчин в образовании любит, на премии не жадная. Просто... вот такая она...

— ...Всея Руси царица, — закончил Игорь витающую в воздухе мысль.

— Точно! — засмеялась Марина Евгеньевна. — Пойдемте, я вам ваше рабочее место покажу и кратенько обрисую предстоящие дела на неделю.

Выяснилось, что в ближайшие дни Игорь должен успеть: взять у классных руководителей списки детей из неблагополучных семей, выявить прогульщиков, написать годовой план работы, составить социальную карту школы и установить контакт с детской комнатой милиции.

Первые шаги всегда трудны, на новом, совсем незнакомом поприще — особенно. Но делать нечего: назвался груздем — полезай в кузов! Конечно, за неделю Игорь поставленных задач не выполнил. Много времени заняло знакомство с учительским коллективом. Практически все женщины, и все старше него. Кто-то поддерживал новичка и добросовестно предоставлял информацию, а кто-то откровенно игнорировал просьбы Демина, считая, что учитель должен лишь вести свой предмет и заполнять классный журнал.

— Ты социальный педагог — ты и составляй свои списки, а от нас отстань. И так забот полон рот! — слышал Игорь в ответ. Кто-то выражался и грубее.

Демин терялся, не знал, что на это сказать, и бежал жаловаться Марине Евгеньевне. Завуч отчитывала нерадивых, но Игорь видел, что делает она это с неохотой и как бы не всерьез. Многие из учителей за долгие годы совместной работы стали ее подругами.

— Требу́й от них поже́стче и не слуша́й, что они там ворчат. Читай должностные инструкции. Там четко сказано, что учитель обязан делать, а что — нет. Социальный педагог — это младший администратор! Не выполняют — ставь на вид, пиши мне докладные. Я им живо объясню, кто в доме хозяин, — посоветовала Игорю директор школы, заметив, что молодой сотрудник оказался в тупике.

— Многие учителя не реагируют на мои просьбы и не подчиняются, — пролепетал Игорь.

— Подчинятся. Все от тебя зависит. Я тоже в твои годы организатором начинала. У меня все по струнке ходили и сейчас ходят! — Людмила Ивановна демонстративно потрясла кулаком в воздухе.

Директор оказалась права. Как только Демин стал вести себя твердо, на него и реагировать стали по-другому.

— Вы обязаны это делать. Не нравится — увольняйтесь и ищите новое место работы, — спокойно говорил он нерадивым классным руководителям.

Теперь уже педагоги растерянно смотрели на Демина и жаловались на него директору. Но та лишь посмеивалась в ответ:

— Что, задает молодой перцу? Так вам и надо! Хоть пыль стряхнет с вас немножко.

И учителям приходилось выполнять то, что от них требовалось.

Встречи с ребятами из школьной команды КВН Игорь боялся гораздо больше, чем объяснений с классными руководителями. Команда целиком состояла из старшеклассников. Разница в возрасте между ними и Деминым была пять лет или чуть больше. Как в такой ситуации выглядеть учителем?

Началось с того, что Марина Евгеньевна попросила Демина оформить к ближайшему празднику актов́ый зал и дала ему в помощь двух старшеклассников: Павла и Андрея. У Павла, в отличие от Демина, уже густо пробивалась борода, а полноватый Андрей носил очки и напоминал своим видом директора небольшой фирмы. Выглядели оба не младше Игоря, а может, даже и старше. И сразу же начали обращаться к нему на «ты» и по имени.

— Я здесь учителем работаю, меня по отчеству надо звать, — робко поправил Демин.

Павел в ответ подмигнул, показывая, что оценил шутку.

Контакт не заладился. Порученную работу выполнили, но разошлись со взаимным чувством неловкости.

А теперь в этом же актовом зале Демина ждала вся команда КВН — восемь мальчишек и девчонок.

— Привет! — поздоровался он с ребятами.

— Привет, — ответили кавээнщики, без стеснения изучая нового наставника.

— Меня зовут Игорь Семенович. Я понимаю, что выгляжу молодо, но прошу обращаться ко мне по отчеству и на «вы».

— Хорошо, Игорь Семенович, — сказала одна из девушек, преувеличенно звонко выделив его отчество.

Ребята захихикали. Игорь почувствовал, что у него краснеют щеки. Заготовленная заранее речь чуть мгновенно не выветрилась из головы, но он заставил себя собраться.

— КВН — это игра. Значит, вы любите играть? — начал он издалека.

— Ну так-то да, — сказал полноватый Андрей, снял очки и, демонстративно подышав на линзы, стал протирать их краем футболки.

Снова смех.

— Вот и давайте поиграем. Я — учитель, а вы — ученики. Здесь обращайтесь ко мне с положенным почетом и уважением, а за стенами школы можете звать на «ты» и по имени. Так даже лучше будет, а то во-круг решат, что я старикан какой-то, раз вы, такие взрослые, величаете меня по отчеству. Договорились?

— Договорились, Игорь... Семенович. — Это прозвучало тоже с озорством, но по-доброму.

Настроение у Демина сразу улучшилось.

Он объявил кавээнщикам тему игры сезона, предложил несколько своих идей для сценария. Потом они провели актерский кастинг, чтобы прикинуть, кому какие образы подходят, и тут же разыграли по ролям несколько заранее приготовленных Игорем шуток. Было видно, что ребятам репетиция нравится. Два часа пролетели незаметно.

Демин сам удивился, насколько быстро он вошел в роль руководителя клуба и нашел общий язык со своими подопечными. Может, ребята пока не видели в нем безусловного лидера, но уж точно признали старшего товарища.

Прошло совсем немного времени, и кавээнщики привыкли называть Игоря на «вы». Бывало, даже вне школы, на улице, приветливо кричат издалека:

— Здравствуйте, Игорь Семенович!

Прохожие оборачиваются, ищут глазами взрослого дядьку, а тут Игорь — пацан пацаном — стоит и смущенно улыбается.

Марина Евгеньевна не ошиблась: КВН действительно помог Демину наладить и социальную работу. Видя, что старшеклассники уважают нового педагога, другие ученики тоже начали его слушаться.

Малообеспеченных семей в районе, где находилась школа, хватало. У некоторых учеников родители просто нигде не работали и пили. Школьная столовая была единственным местом, где такие ребята хотя бы раз в сутки получали горячее питание. Кормили их бесплатно, но для этого необходимо было составить акты обследования их семей.

Компьютеры в начале двухтысячных были еще диковинкой, работать на них умели единицы, поэтому в основном документы писались по старинке, от руки.

Игорь отправился собирать нужные сведения к классным руководителям. Выяснилось, что многие не были у своих подопечных по два года и больше.

— Как так? Почему?

— Да как-то боязно туда идти одним, без инспектора. Сходи сам — увидишь.

— Обязательно, но позже. Пока я по всем пробегусь, месяц пройдет, а документы требуются срочно. Кормить-то детей надо.

— Тогда пиши по старым образцам. Вряд ли там что-то к лучшему изменилось, — советовали учителя.

Работа с бумагами была для Демина делом новым и требовала специфических навыков. Пришлось сидеть буквально сутками, чтобы успеть к сроку. Наконец осталось заверить акты у ведущего специалиста и поставить печать.

Так дорога привела Игоря в городское управление образования.

— Ну кто вас так документы учил оформлять? Это же никуда не годится! — Чиновница нещадно черкала красными чернилами листки, над которыми Демин корпел несколько дней. — Переделайте и приходите!

Игорь послушно исправил все с учетом ее замечаний и через два дня явился снова.

— Вы хоть слушали, о чем я вам говорила?! — Красный стержень рассекал пространство листа, как меч самурая. — Переделать!

Прошло еще несколько дней. Игорь, чувствуя сосущую боль в груди и преодолевая себя, зашел в управление.

— Вы издеваетесь, коллега?! Неужели нельзя все сделать правильно? — Ручка хищно взвилась над злосчастными актами.

Игорь зажмурился и, не помня себя от волнения, произнес:

— Пока вы здесь меня акты писать учите, в школе дети голодают! В столовой их без документов кормить отказываются...

Шариковая ручка застыла в воздухе. В глазах чиновницы мелькнуло сомнение. Она глубоко вздохнула, неохотно отложила красный стержень и быстро, не глядя на Игоря, подписала документы синими чернилами.

— Пусть вас жизнь учит, — сказала она.

Демин, не веря в успех, осторожно взял бумаги со стола чиновницы, пробормотал слова благодарности и поспешно исчез из ее кабинета.

Вскоре Игорь уже достаточно знал о каждом из своих подопечных, но многих по-прежнему не видел лично. Дети из неблагополучных семей нечасто появлялись в школе.

— Созванивайся с нашим инспектором по делам несовершеннолетних, и обходите с ним адреса прогульщиков. Список я тебе подготовила, — сказала Марина Евгеньевна.

На следующий день в кабинет социального педагога постучался молодой человек в милицейской форме, возрастом чуть старше Игоря.

— Виталя, — без лишних церемоний представился он, протянул Игорю руку для приветствия и только потом добавил: — Чувиков.

Демин пожал крепкую кисть и тоже назвался.

— Ничего себе список! Обнаглели детки, про школу совсем забыли. Долго ходить будем... — Инспектор тяжело вздохнул, просматривая фамилии прогульчиков.

— Хоть посмотрю, как они живут, а то все в бумагах копаюсь, — сказал Игорь.

Виталя лишь усмехнулся в ответ.

Школа находилась на окраине города, большинство учеников обитали в частном секторе. Люди здесь жили просто и скромно, по-деревенски. Многие держали кур и скот: свиней, коров. Последние спокойно забредали в городские кварталы в поисках пищи и разгуливали там, словно в Индии, где их почитают как священных животных.

С этого района и решили начать свой обход Игорь и Виталий.

Ближе всех проживала семья Колесниковых. Воспитывала сводных сестер Наталью и Надежду их бабушка по матери Валентина Модестовна. Наталье недавно исполнилось шестнадцать лет, Надежда была на полгода старше. Отец отсиживал в тюрьме срок за убийство, мать беспробудно пила и про дочерей не вспоминала. Ее давно лишили родительских прав. Сестры уже больше месяца не посещали школу. Было известно, что они сдружились с компанией взрослых парней, вместе с ними выпивали, хулиганили, промышляли мелким воровством на садовых участках.

Их бабка Валентина Модестовна была немолодая, но все еще крепкая женщина. Нежданных гостей она встретила неприветливо.

— Кто такие? — бросила с вызовом, подбоченившись на пороге.

— Форму не видите? — грозно ответил ей инспектор. — Мы с проверкой.

— Мои девахи чего натворили? — насторожилась опекунша.

— Пока, слава богу, нет, — вступил в разговор Демин. — Но при такой жизни скоро натворят. Вы в курсе, что они больше месяца в школу не ходят?

— Я этих сучек драных кнутом высеку! — вскинулась Валентина Модестовна и начала искать глазами воображаемое орудие порки. — Я им...

— Войти можно? — перебил ее инспектор.

Тяжело вздохнув, бабка нехотя впустила проверяющих в дом.

В комнате было грязно, но тепло. В плохо выбеленной печи потрескивали, разгораясь, дрова. На просиженном старом диване валялись сбившиеся в клубок серые тряпки непонятного назначения. На обшарпанном столе стояла начатая литровая банка варенья, в прозрачном целлофановом пакете лежали слипшиеся на солнце сладкие булочки.

— Где девочки? — спросил Чувиков, оглядывая жилище.

— С утра попили чай со сладостями да в школу ушли.

— На уроках их нет, не обманывайте, — возразил Игорь.

— Проснулись, поели и вышли из дома с портфелями. Я же за ручку водить их не буду. Взрослые уже.

— Вы тетради их проверяли, дневники? Там есть хоть какие-нибудь записи из школы? Вы вообще внушек хоть как-то контролируете? — продолжал напирать Демин.

— Что мне — к ним в сумки лезть, что ли? — защищалась Валентина Модестовна.

— Хотите, чтобы их забрали в детский дом? — Игорю уже было все равно, насколько резко звучат его вопросы.

— Да хоть сейчас забирайте! — огрызнулась бабка.

— А жить на что будешь? На пенсию? — припугнул инспектор. — Опекунские-то выдавать перестанут! Еще и алименты заставят платить, штраф выпишут...

Валентина Модестовна скривилась, будто от резкой боли, и на минуту задумалась.

Инспектор и социальный педагог терпеливо ждали ответа.

— Завтра в школе будут, — наконец сказала бабка твердо.

— Точно придут?

— Не сомневайтесь! Как штык ровно в восемь появятся.

— Ну глядите, Валентина Модестовна! Если девочки не вернутся к учебе, то следующий наш с вами разговор уже не будет столь любезным.

— Я же сказала — придут!

На этом Игорь и Виталий расстались с опекушкой.

— Зачем отдавать детей человеку, который не смог воспитать собственную дочь? — недоумевал Демин по дороге. — Неужели думали, что с внучками у нее получится лучше?

— Ну, многое от самих девочек зависит. Они уже взрослые, в этом году девятый класс оканчивают. Поступят в техникум, потом выйдут замуж... Может, и не успеют совсем испортиться, — пожал плечами Виталик.

— Хотелось бы верить, — вздохнул Игорь.

— Попрошу участкового провести воспитательную беседу, — инспектор красноречиво стукнул кулаком о ладонь, — с компанией, в которую они попали.

Игорь кивнул и достал листы с адресами прогульщиков.

— Следующая семья — Варушкины.

— Знаю таких. Родители от алкоголя не просыхают, нигде не работают, по дому и в огороде ничего не делают, воспитанием детей не занимаются, — дал краткую характеристику Чувиков.

Они подошли к старому почерневшему деревянному дому. Во дворе было пусто: ни навесов, ни дров, ни инструментов. Входная дверь поскрипывала, распахнутая настежь.

Проверяющие осторожно вошли в холодное жилище. Грязная посуда, умывальник с налетом жира, засаленная мебель с темными потеками, на кроватях рваные матрасы без простыней. Никакой домашней техники: ни телевизора, ни холодильника.

Дом выглядел заброшенным.

— Здесь точно кто-то живет? — не поверил Игорь.

— Ну да. Мать, отец и их дочь Вика.

— Как же тут можно находиться, да еще с ребенком?

— Это для тебя дико, а для них — привычная среда обитания.

Снаружи послышались шаги. В дом вошла женщина в длинном темно-зеленом плаще, ее волосы скрывал теплый синий платок, на котором темнели масляные пятна. Игорь догадался, что это мать Вики. Увидев незнакомых мужчин, она от неожиданности вздрогнула и тут же в сердцах выругалась матом.

— Дочь где? — спросил железным голосом инспектор, не реагируя на ее брань.

— На улице бегает, — хмуро ответила женщина.

— Почему в школу не ходит? — спросил Игорь.

— Не в чем ей идти. Обуви нет, формы нет. Купить не на что.

— Почему не работаете? Муж где?

— Кальмит...

— Водку он пошел искать, а не кальмит, — отрезал Чувиков. — Почему дома холодно?

— Дров нет.

— Приведите завтра Вику в школу, — Игорь старался говорить спокойно. — У нас прошла акция «Помоги пойти учиться». Люди разное принесли: портфели, школьные принадлежности, одежду. Я все нужное выдам вашему ребенку.

— Хорошо, приведем. — Женщина оживилась.

— Не вздумайте только пропить эти вещи, — строго сказал инспектор. — А не то я за себя не ручаюсь. Посажу обоих, а девочку в детский дом передам!

Мать в ответ боязливо кивнула.

Демин и Чувиков вышли из затхлого помещения. Игорь чувствовал такую брезгливость, что ему захотелось помыть руки с мылом.

— Неужели так могут жить люди? — возмутился он.

— Еще и хуже могут. У этих хоть свой дом есть. Пить бы бросили — глядишь, и на ноги бы встали.

— Разве таких не лечат принудительно?

— Теперь — нет. Сейчас человек сам решает, жить ему по-людски или как животное. Пока своим умом не поймет, ничего не изменится.

— Ребенка надо срочно забирать отсюда. Не дай бог, собутыльники по пьяни зашибут или еще что сделают!

— Согласен, но вряд ли получится. Мать на суде расплатится, начнет уверять, что исправится. Отец принесет справку, что нашел работу...

С которой его уволят максимум через месяц за прогулы. Ребенок, ясное дело, скажет, что хочет жить с мамой и папой, пообещает не пропускать школу и хорошо учиться. Суд примет это все во внимание и оставит Вику родителям.

— Как же так?!

— Установка такая у суда: детей оставлять в семье.

— Разве такие родители сами не хотят избавиться от хлопот, от лишнего рта?

— Зачем? Государство ведь «детские» платит. И потом, через ребенка всегда на жалость окружающих надавить можно. Добрые люди, глядишь, и подадут. Будет на что спирт купить. А дитя само себя прокормит, так они думают.

Во двор вбежала худенькая девочка. Одежда висела на ее тщедушном тельце мешком. Из-под длинной черной юбки виднелись большие, явно с чужой ноги, рваные сланцы. Тонкие руки были все в ссадинах и в укусах насекомых.

Темно-карие глаза подозрительно оглядывали незнакомцев. Девочка раздумывала, пройти мимо мужчин в дом или снова убежать.

— Я работаю в твоей школе социальным педагогом. Меня зовут Игорь Семенович. А ты — Вика? — спросил Демин.

Она едва заметно кивнула головой.

— У меня в школе есть для тебя новая одежда. Куртка, ботиночки лакированные... А еще цветные карандаши, тетради, альбом. В столовой дают бесплатные обеды. Сегодня суп был гороховый, котлета с картошкой и компот. Я пробовал — очень вкусно.

Игорь говорил, а девочка внимательно слушала. В ее глазах зажглась заинтересованность.

— Учитель будет ждать тебя завтра в школе, — сказал Виталий. — Придешь?

— Да, — чуть слышно ответила Вика.

— Вот и молодец. Беги к маме, — сказал инспектор, а потом повернулся к Демину: — Пошли!

— Надо было ей денег дать. Купила бы себе еды, наверняка ведь голодная, — спохватился Игорь и развернулся было назад, к дому Варушкиных.

— Не вздумай! — остановил его Чувиков. — Она их родителям отдаст, а те пропьют.

— Зачем отдаст? — не понял Демин.

— Затем, что любит свою семью.

— Они же совершенно не заботятся о ней!

— Мы таких, как она, из помоек достаем и в приют устраиваем. Отмоем, отчистим, накормим, теплом и заботой окружим. Они на людей походить начинают. Семью им приемную находим. А они в конце концов все равно на городскую свалку к родителям сбегают. Спросишь их: «Зачем вам такие мама и папа, которым на вас наплевать?» — а они

ничего ответить не могут. Смотрят на нас волчатами и к пьяной матери жмутся.

- Надо же! Откуда такая преданность?
- Вот и я поражаюсь откуда... Куда дальше идем?
- Дальше... на Энгельса, сто шесть.
- Вот куда я точно идти не хотел бы, так это туда!

Три грязно-розовых общежития на улице Энгельса стояли в ряд, одно за другим. В народе их в шутку прозвали «Три поросенка». Откуда пошло такое название, никто уже не помнил, но точнее не придумаешь.

В одном из «поросят» жила семья Логиновых — мать и дочь. Девочка давно не ходила в школу. Классный руководитель даже приходила искать ее с родительским комитетом. Мать была пьяная, дочери дома не обнаружили. Мамаша обещала на следующий день отправить ребенка в школу, но прошло уже больше двух недель, а Юля на уроках так и не являлась.

В общежитии было сумрачно — лампы разбиты или перегорели, пахло затхлостью, куревом и испражнениями. Изредка, шоркая одеждой о выбеленные стены, проходили люди, похожие на зомби постапокалипсиса. Они останавливались и пьяно, непонимающе смотрели в сторону чужаков. Эти взгляды словно говорили Игорю и Виталику: «Как вас сюда занесло, касатики? Бегите, пока не поздно!» Но инспектор и социальный педагог не убежали, а, точно разведчики, осторожно, стараясь не привлекать лишнего внимания, поднялись наверх к нужной им комнате.

Демин взмахнул рукой, чтобы постучать в дверь, — и замер с поднятым кулаком. В сумраке он не сразу заметил, что двери нет. Вместо нее, закрывая проем, висело черное в клеточку одеяло. Игорь недоуменно оглянулся на Виталика. Тот пожал плечами. Демин постучал костяшками пальцев в дверной косяк, брезгливо отодвинул шерстяную ткань и вошел.

В комнате находились четверо обнаженных до пояса мужиков. Они преспокойно играли в подкидного дурака, сидя на железных кроватях друг напротив друга. Столом им служила тумба, опрокинутая набок. Мужики весело разговаривали, курили и пили водку. Появление двух незнакомцев застало их врасплох.

Взгляды всех присутствующих гипнотически приковались к Виталию Чувикову — точнее, к его милицмейской форме. Один из игроков так и замер с картой в поднятой руке. Стало ясно: многие из них не в ладах с законом.

— Спокойно, граждане! — громко и уверенно сказал инспектор. — Мы не по ваши души. Детская комната милиции. Ищем девочку, Юлю Логинову, — она в школу не ходит. Где ее мать?

На одной из кроватей что-то зашевелилось. Среди грязных матрасов и одеял медленно показалась голова женщины. Мутные глаза злобно оглядели незваных гостей.

- Опять не ходит в школу? Я этой твари голову оторву! Где она?

— Как всегда, у Людки торчит, — ответил один из игравших в карты мужиков.

— Проводите ментов до нее, пусть эту дрянь посадят. Будет знать, как в школу не ходить! — попросила дружков мать.

— Покажи им, — приказал самый старший молодому мужчине.

Тот вальяжно встал, подошел к Игорю и с вызовом бросил:

— Пошли!

— Сходи, — сказал Демину инспектор. — Я еще здесь побуду. Надо матери пару вопросов задать.

Игорю было страшно. В этом жутком общежитии, в компании явных уголовников он чувствовал себя беззащитным кроликом, которого в любой момент могут съесть хищники.

Провожатый уверенно пошел впереди, но, сделав несколько шагов, остановился и с блатным выпендрежем сказал:

— Не иди за спиной, не люблю. Плетешься сзади, словно в тюрьме конвой.

— Показывай дорогу, я чуть отстану, — ответил ему Демин как можно спокойнее.

Идти рядом с таким не хотелось.

Тот презрительно хмыкнул и быстро зашагал по лестнице вниз. Спустившись на этаж и немного пройдя по уходящему в густой сумрак коридору, он громко постучал в чью-то дверь. Ему открыли, выслушали его — и на пороге появилась девочка лет десяти. Она послушно пошла за мужчиной.

— Разговаривай, — бросил тот Игорю и, пройдя мимо, исчез, точно зверь, в темноте общежития.

— Ты Юля? — обратился Демин к ребенку.

Девочка кивнула.

— Я Игорь Семенович, работаю в школе. Почему на уроки не ходишь? — спросил социальный педагог и сам уже понял почему.

Кожа на лице девочки была обветрена, сморщена. Вроде ребенок, а вроде и маленькая старушка стоит. Все видит, все понимает, что человеку ее возраста и понимать нельзя. Взрослая душа в теле ребенка.

На глаза Игоря навернулись слезы. Ну и какая ей школа, как учиться? Таким бы просто выжить! Дожить до настоящей взрослой жизни. Да и то — что их ждет в будущем?

— Я тебя на бесплатное питание поставил в школьной столовой. Сегодня булочки с повидлом давали и чай. Ранец новый подарю... — говорил он девочке.

В Юлиных глазах Игорь увидел недоверие. Наверное, она ждала, что ее станут ругать.

— Ты приходи, тебе в школе лучше будет. Придешь?

Девочка в ответ быстро закивала головой.

— Буду ждать, — сказал Игорь и осторожно потрепал ее по волосам. — Беги к подруге.

Девочка ушла. Перед тем как зайти в квартиру, она обернулась и улыбнулась Демину. Он понял, что завтра увидит ее в школе.

Спустился Чувиков.

— Поговорил с ребенком? — спросил он.

— Да, — ответил Игорь.

Перед глазами стояло неестественно взрослое лицо девочки.

— Будем забирать ее на днях в детский дом, — сказал инспектор. —

Здесь ей оставаться нельзя.

— Да их всех надо забирать!

— Всех не получится. Да и в сиротских приютах тоже не сахар жить.

— Огласите следующий адрес, коллега! — дурашливо предложил Виталик, когда они наконец вышли на улицу.

«Как он умудряется в такой обстановке не терять расположения духа?» — с завистью подумал Демин, а вслух сказал:

— Меня тут Марина Евгеньевна попросила одной выпускнице аттестат занести. В соседнем доме живет.

— О как! Это с каких пор аттестаты на дом приносят? Болеет, что ли, выпускница-то?

— Наоборот — здоровая как лошадь. Весь прошлый год вела праздную жизнь. Спала сколько хотела, ела досыта, гуляла. На уроках за год в общей сложности чуть больше месяца была.

— И при этом умудрилась сдать экзамены? — удивился инспектор.

— Да она и не ходила на них.

— Не понял.

— Я так же непонимающе посмотрел на завуча, когда та ко мне с просьбой об аттестате обратилась. «Как же так, — говорю, — другие стараются, пашут, а этой девичке — на халяву?» А она мне: «Ну оставим мы ее на второй год, будет у нас числиться, и если натворит чего — а она натворит, — отвечать нам придется. Поэтому неси ей аттестат, вот тебе готовая справка, пусть подпишет. Скажи ей, что мы насчет ПТУ договорились. Там ее давно ждут. Пускай идет учиться на повара, как и хотела. С глаз долой, из сердца вон, и точка!» Нормально, да?

— Гм... Может, Марина Евгеньевна и права. Эта ваша выпускница, случайно, не Соня Царегородцева?

— Она.

— На днях на нее заявление поступило. Напилась, пела матерные песни на лестнице, на площадке пятого этажа. Соседи ей замечание сделали, а она в отместку, сбегая вниз, будто Терминатор, руками все окна в подъезде вышибла. Бабке, ее опекунше, штраф выписали. Та плачет, говорит, что боится внучки.

— К такой и идти страшно, — озадаченно сказал Игорь.

— Пошли, не дрейфь! — подбодрил его Чувиков.

В подъезде действительно не было окон и гуляли холодные сквозняки.

— Твоя работа? — спросил Игорь «выпускницу».

— Маленько перебрала, — с улыбкой ответила Соня.

Демин осуждающе поглядел на девушку. Крепкая, высокая, глаза веселые. Ни тени смущения или сожаления о том, что натворила.

— Расписывайся, что получила аттестат, — сказал он и протянул ей документ.

Царегородцева ухмыльнулась и поставила подпись.

— Удачи в новой жизни и, как говорится, всего наилучшего, — пошутил Виталик.

— Ага, спасибо, — простодушно поблагодарила Соня, не поняв иронии.

Уже на улице Демина прорвало:

— Неправильно все это! Нужно было порвать аттестат перед ее наглыми глазенками! Зазеркалье прямо какое-то...

— Может, наоборот, так и выглядит настоящий мир, просто ты его раньше не замечал, — парировал инспектор.

— Я не согласен с такой реальностью!

— Значит, рано или поздно захочешь ее изменить. Скоро конец рабочего дня. Какие у нас с тобой планы?

— Давай поедим чего-нибудь, зайдем еще по одному адресу, и на сегодня хватит.

— Договорились, — кивнул Виталик.

Они наскоро перекусили сосисками в тесте в ближайшем кафетерии. Настроение заметно улучшилось.

— Ну что же, теперь можно и еще немного поработать, — весело сказал Игорь.

Девятиклассница Лика Старикова проживала под опекой старшей сестры Ларисы в красивом благоустроенном доме. Сестре было двадцать семь, Лике — пятнадцать. Мать-наркоманку лишили родительских прав, с детьми она не жила. Отца в наличии никогда не имелось. Лика училась хорошо, но в последнее время стала часто без причины пропускать школу.

Дверь открыла старшая сестра. Когда она выяснила, кто к ним пришел и зачем, то без страха впустила проверяющих в квартиру. Держалась Лариса уверенно, даже развязно. Глаза ее неестественно блстели. Будь Игорь поопытнее, он бы сразу понял, что женщина «под кайфом».

Квартира выглядела ухоженной: чисто, новая мебель, хороший современный ремонт. Но что-то было не так, чувствовалось какое-то, еще невидимое глазу, тление, как будто еле заметный зеленоватый налет плесени лежал на предметах и людях.

Лика стояла у плиты, жарила картошку и на Демина с Виталиком не смотрела. За кухонным столом двое молодых, прилично одетых парней неспешно пили пиво с сушеной рыбой. По их лицам было видно, что не простые они — из «новых бластных», которые в девяностые обзавелись деньгами и стали жить по понятиям. Спокойные, привыкшие к безнака-

занности, они смотрели на инспектора и его спутника как бы вскользь, но на самом деле внимательно изучали.

— Лика, почему ты перестала ходить на уроки? — спросил Демин с порога.

— Что сказал? — переспросил его один из парней.

— Я не вам, — ответил Игорь вежливо.

— Ты что, свинья, в школу не ходишь?! — неожиданно заорала старшая сестра.

Демин вздрогнул, по спине у него пробежал холодок. Лика, не обратив на крик внимания, слегка улыбнулась и продолжала помешивать картошку на сковороде.

— Почему ребенок здесь и готовит вам пищу, а не находится там, где ему положено быть, — за партой? — спросил Демин.

— Сейчас по хлебалу, тварь, получишь! Чего молчишь?! — продолжала орать Лариса.

— Не надо кричать, — сказал Игорь. — Этот вопрос я бы и вам адресовал. Сестра под вашей опекой.

— Рот завали! — обрезала его Лариса. — Своих заведешь, тогда воспитывать будешь!

Такого поворота Демин не ожидал.

— Да приду я завтра в школу, не ори! — ответила старшей сестре Лика.

— Вы почему грубите? — растерянно произнес Игорь.

Двое парней словно ждали такого неосторожного вопроса. Они неспешно поднялись с кухонных табуретов и начали угрожающе приближаться к Демину. Тот невольно сделал два шага назад. Виталик остался стоять на месте, преграждая парням путь.

— Ты, педагог, иди, — снисходительно сказал Демину один из «новоблатных» и улыбнулся. — Придет она завтра в школу. А с твоим подчиненным мы поговорить хотим.

— Он не мой подчиненный, и мы вместе уйдем, — ответил Игорь.

Виталик молчал. Он с вызовом смотрел на парней, заложив руки за спину и чуть выдвинув вперед подбородок.

— Пошли, — сказал ему Игорь.

Инспектор словно не услышал.

— Завтра чтобы была на уроках, — сказал Виталик Лике. — А вас, — обратился он к Ларисе, — жду в среду к шести вечера на собеседование в детскую комнату милиции.

Потом он смерил взглядом подступавших парней:

— Вы, уважаемые, лучше вернитесь на свои места и спокойно ждите картошечку. Если проблем не хотите.

— Борзый мент, — произнес с уважением один из «блатных».

— Нормальный мент, — ответил ему инспектор. — Не к вам пришли, не с вами и дела вести будем.

— Все, сдаемся. Туше! — сказал другой, широкоплечий парень, используя борцовский термин, означающий поражение.

Он послушно сел на табурет и попытался изобразить улыбку, но выглядело это так, будто он мерзко скалится. Приятель нехотя последовал его примеру. Было ясно: опасность не миновала.

Виталик не торопясь выгащил повестку, заполнил ее и заставил старшую сестру расписаться.

— Неявка по повестке карается административным штрафом, поэтому не советую игнорировать, — предупредил он.

Лариса лишь хмыкнула в ответ.

— И завязывайте с «дурью», уважаемая. Это добром не кончится.

— Чего? — не поняла Лариса.

— Погода на улице хорошая, — ответил Чувиков. — Всем до свидания.

Они с Игорем вышли на улицу.

— Я думал, нам конец, — облегченно вздохнул Демин.

— Никогда не показывай таким свой страх, — сказал Виталик. — Сожрут.

— Как его можно не показывать, если и правда страшно?

— Учись.

— Такому сразу не научишься. Тут закалка нужна.

— Лучше армии для этого места нет.

Демину стало стыдно.

— Я в армии не служил. Оказался не годен по здоровью, — сказал он Виталику.

— Ясно, — сказал без эмоций инспектор.

— И не думай, что откосил! Я хотел в армию. С детства мечтал пойти в погранвойска. У меня там отец и старший брат служили.

— Я же сказал: ясно, — уже теплее повторил Виталик, а потом спросил: — Ну что, на сегодня обходов хватит?

— Похоже, не только на сегодня, — ответил Игорь устало.

— Это ты брось! Нам с тобой еще пятнадцать адресов надо за неделю пройти.

— Был бы толк...

— В школе появятся, пусть хотя бы ненадолго. Уже хорошо.

Игорь задумался, вспоминая девочку, покорно жарившую картошку взрослым мужикам.

— Слушай, что ждет Лику в такой компании?

— Ничего хорошего, — ответил Чувиков.

— Надо лишать сестру опекуна и забирать девочку.

— Составь акты, я их подпишу, и передадим в отдел детства. Пусть там решают.

— Договорились.

— Мне надо на работу позвонить. Подожди чуть-чуть, — спохватился Виталик и побежал к ближайшему таксофону.

Через пару минут он вернулся, чем-то озабоченный.

— Конец рабочего дня отменяется. Идем в детский дом проводить профилактическую беседу. Там Голикова из вашей школы неожиданно быстро вернулась из санатория. Напилась, пошла на дискотеку, отлупила другую девочку. Мать избитой написала заявление. Голиковой шестнадцать лет, ей статья грозит.

— И двух дней не пробыла в хорошем месте, — тяжело вздохнув, сказал Демин.

— Нельзя волчат с овечками селить, — заметил Чувиков. — Ну кто придумал, что ягнята смогут хищника на светлую сторону перетянуть?

— Может, и смогут, если их много и они дружные.

За разговорами незаметно подошли к районному детскому дому. Здесь проживали более ста подростков из разных городов Красноярского края.

Стены, мебель, оргтехника — все было новое и самое современное. Ребятня бегала сытая, довольная, чистая. Каждый одет индивидуально, с иголочки и по последней моде.

Игорь с Виталиком прошли мимо двух мальчишек, которые увлеченно рублились на «Сеге» в видеоигры, уставившись в огромный монитор на полстены.

— Не детский дом, а отель «пять звезд»! — восхитился Демин.

— Им и карманные деньги выдают, и питание разнообразное в столовой: мясо, овощи, фрукты...

— А я думал, что сироты плохо живут.

— Еще детскому дому иногда спонсоры помогают. Особенно во время предвыборных кампаний. Для собственного пиара.

— И все равно, все детство без семьи я бы не смог...

— Здесь и труд в любой форме запрещен: ни стирать одежду, ни мыть полы в своих комнатах, ни дежурить в столовой нельзя, — продолжал рассказывать Виталик. — Живут на всем готовом. Поэтому, когда выходят отсюда во взрослую жизнь, совершенно не знают, как себя в ней вести. Часто буквально за месяц спускают все, что получили от государства.

— И много им дают?

— В прошлом году у одного выпускника накопилось на счетах около миллиона, да плюс еще квартира. За несколько недель он потратил все — раздал друзьям, подписал дарственную — и оказался на улице. Не знают они цену материальным благам, не отличают сотню рублей от пятисот. Могут купить телефон за десять штук, а завтра продать его за тысячу. Для них это суммы одного порядка.

— Если бы они сами зарабатывали деньги, то и ценить бы их умели. Зря такому не учат!

— Может, боятся, что в сиротских приютах начнут детей эксплуатировать? Или мешает закон о запрете детского труда до четырнадцати лет... Бог его знает. Слышал, что скоро новое постановление выйдет и

выпускники детдомов не смогут свои квартиры продавать в течение пяти лет.

— Это правильно, — поддержал Демин.

В кабинете директора их уже ждали.

— Знакомся, Игорь Семенович! — представил Чувиков. — Голикова Мария Владимировна, уроженка города Ужур. В наших местах проживает недавно, но уже имеет на своем счету бесспорные «достижения»: драки, мелкие хищения — и вот теперь побои. Мария у нас айсберг, большей частью скрытый в мутной воде.

— Мы знакомы. Виделись несколько раз в школе, — сказал Игорь.

Голикова вызывающе ухмыльнулась, в ее глазах появился нехороший блеск, будто дикий зверь готовился вот-вот сломать клетку и вырваться на свободу.

— Тебя государство кормит, одевает, в санатории отправляет, а ты ведешь себя, как... — Чувиков споткнулся, подбирая нужное слово.

— Как мразь, — услужливо подсказала Голикова. — Говорите прямо, гражданин начальник.

— ...Как неблагодарный ребенок. Но ведь ты уже далеко не маленькая, — закончил свою мысль Виталик.

— А я государство не просила меня кормить! Я сама все достану, — дерзко ответила Маша. — Что так смотрите — не нравлюсь? — обратилась она уже к Демину.

— Мне с тобой детей не крестить. Какая разница, нравишься ты мне или нет? — сказал Игорь. — Мать твоя уже третий год сидит, ей еще пять осталось. С такой жизнью скоро и ты к ней присоединишься.

— Я не дура, на зону не собираюсь. И мать мою не трогайте, ясно? Я в колледже учиться буду, на парикмахера.

— Теперь не будешь, со статьей туда не берут, — заметил Виталик.

Голикова испуганно осеклась и вопросительно посмотрела на директора детского дома, которая все это время молча присутствовала при беседе.

— Инспектор шутит, — сказала та своей воспитаннице. — Мы поговорим с родителями побитой девочки. Попросим их забрать заявление. Коллеги, можно вас на минуточку? — обратилась она к Игорю и Виталику.

Они втроем вышли в другую комнату.

— Нельзя им таких слов говорить. Мечты о правильной жизни — это единственное, что их держит хоть в каких-то рамках. Если поверит вам — сбежит из детского дома и натворит таких дел, что не расхлебает до конца жизни! — удрученно сказала директор.

— Но она должна понять, что за свои поступки надо отвечать, — возразил Демин.

— О чем вы говорите, Игорь Семенович! Голикова состоит на учете в психдиспансере. Мать ее в четырехлетнем возрасте живую в землю закопала. Соседи крик услышали и спасли в последний момент.

Игорь посмотрел на Виталика, тот в подтверждение кивнул.

— Выходит, она искалечена самым близким и дорогим человеком... И ведь это навсегда! А чего мы тогда от нее хотим? — Демин почувствовал, как его накрывает безысходность.

— Вы не волнуйтесь, Игорь Семенович, Мария свое наказание получит. Мы отправим ее на очередное лечение в диспансер. Поверьте, этого она боится больше всего. Там с ними не церемонятся, — сказала директор.

— Не уверен уже, что хочу ее наказания, — ответил Демин.

Женщина понимающе кивнула.

За окном медленно наливался синевой вечер.

Игорь в бессилии махнул рукой и вышел на улицу. Чувиков попросился с директором и отправился вслед за напарником.

— Не могу, тошнит! — сказал Демин. — С одной стороны, придушить хочется таких, как эта Голикова. А с другой — душа кровью обливается... Как вот это выдержать, скажи?! Одно утешает — что скоро выходные.

— Не раскисай. Со временем научишься не принимать все близко к сердцу.

— А этому точно надо учиться?

— Да. Иначе надолго тебя не хватит.

Инспектор улыбнулся и на прощание крепко пожал Игорю руку.

На следующий день Демин пришел в школу только к обеду и сразу явился с отчетом к Марине Евгеньевне.

— Молодцы! — похвалила она. — То-то я смотрю, с утра новые лица на уроках появились. Сестры Колесниковы сидят за партами и даже домашнее задание сделали. Варушкина здесь, Логинова пришла...

— Я им ранцы обещал новые и обед.

— Не беспокойся, сразу накормили и все выдали. И даже одели — после акции уйма вещей осталась. Обе ушли домой довольные. Юлю Логинову завтра, скорее всего, в детский дом заберут.

— Это хорошо. Варушкину тоже надо туда оформлять.

— Согласна. Я подготовлю документы для опеки.

— А Лика Старикова пришла в школу?

— Была на двух уроках, потом испарилась.

— Надо с комиссией туда идти. Чувствую, что-то нехорошее творится с девочкой.

— Не нагоняй раньше времени тучи. Давай лучше посоветуем Лике поступить в училище. Там ей общежитие дадут. Пусть поживет отдельно от старшей сестры.

— Предложу ей это в понедельник, если в школе появится.

— А я с директором училища договорюсь, — кивнула Марина Евгеньевна. — Чем сегодня будешь заниматься?

— После уроков второй смены встреча с ребятами-кавээнщиками. Надо дописать сценарий к этому времени. Фестиваль на носу, а мы еще даже толком не репетировали.

— Хорошо. Готовьтесь. Распоряжусь, чтобы на вахте вам дали ключ от актового зала. А ты гляди за своими кружковцами внимательно. Они только выглядят взрослыми, а в головах-то еще детство не выветрилось.

После разговора с завучем Игорь шел по школе в хорошем настроении. Социальная работа налаживалась, сценарий для игры КВН был почти написан, коллеги уже не смотрели на него с подозрением, как на причину лишних хлопот. Завтра обходы с инспектором продолжатся — и, глядишь, постепенно удастся вернуть за парты всех прогульщиков...

Демин вышел на улицу и по привычке оглядел пришкольную территорию в поисках курильщиков. Так и есть: за углом школы притаилась группа девочек-подростков. Игорь приблизился к ним и увидел сестер Колесниковых. Старшая, Надежда, быстро спрятала за спиной сигарету.

— Брось на пол и затопчи! — приказал Демин.

Девушка неохотно подчинилась.

— А теперь подними и выброси в урну.

— Ну Игорь Семенович... — попыталась воспротивиться Надежда.

— Давай быстрее, мне некогда ждать!

Она, поджав губы, подобрала бычок и отнесла его в урну.

— Еще раз увижу с сигаретой — составлю протокол, — продолжил воспитательную работу Игорь. — Вызовут вас на комиссию и выпишут бабушке штраф. Поняла?

При слове «штраф» Надежда недовольно скривилась. Было видно, что бабуля приучила внучек считать деньги.

Младшая, Наталья, во время разговора стояла и откровенно посмеивалась над сестрой.

— Чего скалишься? — зло бросила ей Надежда.

— А что — нельзя?

— Сейчас всеку тебе, тогда сразу поймешь, можно или нет!

— «Замучаешься» через какую букву пишется?

— Так, обе замолчали и марш на уроки! — оборвал их перепалку Демин.

— Нам поговорить нужно, — сказала Наташа. — Важное дело. Придем через пять минут.

Только тут Игорь наконец обратил внимание на еще одну девушку, тихо стоящую рядом. В школе он ее не видел. Незнакомка была высокая, стройная, но казалась поникшей: плечи опущены, на низко склоненную голову натянут капюшон, словно на улице дождь...

Демина кольнула тревога.

— Что вам от нее надо? — повернулся он к сестрам.

— Ничего. Просто разговариваем.

— Ты ведь не из нашей школы? — спросил Демин у девушки.

— Да из нашей она, из девятого «Б»! Просто вас стесняется, — ответила вместо нее Надежда.

Ясно было, что она врет.

— Вы две — марш к себе на урок! — командовал Демин Колесниковым. — А ты — к себе! — сказал он девушке.

Та сделала попытку уйти.

— Да погоди ты! — грубо затормозила ее Надежда.

Незнакомка покорно остановилась.

— Я не понял! — взбеленился Демин. — Я же сказал: быстро на занятия!

Старшая сестра зло стиснула зубы и сжала кулаки, но открыто противиться социальному педагогу не стала. Она дернула младшую за рукав, увлекая за собой по направлению к школе.

— Увидимся! — бросила Наталья незнакомке и поспешила за сестрой.

Игорь проводил их взглядом и повернулся к девушке, чтобы узнать, что хотели от нее Колесниковы. Но та уже удалялась быстрым шагом, явно желая избежать расспросов.

Он покачал головой. Недавнее хорошее настроение не то чтобы пропало совсем, но как-то пригасло, словно уголек, на который случайно насыпали золы.

Вечером команда КВН собралась в актовом зале школы. Демин прочитал ребятам сценарий. Старшеклассники одобрительно смеялись, но, как показалось Игорю, были чрезмерно возбуждены. Его насторожили их заговорщицкие переглядывания, смешки не к месту, многозначительные реплики...

— Вы чего такие? — спросил он.

— День рождения сегодня у Танюхи! — ответил за всех бородатый Павел.

Татьяну Чолкину в свое время единогласно выбрали капитаном школьной команды КВН. Это была талантливая, актерски одаренная девушка. Училась Таня только на «четыре» и «пять». Впрочем, ребята-кавээнщики все были отличниками или ударниками. Двое даже на золотую медаль шли. Словом — элита школы.

Сейчас эта элита с интересом смотрела на Демина, ожидая его реакции.

— Прости, Танюша, не знал, — извинился Игорь. — Поздравляю тебя... Что же вы раньше не сказали? Чаю бы попили, устроили бы праздник...

— А мы уже все купили! — хором радостно сообщили кавээнщики и выставили из-под скамеек пакеты.

В пакетах что-то стеклянно звякнуло. Игорь заглянул в них и ахнул: пиво, водка, лимонад, коктейли...

— Вы с ума, что ли, сошли? Куда столько? Вам же плохо будет!

— Игорь Семенович, да мы по чуть-чуть, все не станем!

— Да уж я надеюсь. Откуда деньги на спиртное взяли?

— А родители на что? Бабосики подарили, вот я и взяла оттуда немножко, — засмеялась Татьяна.

— И что будет, когда дома почувствуют, что от тебя пахнет алкоголем?

— Ой, да мамуля сегодня вечером сама мне шампусика за здоровье нальет!

— Ладно, давайте репетировать, а потом идите и делайте что хотите.

— Семеныч, ну какая репетиция! Да и куда мы пойдём? — сказал Павел, с ухмылкой поправляя очки.

— Не понял. Вы что — здесь нацелились пить?!

Довольные улыбки старшеклассников сказали Демину, что он не ошибся.

— Даже и не думайте! И вам, и мне головы снесут, если узнают.

— Да мы не спалимся, зуб даем! Мы тихо.

— Ну пожалуйста, Игорь Семенович! У меня же день рождения... — взмолилась Татьяна.

— Заприте стулом дверь актового зала. Разрешаю по бутылке пива на брата, остальное унесете с собой, — неохотно согласился Демин.

«Ничего страшного не случится, если они посидят чуток под моим присмотром, — подумал он. — Все лучше, чем на лавочках во дворах будут тусоваться. Того и гляди в милицию попадут».

Открыли пиво. Первый тост произносили тихо. Выпили. Потом разговорились, шутили. Выпили еще. Игорь скрепя сердце разрешил по второй бутылке на каждого. Включили негромкую музыку. Девчонки начали танцевать.

— Все, хватит, заканчиваем! — Демин многозначительно посмотрел на часы.

— Ну Игорь Семенович, веселье же только началось!

— Школа — не кафе. Я и так позволил вам больше, чем нужно. И потом, время репетиции уже истекло, а у меня есть и другие дела.

— Как скажете, Игорь Семенович, — неожиданно быстро согласились ребята. — Вы идите, а мы приберем здесь, чтобы никто не узнал.

Они принялись активно запихивать мусор в пакеты.

— Только не задерживайтесь, — попросил Игорь, слегка удивленный такой покладистостью, и вышел из актового зала.

В школе было тихо. Учителя и дети ушли домой. Осталась лишь дежурная техничка на вахте. Демин вежливо попрощался с ней, сказал, что ребята скоро сдадут ключи и уйдут. Она кивнула, не отрываясь от вязания.

Дома, перебирая на полке книги в поисках подходящего чтения, Игорь наткнулся на тетрадь с фантастической повестью, которую они писали с другом детства. Вяло полистал ее, перечитал отдельные фрагменты. Что-то показалось забавным, но большая часть была наивной и слабой. Может, попробовать накидать план той новой истории, которую они в

шутку начали сочинять во время последней встречи? Игорь помнил сюжет: социальный педагог похищает детей, черный шаман, ритуалы... Но перед глазами, заслоня вымысел, вставали лица реальных ребяташек, обходы с инспектором, убогий быт, в котором существовали их подопечные. Игорь отложил тетрадь и бездумно уставился в телевизор. Писать и фантазировать больше не было желания.

Рабочая неделя выдалась не из легких. Мама переживала за Игоря, отец шутил о тяжести трудового хлебушка. На выходных ничего не хотелось делать. Если бы не собака, взрослая немецкая овчарка Ника, Демин и на улицу не вышел бы.

Но животное требовало прогулки как минимум два раза в день. К счастью, практически рядом с домом располагался огромный пустырь, заросший кустарником, полянью и высокой травой. Местные собачники благодарили Бога за такой подарок — не надо идти за тридевять земель, чтобы питомец почувствовал себя счастливым.

Ника с поводком, зажатым в зубах, подошла к Игорю, чуть поскуливая и жалобно заглядывая ему в глаза. Это означало, что ее терпение на исходе. Демин взглянул на часы. Стрелки показывали пол-одиннадцатого. За окном успело стемнеть. Свет фонарей во дворе едва «добивал» до пустыря.

Игорь тяжело вздохнул:

— Ладно, уговорила. Пошли гулять.

Услышав знакомое слово, Ника радостно завиляла хвостом, засуетилась, забегала по комнатам.

Несмотря на поздний час, Игорь оказался на улице не один. Рядом выгуливала пушистую белую болонку пожилая семейная пара. Демин знал многих здешних «собачников», но этих людей видел впервые. Скорее всего, они недавно переехали в этот район.

Питомцы быстро подружились и, играя, весело боролись за обладание старой сухой палкой.

Вдруг Ника остановилась и замерла. Шерсть у нее на загривке встала дыбом, она зарычала, а потом истошно залаяла, уставившись на кусты. Демин вздрогнул и вгляделся в темноту. Кто-то медленно выходил из зарослей на краю пустыря. Неужели пьяный? Игорь взял Нику на поводок: не дай бог, кинется на незнакомого забуддыгу.

Пожилая пара тоже с тревогой вглядывалась в ночь. Болонка бояливо жалась к ногам хозяев.

Из кустов, пошатываясь, вышла высокая девушка лет пятнадцати-шестнадцати, одетая легко, не по погоде: в короткую коричневую футболку и черные лосины.

— Помогите... — пробормотала она и двинулась в сторону хозяев болонки.

— Наркоманка, что ли? — с тревогой спросила женщина у своего мужа.

— Скорее всего, — ответил он.

— Помогите... — с трудом ворочая языком, снова произнесла девушка.

Пара попятилась.

— Иди туда, — сказал мужчина, показывая в сторону близстоящих домов.

Девочка вместо этого повернулась к Демину, протянула слабую, тонкую руку и еле слышно повторила:

— Помогите...

«Где же я ее видел?» — подумал Игорь, но не смог вспомнить.

Ее пошатывало из стороны в сторону. Крови или следов побоев не было заметно, но и пьяной вальяжности не ощущалось. Демин сделал было движение навстречу. Ника встревоженно заворчала.

«Если я сейчас поведу девочку домой, люди увидят и решат, что это я сделал с ней что-то плохое», — подумал Демин и остановился.

— Иди домой. — Он, как до него пожилой мужчина, махнул рукой на светящиеся окна домов, надеясь, что она действительно живет где-то поблизости.

Вдалеке, в свете фонарей, он вдруг заметил одиноко стоявшую женскую фигуру. Женщина напряженно смотрела вдаль. К ней подошли двое мужчин, все время оглядываясь вокруг, словно они кого-то искали.

Девушка безнадежно поникла, отвернулась от Демина и, качаясь, словно невесомая былинка на ветру, двинулась в сторону освещенного двора.

Игоря сразу же охватили угрызения совести. Что, если ей действительно плохо, а он не помог? Он проводил девушку взглядом.

Когда она вышла из темноты на свет, раздался истошный крик женщины:

— Женька? Женька! Доченька! Что с тобой?!

Тело девочки обмякло у нее на руках.

— Боже мой! — закричала женщина. — Помогите!

Один из мужчин тут же подхватил ребенка на руки, другой быстро подогнал машину. Они бережно устроили девочку и мать на заднем сиденье, а сами сели впереди. Машина резко газанула, рванулась в ночь — и во дворе стало тихо.

Игорь оглянулся по сторонам. Семейная пара с болонкой ушла, не попрощавшись.

«Девушке помогут...» — успокаивал он свою совесть. А потом неожиданно для себя взмолился: «Господи, спаси ее, пожалуйста!»

На работу после выходных Демин пришел разбитым и совершенно не отдохнувшим. Его сразу вызвала в свой кабинет Марина Евгеньевна.

— Ты когда в пятницу закончил репетировать с кавээнщиками? — спросила она строго.

— Часов в восемь, — ответил Игорь и сразу почувствовал недоброе. — У Татьяны Чолкиной день рождения был. Мы после читки сценария по-

пили чай с пирожными. Я попросил ребят прибраться в актовом зале, а сам пошел домой.

Про разрешенное пиво Игорь, естественно, умолчал. Если узнают — конец его едва начавшейся педагогической карьере.

— Чай, говоришь? Подвели тебя кружковцы! Как только ты ушел — они напились вдрызг. Вахтерша их еле выгнала. Позвонила мне. Пришлось приезжать на работу. Захожу в зал — повсюду бутылки из-под спиртного.

— И что теперь будет?

— За такое положено из школы исключать. Не поздоровится твоим кавээнщикам, да и тебе, Игорь Семенович, тоже!

— Меня — наказывайте. Знаю — виноват, недоглядел. А вот ребят исключать не надо ни в коем случае! Они же все хорошо учатся. Да и выступать нам скоро...

Демин интуитивно почувствовал, что признание проступка в этом случае лучше отпирательства. Повинную голову, как известно, меч не сечет.

— Кружковцы твои пусть так и знают: КВН для них закончился. И тебя накажем, не переживай! Готовься к выговору. Твое счастье, что тебя с ними уже не было. Вахтерша это подтвердила, и дети тоже. А то бы мигом увольнение с записью в трудовую книжку...

— Марина Евгеньевна, ребята просто оступились, исправятся! Не лишайте их возможности выступать. Я вам торжественно обещаю — мы выиграем городскую лигу КВН в этом году!

— Надо же, юный пионер нашелся! Торжественно он обещает. Воспитывать надо ребят лучше! Я еще подумаю над этим. На ваше счастье и к моему удивлению, Людмила Ивановна к происшествию отнеслась спокойно. И даже посмеялась немного. Вспомнила, что тоже в молодости в КВН играла и они как-то раз после победы выпивали командой. Правда, она забыла, что уже студенткой была, а эти бестолочи еще школьники.

— Я поговорю с ребятами, прочитаю им лекцию о вреде пьянства, — сморозил Демин.

— Хотелось бы поприсутствовать на этом мероприятии, да некогда мне. Сегодня на обход с инспектором пойдете?

— Жду его после обеда, а пока над актами поработаю. На большой перемене соберу своих кавээнщиков для воспитательной беседы.

— Ладно, давай. Действуй, — согласилась Марина Евгеньевна.

В актовом зале, понутив головы, Игоря ждала команда КВН.

— Зашибись отдохнули? — ехидно спросил Демин. И упрекнул: — Меня подставили!

— Простите нас, говнюков, Игорь Семенович! — за всех говорил полноватый Андрей. — Не рассчитали силы и боеприпасы. Подвели вас...

— Зачем вы меня обманули?

— Вы же не разрешили нам в зале праздновать. А пойти некуда было. Вот и пришлось схитрить.

— Это не оправдание!

— Нас наказали уже. Мне дома даже ремнем досталось по попе, аж детство вспомнила! — пожаловалась Татьяна Чолкина.

Ребята засмеялись.

— А мне не смешно, — сказал Игорь печально. — От вас я не ожидал удара в спину.

— Семеныч, не дави на мозоль, и так тошно! Мы же не отрицаем, что виноваты, — прогудел бородатый Павел. — Нам теперь вообще запретили в КВН играть...

— Вы притормозите, детвора. Запретили вам... Мы уже столько сил вложили! Скажите своим предкам, что КВН — это для вас единственный шанс остаться в школе и успешно сдать экзамены. Я уговорил Марину Евгеньевну смягчить наказание.

— Ух ты!

Ребята оживились, заулыбались. Глаза у них заблестели.

— Но при одном условии... — Демин поднял руку, призывая дослушать. — Мы должны выиграть городскую лигу в этом году.

— А сможем?

— У нас теперь нет другого выхода.

Раздался звонок на урок.

— Бегите на учебу, — сказал Игорь. — И спасибо, что меня не выдали.

— Мы же не дети малые, понимаем...

Ребята с легким сердцем ушли на занятия.

Демин поднялся к себе в кабинет. По дороге встретил Юлю Логинову и Вику Варушкину. Те бежали радостные, хорошо одетые, с новыми ранцами. Они улыбнулись Демину и весело поздоровались. На душе стало светлее. Не зря, значит, все.

В кабинете Игорь погрузился в работу с документами. Дело двигалось туго, сильно болела голова.

В дверь постучали. Вошел Виталик. Лицо его было непривычно серьезным.

— Случилось что-нибудь? — спросил Игорь.

— Сестры Колесниковы на выходных заманили на квартиру к своим приятелям девочку из соседней школы — она вроде как должна была им деньги — и издевались над ней в течение нескольких часов. Избивали, сушили ударами мышцы ног, кололи тело иголками, сажали на бутылку... Всего перечислять не буду.

— Ничего себе! Вот твари какие! Садистки! — вырвалось у Демина.

— Девочка в больнице в крайне тяжелом состоянии, у нее ампутировали почку. Если не выживет, то нам всем каюк: и тебе, и мне, и завучу, и

директору вашему. — Виталик в подкрепление своих слов провел ребром ладони по шее.

— Ты Марине Евгеньевне уже рассказал?

— Да. Побежала директору докладывать. Нам с тобой надо тщательно над бумагами покорпеть, чтобы была видна вся работа с Колесниковыми: все беседы, обходы, советы профилактики и многое другое.

Игорь кивнул.

— А сестрам что теперь будет?

— Им по шестнадцать уже. Посадят, и надолго.

— И что за девочку они мучили? Кто она?

Виталик открыл толстую кожаную папку, перелистал бумаги, нашел нужный лист и прочитал:

— Евгения Сапелкина. Проживает в восьмом микрорайоне, дом пятьдесят семь.

— Я живу в том же районе... Как, ты сказал, ее зовут? Евгения?..

В голове Игоря тут же ожила вчерашняя картина. Он вспомнил девушку, которой побоялся помочь. Вспомнил, как мать звала ее по имени: «Женя! Женя, что с тобой?!» И тут же в памяти возникла худенькая незнакомка, которую он встретил около школы с сестрами Колесниковыми. Неужели это была она?

— Слушай, Виталик, я же видел Сапелкину в тот вечер!

Игорь подробно описал инспектору все, что с ним случилось.

— Я виноват. Судьба вывела этого ребенка ко мне. Я мог хотя бы донести девочку до матери. Простить себе никогда не смогу! — безрадостно закончил Демин свой рассказ.

— Не так уж ты неправ. Действительно, бывает, что люди помогают другим, а потом срок мотают.

— И что же теперь — проходить мимо?

— Не буду я ничего советовать. Одно скажу: не говори больше никому о том, что видел девочку там, на пустыре. Всегда найдутся желающие на тебя стрелки перевести. Не надо этого.

— Ты знаешь, Виталь, не представляю, как закончится эта история, но с меня довольно. Хватит уже! Доработаю год, и все, — сказал Демин.

— Чего вдруг так быстро сдался?

— Да не сдался я. Просто не свое место занимаю. По профессии я не педагог, в социальной работе у меня сплошное фиаско. Сколько ни бился с Колесниковыми, а результат нулевой. Кавээнщики и те подставили — устроили кабак после репетиции.

— Неудачи в любой работе случаются. Могу все же дать совет, если хочешь.

— Говори.

— Не важно, на кого ты учился, важно — какое твое призвание. Ребята тянутся к тебе, и не только маленькие, но и старшие. Пусть кавээнщики подвели, с кем не бывает, но они же не выдали тебя, хотя их прессовали.

— Может, ты и прав. Только мне постоянно кажется, что все вокруг зыбко, тонко, непрочно. Тут замажешь — там порвется...

— Подожди, пусть пройдет какое-то время. Посмотрим, как будет дальше. В начале пути все ошибаются, так что рано еще делать выводы, — ответил Чувиков.

До позднего вечера Игорь с Виталием готовили документы. Им помогала Марина Евгеньевна. Директор Людмила Ивановна постоянно интересовалась, как идет работа. Она то и дело звонила в больницу, узнавала о состоянии Жени Сапелкиной.

Девочка пришла в себя через трое суток. Через две недели ее выписали из больницы, и только тогда все смогли вздохнуть спокойно.

Над сестрами Колесниковыми состоялся суд. Старшей дали восемь лет колонии, младшей — шесть. Их жертва прошла долгий курс реабилитации — и, к счастью, ее здоровье восстановилось. Спустя два года Евгения окончила школу и поступила в институт, потом вышла замуж, родила ребенка.

Вику Варушкину так и не забрали в детский дом. Через месяц она вновь перестала ходить в школу. Игорь Демин искал ее, возвращал, но она опять и опять сбегала с уроков. Так продолжалось несколько лет. Девочка с трудом окончила восемь классов, ей помогли поступить в ПТУ. Дальнейшая судьба этого ребенка неизвестна.

Лику Старикову устроить в колледж, как планировали, не удалось. На медкомиссии, обязательной для поступления в училище, у девочки обнаружили сифилис. Оказалось, что старшая сестра втянула ее в занятие проституцией. Они обе лечились в диспансере, к учебе в школе Лика так и не вернулась.

Мать Юли Логиновой лишили родительских прав. Девочку устроили в детский дом. Целый год школа не знала с ней проблем: ребенок всегда был чистый и накормленный, уроки не пропускал. Но потом Юлина мать бросила пить, нашла работу, привела жилище в порядок — и попросила суд восстановить ее в родительских правах. Суд встал на ее сторону, и Юля вернулась в отчий дом. Не прошло и полугода, как женщина сорвалась и вновь запила. Юля опять начала пропускать школу и с трудом доучилась до восьмого класса.

Демин часто встречает ее на улице. Юля выглядит старше своих лет. Увидев Игоря, она стыдливо прячет сигарету за спину, здоровается и радостно улыбается, словно благодарит за когда-то проявленную заботу о ней.

После завершения истории с Евгенией Сапелкиной Демин действительно пришел к директору школы с заявлением об уходе.

— И куда ты собрался? — спросила его Людмила Ивановна.

— Не знаю... В клуб пойду работать...

— Да не похож ты на массовика-затейника.

— Почему?

— Серьезный слишком, прямо вылитый учитель. — Людмила Ивановна улыбнулась.

— Издеваетесь? Вы же сами не хотели брать меня как социального педагога.

— Не хотела, а теперь хочу. Ловко у тебя с детьми получается, да и в коллективе ты уже свой. Поработаешь немного, силу наберешь. Я на пенсию уйду — тебя на свое место поставлю.

— Да вы молодая еще...

— Боишься, что не дождешься? — Директор расхохоталась.

Демин растерянно замотал головой.

— Вот, возьми. — Людмила Ивановна подала Игорю лист бумаги, отпечатанный на машинке.

Демин прочитал и удивленно поглядел на директора.

— Что это?

— Выхлопотала тебе направление в пединститут. Будешь здесь работать и учиться заочно. И чтобы я больше не слышала этого твоего «я же не учитель»!

Демин опешил от такого поворота.

— Спасибо, не ожидал.

— Иди работай! Не ожидал он...

И Людмила Ивановна демонстративно порвала заявление Игоря.

С тех пор прошло около двух десятков лет. Пять лет Игорь отработал в школе социальным педагогом. Ему удалось привлечь на помощь весь учительский коллектив и добиться заметных результатов. Он заочно окончил пединститут. И, кстати, его команда действительно заняла первое место в городской лиге КВН. Потом Игорю предложили повышение. Было жаль уходить из школы, но он чувствовал, что необходимо двигаться дальше, пробовать себя на новых местах.

Сейчас Демин — директор Дома творчества.

Недавно он в очередной раз встретился с другом детства. Они выпили, разговорились, вспомнили молодость.

— Ну что, когда начнем с тобой писать ужастики? Помнишь идею романа «Социальный педагог»? — спросил друг со смехом.

— Уже никогда, — ответил Игорь печально. — Жизнь оказалась гораздо страшнее выдумки.

И он поведал о своей работе в школе.

Друг слушал с удивлением и интересом.

— Ты мне никогда об этом не рассказывал, — заметил он.

— Видать, глубоко сидело. Прятал от всех, — признался Игорь. — Но самое страшное то, что прошло почти двадцать лет, а воз и ныне там. Педагоги, как и прежде, бегают по семьям алкашей, возвращают детей на уроки, получают выговоры. А пьяные мамы и папы ни за что не отвечают!

— А как ты их заставишь отвечать? С них же взять нечего.

— Надо обязать их принудительно лечиться и работать. Не подчиняются — забирать детей в другие семьи.

— Здесь главное — не перегнуть палку, как в скандинавских странах, где чуть что — сразу лишение родительских прав...

— Да какое там! У нас эту палку и в руках-то не держат. Недавно прихожу я на совещание руководителей. Там обсуждают работу социальных педагогов. Раскладывают по полочкам ошибки. Идет напряженная и нужная аналитическая работа. И вдруг приходят председатель Совета депутатов, сам глава собственной персоной и какой-то пиарщик из краевой администрации. Перебивают нас, начинают вещать про предстоящие парламентские выборы, про то, что мы должны убедить подчиненных участвовать в голосовании... Вот и скажи, что важнее: помочь детям из неблагополучных семей или выборы?

— Естественно, выборы! — рассмеялся друг детства.

— Так и неудивительно, что за столько лет в социальной работе ничего не сдвинулось! Дети регистрируются на сомнительных сайтах, курят новомодные смеси, гибнут... Учителя бьются как рыбы об лед, вытаскивают, кого могут, из этого омута. А товарищи наверху заботятся лишь о сохранении теплых мест под своими задницами!

— А ты не смотри на товарищей наверху. Делай, что сам считаешь нужным и важным. Ты директор, у тебя возможностей больше, чем у простого педагога. Меняй ситуацию в меру своих сил. Глядишь, хоть одному ребенку да поможешь...

«А ведь он прав», — подумал Игорь.

В его голове замелькали картины далекой юности. Он вспомнил детей из той школы, где когда-то работал, их улыбки, радость от простых вещей: подаренного ранца, вкусной булочки и доброго слова.

— Я покажу им, что можно жить по-другому! — перебил Демин рассуждения друга.

— Кому «им»?

— Детям из трудных семей. Надо организовать для них что-то вроде творческой смены. Собрать на недельку в нашем загородном лагере отдыха. Устроить мастерские по вокалу, танцам, живописи, кино, робототехнике, чтобы проявились способности ребятишек. Пригласить к ним взрослых мастеров-профессионалов и детей, которые уже достигли успехов в творчестве. Пусть общаются, берут пример, учатся хорошему. Ну и, само собой, накормим как следует, отогреем, дадим новую одежду...

— ...И надежду, — подхватил друг.

— В результате так и должно случиться! Должна появиться надежда, что судьбу можно изменить к лучшему. Пусть эти дети увидят, что возможно жить иначе. Пусть у них появится такое стремление — а там уж мы найдем способы помочь.

За окном во дворе шумно играла стайка малышей. Друг улыбнулся, глядя на них.

— А что? Мне нравится эта идея. Попробуй! — сказал он.

Павел СИДЕЛЬНИКОВ

ПЛАСТМАССОВЫЙ СОЛОВЕЙ

* * *

Неловкий разговор,
как кузнечик, запрыгнувший в банку,
так крутит свою шарманку:

*тринь,
три-и-нь,
три-и-и-нь.*

После третьего раза — отключает прибор,
чтобы природная скрипка
пружины собственной не страшилась.

* * *

долгое дыхание
учащенный и сбитый
пульс сердце легкое
словно перышко

так и просишь чего-нибудь
и стоишь на коленях молишься
помоги господи помоги
господи

птице бескрылой тощей
на земном пути
да и в небе твоём
боже

* * *

Небо в Мичуринске кажется невозможным.

Ночью бессонной выходишь с платформы,
начинаешь подкуривать — закурил,
а до этого — говорил-говорил

о том, что любовь — это музыка.

И я предложил ей наушники,
чтобы вместе послушать какой-нибудь чарт.

Она отказалась.

И я пошел пить чай,
крепкий, черный,
с имбирными пряностями
и тульскими пряниками,
смотря на ночное беззвездное небо,
в котором теперь видел только любовь.

* * *

Памяти бабушки

Я запомнил тебя
скромной старушкой в ситцевом платке.
На том платке — узоры и цветы,
которых не запомнил.

* * *

знаешь, соловей пластмассовый стал мне другом,
товарищем верным
(последним, наверно).

говорил: «не верь воображаемым стукам
в дверь свою добрую, клетку открытую»,

а мама на ночь пела: «у-лю-лю» —
и в колясочке качала святость странную мою.

и так дитя старались уберечь
звуки, мною обращенные в бессмысленную речь.

лес-поляна-бугор-яма-обрыв —
все музыка играет, уже себя опередив.

Вячеслав ЛЯМКИН

К СВОЕЙ ЗЕМЛЕ

Р а с с к а з

После свадьбы мы долго решали, где жить. Жена, будучи родом из Бийска, хотела остаться с мамой, а я, конечно же, стремился в Павловск. Тем более что там в лесхозе для меня маячили хорошие перспективы. В конце концов я уговорил Наталью переехать в поселок, а моя тетка нашла ей работу в районной больнице.

Мы прожили в Павловске зиму. Счастливую зиму, хотя и ютились в комнатке за печкой в родительском доме. Жена забеременела. Я занимался любимым делом — работал техником в лесничестве — и, планируя будущее, подыскивал участок для строительства дома.

Но планам моим не суждено было сбыться. В разгар весны теща попала в больницу, и за ней потребовался уход.

— Как решишь, так и будет. Мы с матерью тебя держать не станем, — сказал отец, узнав, что нам нужно переехать.

И вот с двумя спортивными сумками и с твердым убеждением, что вся жизнь впереди, я вышел на перрон Бийского железнодорожного вокзала — того самого, который снимал в кино Шукшин.

Тещу выписали из больницы, и мы ухаживали за ней дома. Жизнь моя заметно изменилась: попытки трудоустройства, встречи с однокурсниками, мелкие подработки... В какой-то момент я даже почувствовал себя свободным. Вот он — белый лист передо мной: кажется, что хочу, то и нарисую.

Но мое пребывание в городе омрачила тоска по дому. По вечерам, ложась спать и вглядываясь в причудливую тень, которую отбрасывали на стену ветки деревьев за окном, я вдруг ощущал острое желание хоть на секундочку оказаться в Павловске. Выйти на крылечко, почувствовать спустившуюся с сосновых вершин прохладу; услышать, как сквозь заросли черемухи и боярышника пробивается журчание бегущей позади огорода речки и кваканье лягушек; вдохнуть полной грудью свежий воз-

дух. Прикоснуться ладонью к родной земле, набраться от нее сил — и можно снова в бой...

Летом в тещиной малогабаритной «двушке» было невыносимо душно и шумно, оттого что открытые окна выходили на проезжую часть. И воспоминания о доме вспыхивали еще ярче. Перед глазами вставало, как мы с отцом едем на вечерней зорьке подкосить коровам травы, как лошадь несет телегу по ухабинам проселочной дороги вдоль заболоченного ручья. Вот мы сворачиваем на заросшую костром* поляну, спешиваемся. Отец проходится точильным бруском по лезвию литовки, обтирает ее травой.

«Вжи-ик, вжи-ик, вжи-ик», — отдается в ближайших кустах лесным эхом, и за отцом остаются ровные валки свежескошенной травы. Иду следом, вилами собираю и грузю разнотравье в телегу. Рубаха у отца между лопаток потемнела от пота. Он оборачивается, и я ловлю его светлую улыбку...

Разбередив душу, украдкой, ощущая ступнями неровности пола, я проходил на кухню, где на холодильнике стоял телефон, и набирал знакомый номер, зная, что родители еще не спят: в нескончаемых хлопотах по дому доделывают дела.

— Аллё! — шептал я, услышав в трубке родной голос. — Ну как у вас там?

— А вы чего еще не спите? — удивлялся отец. — Мама тесто на хлеб заводит. Мне завтра на пастьбу. Седло подшиваю. (Я как в воду глядел.) — И, вздыхая, добавлял что-нибудь вроде: — Маслят в лесополосах видимо-невидимо повылазило! Туманы нынче сырые постояли... В августе сможешь приехать, с дровами помочь? Я вчера съездил в сельский лесхоз, березы на корню десять кубов выписал. Перед Жуковкой околки стоят — с них брать будем.

— Да я хоть завтра!

— Ладно тебе... С работой определяйся! Тут вместо тебя какого-то с Камня-на-Оби поставили.

После таких разговоров я долго не мог заснуть. Ворочался с боку на бок, проклиная злосчастный диван, и засыпал под утро, глубоко в душе надеясь, что мы вернемся жить в Павловск.

Зиму отработал на заводе, но понял: это не мое. И только наступили первые теплые деньки — уволился без сожаления.

Долго бездельничать не пришлось. На глаза совершенно случайно попало объявление о курсах ландшафтного дизайна. Решив, что это знак, я без промедления записался на обучение — и уже через месяц, получив сертификат, подал объявление о своих услугах в местную газетенку и подыскивал напарника.

Жизнь менялась, но неизменным оставалось одно — по-прежнему тянуло в родной поселок...

* Костер — здесь: дикорастущий злак.

Заказчики встречались всякие и с разным достатком. У каждого человека особенная жизнь — дорога, на которой мы вдруг оказались. Лучшее, чем лица и проекты, запоминается отношение.

Особняком для меня стоит одна история, которая до сих пор нет-нет да всплывает в памяти, заставляя снова подумать о том, что многогранность жизни создается не случайными событиями, а людскими помыслами и поступками. Светлыми и не очень. Из них и строится купол, под которым мы живем.

* * *

Уже который день стоит жуткая жара. Ни дуновения ветра, ни намёка на дождь. Пот катится градом, на губах чувствуется его солонватость. Если с утра еще как-то шевелишься, то после обеда, когда становится невыносимо душно, работать почти невозможно. От тротуарного камня рябит в глазах, хочется бросить все к чертям и уехать на Смоленские карьеры* искупаться, смыть усталость.

Но Витек, хозяин усадьбы, где мы занимаемся благоустройством, торопит со сроками. Ему, по большому счету, все равно, пекло или ливень: он платит деньги — и работа должна быть выполнена ко дню рождения жены, а до него всего две недели. Трудно сказать, успеем ли — с учетом непостоянства желаний хозяйки (плитку выбирала три дня, рисунок меняли два раза) и трехсот квадратов, которые нам предстоит выложить. Успокаивает одно: кругленькая сумма, получившаяся в результате расчетов.

Витек невысокого роста, чуть полноватый, с небольшим животиком — такой кругляш. На вид ему полтинник. На хлеб с маслом зарабатывает грузоперевозками: уголь из Кузбасса, лес с Турочака и тому подобное. У него в собственности два КамАЗа и «ручка»-восьмитонник. На одном КамАЗе работает сам, на втором — наемный водитель, на «ручке» — племянник.

Витек шагает в ногу со временем. У него хорошая тачка — новенький «лендровер», все стекла затонированы. Он постит свои фото в инстаграме. У ворот его усадьбы — турник с брусьями. Жена — молодая.

Евгения, так зовут хорошенькую жену Витька, младше его лет на пятнадцать. Ездит на сиреневой тойотке, капризничает, дуя губки, когда что-то не по ней.

Наблюдая, как хозяева собираются на реку купаться и жарить шашлык, Михаил, серьезный молодой парень, которого я взял в напарники, остервенело лупит резиновой киянкой по брусчатке и ворчит:

— Добьем — и точно два дня выходных! Тоже отдохнуть хочется! На бережок! Шашлычки!

* Смоленские карьеры — пляж в окрестностях Бийска, популярное место отдыха горожан.

— Размечтался! — говорю я и посвящаю его в планы дальнейших трудовых будней: — Клиент звонил, семьдесят квадратов. Плитку уже завез. Поэтому заканчиваем здесь — и сразу перекидываемся на следующий объект. Зимой будем отдыхать.

Руслан, наш подсобный рабочий, поднес стопку брусчатки и, переведя дыхание, устремил свой взгляд на Женечку. Та, мелькая разноцветным педикюром и качая крутыми бедрами, как раз прошла мимо нас и теперь деловито, показывая свою значимость, распорядилась:

— Витенька, мама просила заехать мартины купить, она твою самогонку не пьет... Витя, ты мангал взял? Шампуры не забудь!

И все в таком духе.

...А непристойные мысли в голове при виде Жениного «баркаса» — это от жары.

Витек недавно вернулся из рейса и теперь, удобно устроившись в кресле, в теньке от веранды, с запотевшей кружкой «Барнаульского», гоняет по разным поручениям узбека Аскара, живущего у него на задворках усадьбы:

— Шевели лапами, олух! Слышал, Женька сказала мангал загрузить! В гараже разборный возьми. Решетку закинь. И удочку захвати — вдруг порыбалу...

Аскар перебирает худющими ногами по раскаленному отсеку, оставляя следы стертymi сланцами.

— Глаза залишь, удочка тебе даже не нужен будет. Зачем он тебе?

— Неси! Будешь еще меня учить! Червей накопать не забудь.

Проходя мимо меня, Аскар добавляет вполголоса, неслышно для ушей хозяина:

— Налакается до беспамять, про удочка даже не вспомнит...

В это время ворота открываются, входят гости. Разделились: женщины ушли помогать Евгении, а мужчин Витек повел обзирать владения. Остановились возле нас и начали обсуждать технологию укладки плитки. Знатоки.

Через полчаса «делегация» удалась. Во дворе стало тихо.

— Аскар, поставь-ка чай! — прошу я узбека. — Перекурить надо.

Налив холодной воды лохматому кобелю по кличке Малыш, Аскар уходит.

— Вода вскипел! — слышу я через какое-то время и иду снимать чайник с плиты.

Наш электрический бригадный сгорел, поэтому кипятим воду в «апартаментах» узбека.

Место, где живет Аскар, нормальным жилищем назвать трудно. Низенькое помещение, посередине голландка, явно требующая ремонта, телевизор — еще ламповый, дивану давно пора на свалку. У дверей ободранная газовая плита, на которой узбек варит еду себе и лохматому псу. Пол прогнил, штукатурка местами отвалилась.

Прячемся в теньке у новой бани. За чаем можно поговорить. Пара анекдотов про строителей — типа «бабушка, у вас здесь все равно шкаф стоять будет» — поднимает настроение.

После чая всегда легче работать.

— Аскар, ты откуда родом? — интересуюсь я.

— Карши. Знаешь, где это?

Я не больно сведущ в географии и начинаю гадать, Узбекистан это или Таджикистан.

Аскар уточняет:

— Узбекистан! Кашкадарьинская область. Семьдесят километр от Душанбе. Туркмения под боком. Рядом Памирские горы.

— Горы — это хорошо! — вставляет Михаил. Его заклонило насчет отдыха. — Сейчас бы туда на недельку с палаточкой!

— Витек тебе платит? Или только кормит? — продолжаю я расспрашивать Аскара.

— Когда как. Если в рейс в Горный Алтай с ним еду — суточный платит. А так сам себе на жизнь зарабатываю... Витек жадный! Вот огород садил я, поляю я, поливаю я — а много не рви. За полпомидорка — и то косо смотрит. Он когда с первой женой жил, я ее Свети Ивановна звал, совсем другой биль. Мы с ним дружно жили. И он добрый биль! И Свети Ивановна добрый тоже! Она меня хорошо относилась. И я к ней. Она меня жалела. Зима — холод, она мне пельмень сварит, тарелка целый принесет, говорит: «На, кушай, Аскар!» У нас, говорит, в Сибири без пельмень нельзя выжить. Говорит, на одной китайской лапше далеко не уехать. Добрый женщина, культурный. А Витек — видишь какой? Невоспитанный! Со Свети Ивановна развелся. А потом с Женька сошелся, материться стал, кричать, обзывать. Он придет — один скажет, она придет — другой скажет... Пальцем показывает — Витек тут же бежит, кричит, как дурак, мол, я не так делаю. И как что, так с ружьем бежит, орет: «Пристрелю!» Вот скажи, это разумный человек?!

— Ты ешь! Яйца, хлеб с колбасой бери, не стесняйся, — предлагает Руслан Аскару, прислушиваясь к нашему разговору.

Узбек мотает головой, отказывается.

— Соседка сегодня утром звонил. Говорит, приди, щи сварил, пироги с картошка напекла. Иди, говорит, кушай сколько хочешь!

— Хорошая соседка! — вставляет Михаил.

— Баб Тания хорошия! Я ей помогаю. В любой время. Уголь там скидаль, картошку в погреб сыпаль, вчера за мясом на рынка ездиль...

— Аскар, тебе сколько лет?

— Сорок девять нынче в зима стукнуль.

— В Карши у тебя родственники?

— Два брата, сестра... Дядька, тетка. Все там. Старший брат паспорт сейчас делает. Должен скоро выслать. Домой уеду... скоро! Лепешки опять печь буду. У нас раньше самый лучший лепешка в округе биль.

— Давно дома не был?

— Как мать померла, ездиль. Это еще в Новосибирске жиль. В прошлом году отец помер. Хотель ездить...

— Что же не поехал?

— Невыездной я! Паспорта нет. Деньги давно коплю. Паспорт брат делает.

— Паспорт потерял, что ли?

— Нехорошо получилось. Я сюда молодым приехал, хотел денег на мечту заработать. У меня невеста биль. И я хотел достойно свадьбу провести — большой праздник устроить на человек триста. Чтобы все нашу свадьбу запомнили. В Новосибирска приехал, на стройка устроился, денег за два года заработаль... А брат письмо написал, мол, невеста твоя за другого сосватала. Я тогда подумаль: куплю белый машин. Знаешь, у нас, узбеков, мечта такая есть — белый машин. Она для нас не столько машин, сколько гордость, показатель достатка. У нас в семье никогда не биль машин. Отец горд бы биль за меня. И я думаль, приеду на белый машин, и пусть все видят, какой стал Аскар Карамуллаев, сын Хасана Касым-оглы! И та, которая не дождалась меня, сто раз бы пускай пожалела о свой выбор...

Аскар замолчал, устремив взгляд куда-то перед собой. Вздохнул тяжело, продолжил:

— У меня почти все деньги с собой биль. Хорошо, я хоть немного родителям тогда выслаль... На вокзале с узбеком познакомился, Рустам его звать, тоже домой возвращался. Мы разговорились, я с ним поделился, рассказаль ему свой жизнь. Помню, как в туалет зашли, и все... Очнулся — ни паспорта, ни денег... И домой стыдно возвращаться с пустые руки. Что скажет отец? И та, которая не дождалась, посмеется... Вот и бросился куда глаза глядель.

Сапожником работаль в Барнауле, затем — на Усть-Сема на база отдых. А потом Витек у друга спросиль, работник нужен, вот я тут теперь и живу... Ну ничего, скоро брат паспорт вышлет и я домой полечу... Надоело так жить, соскучился по своим. На родин хочу!

То ли Аскару хотелось выговориться, то ли приятно было вспоминать о родине, но остаток дня он провел возле меня и рассказывал, как в молодости жил в Карши.

От рассказов Аскара веяло теплом. Может, дело было в его глазах, в том, как они загорались, когда он упоминал о доме...

Вот и у меня перед глазами вновь возник родительский дом, и я поделился с Аскаром воспоминаниями из детства.

— Я тоже приезжий, — говорю. — Из Павловска. Знаешь?

— Павловска — нет, не знаю.

— Тут рядышком, под Барнаулом. Как на озеро Яровое ехать. Может, слыхал? Там у нас река Касмала, сосновый бор, грибы...

— А! Мы раз туда с Витькой на ремзавод за запчасти ездиль. Красивый место. Красивый у тебя, Саша, родин! Я тебе даже завидууй чуть-чуть. Ты в любой момент сель и доехаль, чтоб тебе на сердце камень

убрал. А моя родина далеко... Я этот камень на моя душа убрать никак не могу...

* * *

— Просыпайся! На работу пора! — слышу сквозь дрему голос жены.
 — Ты просил тебя пораньше разбудить. У вас сегодня плитка приходит!
 — А-а... Точно.

«Благоустройство территории» — звучит возвышенно, а на самом деле работа тяжелая: бери больше, кидай дальше, неси, пока несется. Но и творческая. Говоришь: «Я ландшафтный дизайнер» — и тем самым приподнимаешь себя в глазах других. Правда, я такой дизайнер, который все тонкости работы изучает на собственном опыте. Даже копку траншеи под автополив и перевозку земли под газон.

Приезжаешь домой без рук, без ног. Примешь душ, поужинаешь, и только голова дотронулась до подушки, а уже пора вставать.

За завтраком есть время составить план работ, но я погружаюсь в мысли о том, какую дыру залатать в семейном бюджете.

Заработанные деньги утекают как песок сквозь пальцы: свет, газ, мобильный интернет на трех телефонах, одежда и пропитание, ребенку в школу... Еще надо отложить хоть что-то на ремонт...

Я вспоминаю вчерашний разговор с Аскараром. После него во мне снова борьба. С одной стороны — желание бросить все и поехать к родителям, сходить с отцом на рыбалку, отправиться с ночевкой на сенокос, пройтись по бору с корзинкой и, наткнувшись на боровик, радоваться, словно мальчишка. Зачерпнуть полную ладонь земли, вдохнуть ее запах и удостовериться — она пахнет так же, как в моем детстве. А с другой — здравый смысл, говорящий, что жизнь изменилась и того, что хочу, я уже не найду...

Но все равно в очередной раз завожу с женой разговор:

— Жили бы в Павловске, было бы все по-другому!

— Ты опять?! — восклицает жена, готовая оспаривать любой мой довод в пользу переезда.

Супруге хорошо — она городская. А мне, деревенскому, в городе, да еще примаком жить каково?!
 — И что ты там будешь делать? Работы нет! Ладно, я устроюсь в больницу, а ты куда пойдешь? В лесхоз, на пятнадцать тысяч? И как мы будем жить на эти деньги?

Парирую:

— Многие живут!

— Живут, потому что деваться некуда. Их нигде не ждут. А у тебя есть выбор! Сейчас, наоборот, многие из села уезжают — в города рвутся. В городе прожить легче: какая-никакая работенка найдется. А в деревнях и селах, если ты не фермер, делать нечего. Пенсионеры только и остались.

— Мои одноклассники тоже пенсионеры? Значит, и я пенсионер. Спасибо за комплимент! А насчет заработка — можно добывать и больше. Калымы еще никто не отменял.

— Калымы сегодня есть, а завтра — нет!

Возможно, жена права, но сразу вспоминаю друга Леху. Я по-хорошему ему завидую. Отношу его к тем людям, которые где народились, там и пригодились.

Леха в Павловске, работает мастером в лесхозе, а еще пашет землю трактором на дачах у аэропорта, летом заготавливает сено на арендованных сенокосных лугах и продает к зиме за хорошую цену. Домой приходит за полночь, встает ни свет ни заря. Но нашел же, чем себя занять!

Из паутины задумчивости выдергивает голос жены:

— Спрашиваю, ты готов к этому?

— К чему?

— Жить на маленькую зарплату. Поменять все: жизнь ребенка, свою, мою...

— Человек ко всему приспосабливается. С голоду не помрем. Скотину заведем, курочек... Ты же хотела!

— Тебе все шуточки! — машет рукой жена, уходит в другую комнату и оттуда добавляет: — На курочек скоро налог введут...

Подумалось: «Да, я готов!» Хотя... страшно что-то менять, когда у тебя в жизни все более-менее нормально. Вдруг станет хуже? Сейчас вроде овладел ремеслом, востребованным и приносящим доход...

Много людей ищут лучшей доли, уезжая далеко от родных мест. Одним удастся обрести счастье в чужих краях: находят хорошо оплачиваемую работу, оседают, пускают корни. А кому-то совсем не везет, так и болтаются с места на место. И когда совсем уж плохо — ноги ведут домой. Для потерявшегося в мире человека родина остается островком надежды — местом, куда возвращаются, где по-настоящему обретают покой...

На работу мы приезжали к девяти утра. Аскару было поручено нас встречать и провожать. «Сказаль, мало ли чего умыкнут», — сдал он нам Витька.

Узбек выходил заспанный, с кружкой чая в руках, открывал ворота, успокаивал Мальша, который разрывался от лая в вольере, и интересовался планом работ.

На этот раз ворота были открыты, но встречать нас никто не вышел. Аскара не было. Кавказец без него не унимался. Попробовали цыкнуть — разлаялся еще пуще.

Совершили обычный утренний обряд: попили чай — и приступили к работе. Витек, уехавший в рейс, звонил два раза, узнавал, где узбек: Аскар не брал сотовый.

Приехала Евгения. Пришлось помочь занести плетеную мебель, которую она купила на распродаже в торговом центре.

Аскар объявился ближе к обеду.

— Ты где пропадал? Тебя все обыскались. Витек два раза звонил, велел вольер покрасить.

— Соседке помощь оказывал, — сообщил Аскар. — Обои в кухне клею. Кстати, для вас калым есть!

Соседка Витька, бабка Таня, жила одна. Раньше у них со старшим сыном был дом, разделенный на две половины. Свою половину сын разломал и отстроил на этом месте двухэтажный коттедж, а бабка так и осталась жить в засыпухе, где даже фундамента толком не было.

Наш подсобник Руслан, мой земляк, аж присвистнул, узнав о наклонившемся калыме. Деньги Руслану требовались позарез. У него было две дочери: старшей двенадцать, а младшей годик. Жена Ирина сидела в декрете, получая небольшое пособие от государства. Поэтому тысячи в день, которую он зарабатывал у нас, хватало, по его словам, «лишь облизнуться».

Он если речь заводил, как они всей семьей живут на тридцать тысяч, так его начинало трясти — и уже было не остановить. И тогда мы много нового узнавали про нашу нынешнюю жизнь и вспоминали уже известное старое...

Баба Таня, худая, переломленная пополам хондрозом старушка, обвела нас вокруг дома и показала фронт работ: выставить опалубку и залить завалинку с отмосткой.

— Я загодя все приготовила, мальчишки! — скрипуче вещала бабка. — Прутья железные, доски — в огороде лежат. Цементу, когда скажете, привезем. Самое главное — приступите, а там, в чем нужда будет, все закупим. Я денег скопила!

Договорились начать работу на следующий день. Витек опять собирался в рейс. Плитку бабке, правда, должны были привезти чуть позже обещанного: на предприятии, где ее изготавливали, что-то пошло не так. Но если накинуться толпой, за два дня можно управиться.

За чаем обсудили детали предстоящей работы.

— А чего сынок-то не поспособствует? — не смог удержаться от комментария Руслан. — Себе вон какие хоромы отгрохал! И матери бы подновил... Сам-то на крузаке развезжает!

— Бабка с ним не разговаривает! — сказал Аскар. — Она когда к внучке в Томск ездила, он забор на метр передвинуль. Говорит, зачем тебе, старая, столько земли, все равно скоро помрешь. А она ему говорит, ты у меня не один, у меня еще сын есть.

— А где второй?

— Сидит в тюрьма! На днях прийти должен...

* * *

Как и обещали, перекинулись во двор к бабе Тане.

Витек уехал в рейс, повез в Кош-Агач цемент. Прихватил с собой Аскара: два перевала — мало ли что может случиться в дороге. Обратно собирались кедрачом загрузиться.

Мы же с утра занялись земельными работами — выкопали траншею. Потом принялись сколачивать щиты. Не успели оглянуться — обед. Баба Таня накрыла стол на веранде: пожарила картошки, салыца нарезала, достала банку соленых огурцов.

— Руки мойте — и за стол! Пока горячее! — скомандовала.

Было видно, что она довольна.

Руслан, потирая ладони, заметил:

— Баб Тань, да это не еда, а закуска.

Та поняла намек, заулыбалась:

— Дело сделаете — будет вам наливочка! Я-то раньше, в девках, в деревне жила. У нас как заведено: зашли мужики калымить — обязательный уговор накормить! А после, как управятся, можно с устатку и выпить. Только немного, чтоб чуть расслабило, мышцы отпустило. А лишнего не надо — во вред пойдет.

— Баб Тань, а ты чего одна? — поинтересовался Руслан, хрумкая соленым огурчиком.

— Почто одна? Вона бездушный за забором живет — старший сын, Олег. Младший, Валерка, в тюрьме сидит. На днях выйти должен. Да хоть бы не выходил! Я уж одна привыкла. Аскар лучше относится ко мне, чем сыновья родные. Да и мне он как сын, коли уж на то пошло...

Олежек весь в отца. Муж мне скверный достался. Злой, ужимистый. За жисть ни одного цветочка не подарил, все экономил... От рака желчного и помер. Вот Олежек такой же. Все повадки от отца перенял! Единственное, душа спокойна за него — торгашом стал, запчастями на имонарки торгует, не пропадет.

А Валерка — непонятно в кого. С юных лет с ним билась. То в чужой огород залезет, то кирпичом в окно кому-нибудь запустит... И порола его, и за уши таскала — все без толку. Первый раз по малолетке сел на два года. Думала, выйдет — образумится. Не тут-то было! Вскорости на пару с приятелем квартиру обчистили. А потом...

Бабка Таня замолчала, смахнула набежавшую слезу тыльной стороной ладони и продолжила:

— Не думала не гадала, что душегуба на свет божий рожу. Мужичка какого-то выследили с деньгами, тот вроде квартиру продал. Мой его и прирезал... Сидит вот теперь. А я не жду его! Глаза б мои его не видели! Рада бы и вовсе не привечать, да куды денешься — сын как-никак...

Баба Таня готова была еще поговорить, но обед подошел к концу, и мы, поблагодарив старушку, прибрали на столе и вышли на улицу. Довязали арматуру, наладили бетономешалку и к вечеру залили одну сторону завалинки.

На следующий день меня поставили на бетономешалку, Руслан возил раствор, Миха принимал.

Чуть погодя баба Таня вышла во двор чистить картошку. Разместилась рядом со мной, разговорились. В основном говорила она, а я между делом поддерживал беседу.

— Студено ногам. Энту зиму кое-как додружила. Валенки и те не согревают... Вот еще бы печурку переложить. И канализацию провести... Вы за такое возьметесь?

— Рады бы, но не умеем, — ответил я, заливая в бетономешалку воду.

— Значит, вы только по плитке мастера? И чё там Витька — много закладывать собрался?

— Почти полдвора, — ответил я, хмурясь, потому что сбился со счета, сколько лопат цемента закинул в бетономешалку.

— Так-то Витек мужичок неплохой. Но хитренький, — продолжала баба Таня. — Аскара вот обижает. Говорит, выменял его на барана у друзей. Вот как живого человека можно выменять?! Грех, конечно! Пользуется им. Знает, что бедолаге податься некуда — ни родных, ни друзей. Я с Витькой заговорила на эту тему, так он на дыбы! Говорит: «Баб Тань, не лезь не в свои дела. Я ему угол предоставляю, кормлю...» А вы видели, какой там угол? Со всех щелей дует, скотине и то теплее стайки делают. В прошлую зиму Аскар, бедняга, простудился сильно, кашель у него страшный был. Я его еле выходила. Всю зиму у меня прожил за печкой. У него ж ни паспорта, ни страхового *полюса*. Разве это жисть? Так, существование... А мне его жалко. Он человек добрый. Придет — и снег мне зимой почистит, и дров с углем принесет. Иногда заговорюсь и так, между делом, говорю: сына, сходи туда-то и туда-то. А он на меня смотрит и смущается. Так, говорит, баб Тань, опять оговорилась? А у самого слезы в глазах блестят. Не привык, чтобы к нему с лаской обращались. Витек только и знает орет да материт его. Еще, бывает, и за ружье хватается! А сам зимой лопату даже в руки не возьмет — все Аскар делает.

Вот Света, бывшая жена Витька, хорошая была. Хорошо к Аскару относилась, жалела его. А собаку их видали? Дак она этого зверюгу из губ печеньками кормила! Он передние лапы на плечи ей положит и так осторожно эту печеньку берет... Никого к ней не подпускал. Теперь пса тоже Аскар кормит. Витек-то даже подходить боится.

— Аскар говорил, ему брат паспорт скоро пришлет. Домой собирается, — вставил я, чтобы хоть как-то добавить света в нарисованную бабой Таней мрачную картину.

— Уж какой раз собирается, дак Витька не отпускает. Сколько можно этих паспортов высылать! Витек у него заберет и шантажирует. Потом напьется, возьмет и порвет. Еще и изгаляется — выставит Аскара за ворота и не впускает. Говорит: «Ты же хотел идти? Иди!» А куда ему без документов идти-то?

Баба Таня хотела еще что-то добавить, но вспомнила, что у нее на плите кастрюля с мясом, и поспешила в дом.

А у меня от ее рассказа так неуютно стало на душе...

Ближе к обеду Руслан начал нас подгонять. Мол, у его жены сегодня день рождения, ему надо закончить пораньше.

— Нечего вату катать! По-быстрому зальем — и домой! Мне еще цветы надо купить, заехать торт в «Форне» взять... Они там, правда,

дорогушие, ну ничего, иногда можно... Бутылочку шампусика прихватчу. Чисто символически посидим семьей.

Мы немного поднажали и часам к пяти завершили заливку бетона.

— Баба Таня, принимай! — собирая лопаты в тачку, суетился Руслан.

— Смотри, завтра на работу! — поддел его Михаил. — А то прогул поставим.

— Да ну я же говорю — чисто символически...

Баба Таня вышла оценить работу. Достала из кармана деньги, пересчитала. Хотела еще нас накормить, но мы отказались и, поблагодарив ее и пожелав ей здоровья, уехали.

* * *

Витек с Аскарком вернулись из рейса только под утро.

Как потом рассказывал Аскар, Малыш два дня оставался не кормлен. Евгения кобеля боялась жутко, поэтому даже не подходила к нему. Первым делом Аскар налил псу свежей воды, насыпал корма, а затем ушел к себе и завалился спать. Да, видно, плохо закрыл вольер.

Евгения собралась на работу, вышла на крыльцо. Малыш лежал на нижней ступеньке и встретил ее грозным рычанием.

Ей пришлось будить мужа. Витек на правах хозяина начал махать на кобеля руками, пытаясь отогнать, но пес авторитета Витька не признал и, оскалившись, зарычал и на него.

В итоге Витьку пришлось вылезать из дома через окно. Чему мы и оказались свидетелями. Встали у ворот и, боясь шелохнуться, наблюдали, как Малыш охраняет крыльцо.

Витек долго не мог достучаться до Аскара, который закрылся у себя и спал как младенец.

— Чурка недоделанная! — орал Витек, когда узбек наконец проснулся. — Смотреть надо лучше! Или руки из одного места растут? Иди кобеля в вольер закрой, дубина пустоголовая!

И тут Аскар, обидевшись, показал гонор:

— Твой кобель, иди и закрывай!

Он махнул рукой, сел на крыльцо бани и достал сигарету.

— Я кому сказал — иди закрой! Женьке на работу надо!

— Чё ты там сказала? «Чурка недоделанная»?! Пока не извинишься, не встану!

— Ну ты давай прекращай! Иди закрой кобеля! — сбавил обороты Витек.

— Что за хозяин такой! — бурчал под нос Аскар, направляясь к кобелю. — С собакой справиться не может...

— Не ворчи, я все слышу!

Аскар подошел к Малышу, потрепал его по голове и, взяв за ошейник, потащил, словно щенка, в вольер. Пес даже не сопротивлялся.

Позже, когда страсти улеглись и мы, как обычно, сели попить чаю перед работой, Руслан высказался по поводу случившегося:

— У собаки одна истина: кто кормит, тот и хозяин. Если Аскар Малыша кормит, то, понятно, он для него и вожак. У нас по соседству парень молодой с родителями живет. Купил алабая, два года с ним как с писаной торбой носился, чуть ли не с ложечки кормил, а потом взял и уехал в другой город. А кобель, кроме него, больше никого не признавал. Недавно отца этого парня подрал, его и пристрелили.

Аскар, пивший с нами кофе, немного помолчал, а потом сказал:

— Мы когда его взяли, морозы сильные стояль. Витек его в доме три дня держаль, а потом он ему прихожую зассаль и он ко мне его спровадиль. Свети Ивановна им только и занималась. А Витек Малыша боится. Обещал пристрелить. Жалко будет...

— Может, не дойдет до этого, — вставил Михаил.

— Пьяный напьется — пристрелит! Или попросит кого-нибудь. Я его знаю.

Вскоре Аскар ушел к себе, и до вечера мы его не видели. Уже собирались домой, как он явился. Я сразу определил — выпивши! Сел по обыкновению на крыльцо бани и запел на узбекском пронзительную, нагоняющую тоску песню.

Мы не перебивали. Слушали.

— Красивая песня, Аскар! О чем она? — спросил я, когда он закончил.

— Про любовь, Саша! Про любовь к жизни.

— Э, брат, да ты пьян! Где успел?

— У бабы Тания... Сын Валерка вернулся!

— Познакомились?

— Еще бы! Во такой мужик! Говорит: «Аскар, ты теперь для меня как брат! Если какие проблемы будут, говори — решим!» Денег предлагал. Там к нему много народу пришло. А он рядом меня садиль, говорит, сколько хочешь пей, ешь. Для тебя, говорит, ничего не жалко.

— Витек сказал — нас проводишь и закрывайся. Они с Евгенией в гости поехали с ночевкой.

— И вольер проверь, — подколот его Руслан. — А то хозяева придут и во двор не смогут зайти.

— Будь здоров! — улыбнулся узбек и пошел нас провожать.

Аппетит, говорят, приходит во время еды. Глядя, как хорошо получилась площадка перед домом, Витек решил заодно сделать дорожку к бане и выложить плиткой небольшую площадку перед ней, чтобы поставить стол, кресла и уместить бассейн.

— Милое же дело — после баньки окунуться! Или, когда такое пекло, вечером нырнуть в прохладную водицу! У Женьки племянников куча, им тоже веселье будет, — пояснил Витек. — Считайте, сколько чего

нужно. Сегодня поеду закажу. Как будет готово — созвонимся, приедете и сделаете.

Мы задержались у Витька еще на три дня — доделывали мелочевку.

Я заметил: Аскар грустит. Ему не хотелось, чтобы мы уезжали. За две недели он к нам привык, да и мы к нему тоже.

С Русланом у них действовала взаимовыручка: сначала Аскар стрелял сигаретки, а после Руслан «взыскивал» должок.

Улыбаясь во весь рот, он говорил узбеку:

— Ты в Чернопятово не рос. Там таких, как мы с тобой, целая деревня. А что делать, если киоск закрыт, а до ближайшего магазина пятнадцать километров?!

И после восьми начинался подсчет, кто у кого сколько сегодня позаимствовал и чья очередь сейчас.

Нас с Михаилом — некурящих — забавляла эта «перестрелка».

В последний день Аскар подсел ко мне, когда я чинил развалившуюся киянку.

— Все хотел спросить тебя, Саша... Что ты чувствуешь, когда возвращаешься домой, в Павловск?

Я задумался.

— Знаешь, каждый раз чувствую что-то новое. Иногда еду и с затенным дыханием жду, когда наш поселок появится вдали. Рассматриваю улицы — что изменилось, пока меня не было. Ведь время не остановишь, жизнь идет своим чередом. Старые дома разрушаются, люди строят новые... А иногда я боюсь, что меня забыли. Или что не узнают и скажут: чужой. Еще стесняюсь встретить знакомых, потому как чувствую за собой вину, что уехал... Но когда я открываю ворота и слышу голос мамы: «Ну давай, сынок, я тебя поцелую!» — то понимаю — я дома и все по-прежнему: родная улица, мать, отец и я, мальчишкой бегавший по этой земле босиком. И этого у меня никто не отнимет.

Мы немного помолчали, думая каждый о своем.

— А я часто представлял себе, как вернусь в Карши, — заговорил Аскар. — А иногда мне это снился. Первым делом, когда приеду дома, схожу на могилу к родителям. А потом пройду по родной улице, и кто-нибудь обязательно крикнет: «Эй, Аскар, мы тебя ждали! Ты где так долго пропадал? Мы соскучились по вашей лепешке!» И тогда с моей души спадет этот проклятый шайтан-камень...

Знаешь, я не сказала тебе. Витек меня не отпускает! Только заговорю с ним, он начинает меня пугать полиция. Говорит, за ворота выйдешь — сразу позвоню, загребут. Два раза паспорт у меня забирали! Один порвал, другой сжег. Говорит, чего тебе там делать. Живи, говорит, здесь.

— Я знаю. Баба Таня рассказывала, — ответил я.

— На этот раз я ему ничего не сказала. Указала адрес бабы Тания...

На новом объекте работать — милое дело. Тишина, спокойствие, Смоленские карьеры рядом. Духота не спадает, каждые два часа ходим купаться. Первый день мужичок к нам приглядывался, не отходил, а на следующее утро оставил ключи от дачного домика и уехал по своим делам. И нам спокойнее, когда не стоят над душой.

Дня через три звонит Витек:

— Плитка на месте! Единственная просьба — выйти после выходов.

Разговариваю по громкой связи. Михаил, который стоит рядом, показывает большой палец.

— В субботу у нас гулянье намечается, — продолжает Витек. — А в воскресенье утром выезжаем в Новосибирск и оттуда улетаем в Таиланд. Две недели нас не будет. Аскар покажет, где все лежит.

— В самый раз! — говорит Михаил. — Как раз тут доделаем. Чтоб не мотаться с инструментом туда-сюда...

В воскресенье мы загрузили инструмент в машину, собираясь на следующий день к Витьку. Ничего, смена обстановки — тоже отдых.

К вечеру повеяло долгожданной прохладой. Натянуло больших кучевых облаков, и ближе к полуночи зарядил дождь. За городом сверкали молнии, и над нами то и дело раздавались клокочущие раскаты грома. Но с каждым разом они отдалялись и становились все тише и тише.

Незаметно для себя я уснул под шум дождя...

Из мешанины событий последних дней, из туманной пелены, разбавленной морозящим дождем, выступают знакомые ворота.

Я захожу во двор и вижу: на тротуарной плитке, уложенной нами недавно, лежит человек, накрытый черным полиэтиленовым мешком. Рядом сидит сгорбленная старушка и держит его за руку.

Пытаюсь понять, что произошло. И вдруг вижу стертые сланцы, торчащие из-под пакета, и бездыханное тело Мальша неподалеку.

— Аскар?! — невольно вырывается у меня.

Старушка оборачивается. Я узнаю бабу Таню. Капли дождя вперемешку со слезами текут по ее осунувшемуся лицу.

— Душегуба родила! Вот Господь меня и карает. Как же так... Родного человека у меня забрал! Он же мне как сын был... Ближе никого... Нет больше Аскара!

Баба Таня кладет голову на грудь узбека и затихает. У нее уже нет сил плакать.

Сзади незаметно подходят полицейские. Двое поднимают бабу Таню под руки и уводят. Один останавливается рядом со мной.

— А его-то за что? — задаю я нелепый вопрос, указывая на труп пса, и не узнаю свой голос.

— Пришлось пристрелить, — объясняет полицейский. — Не подпускал никого. Даже хозяев.

— Они же улетели, — говорю я.

— Рейс задержали. Им позвонили, и они вернулись. Хозяин тоже под подозрением. Соседей опросили, они говорят, он не раз кидался на потерпевшего с ружьем.

Только сейчас замечаю Витька, сидящего на крыльце дома. Вид у него в целом равнодушный, а недовольное выражение лица, видимо, объясняется тем, что им с Женькой испортили отдых.

Ко мне подходит еще один полицейский и начинает задавать вопросы: где я был этой ночью, что делал, есть ли свидетели и тому подобное.

Оказывается, ночью Витька ограбили. Из дома вынесли всю бытовую технику: телевизор-плазму, холодильник, стиральную машинку, а также компьютер, ноутбук, золотые украшения, две норковые шубы... Аскар, видимо, вышел на шум, и его пырнули ножом. А Малыш за ночь умудрился сделать подкоп под вольером.

Мы с Русланом и Михаилом тоже в числе подозреваемых. Немудрено: две недели работали в усадьбе, тут наших следов уйма, куда ни глянь.

— А кто полицию вызвал? — интересуюсь я.

— Соседка. Говорит, кобель полночи выл, не унимался. Она под утро пошла проверить, в чем дело. А тут такое...

— А сын-то ее, сиделец, где? Узнавали?

— Она говорит, дома не ночевал. Работаем по нему. Объявили в розыск.

Полицейский, записав мои показания и номер телефона, удаляется.

Меня накрывает странное ощущение. Я вспоминаю последние слова Аскара. Он их сказал, когда мы прощались:

— Почаще возвращайся домой! Землю в ладошка возьми и так вот сделай! — Он вдохнул полную грудь воздуха и, выдохнув, добавил: — Тогда ты силу обретешь, богатырь будешь! Ни один шайтан к тебе не подступится!

Судьба нас сталкивает с разными людьми, и эти встречи не бывают случайными. Каждый человек — это урок. Встреча с Аскарком напомнила мне кое-что важное, о чем я стал забывать, что отложил на потом, а нельзя было...

— Наконец-то дождался свободы... Хоть родителей увидит!

Я не заметил, как вернулась баба Таня. Казалось, она еще больше сгорбилась и осунулась. Снова опустилась на колени возле Аскара, взяла его за руку и так и сидела, уставившись в одну точку и теребя платочек, промокший от слез.

Я смотрел на Аскара, на его стертые сланцы и все ждал, когда же этот сон закончится.

Но сон все не кончался.

Было утро понедельника.

Екатерина ПЕШКОВА

ПОКОЙ БЕЗУСЛОВНЫЙ

* * *

Поседевший одуванчик смотрит в небо,
в вечность,
в утро.

По июньской синей гуще белым — пухлая река.
Дунет ветер и развеет одуванчиковы кудри.
Был цветок, а станет вата, чтоб наполнить облака.

Вот и ты уже седеешь...

* * *

Теперь домой. Теперь пора назад,
Меж толстых стен сплетающихся сосен.
Дорога упирается в закат,
И август — в охлаждающую осень.

Ползет ленивый странник-большегруз,
А я — за ним. Шуршат колеса нежно.
И слышу будто: «Я вернусь, вернусь!»
Но не вернется. Не вернется прежним.

Нам не сойти с намеченной судьбы,
Не изменить избитому маршруту.
И мне б забыть. Забыть. Забыть и быть.
Но не забуду. Не забуду.

Буду.

* * *

Дрогнет состав, как созданье живое.
Не по-гагарински вовсе сосед
Скажет: «Поехали!» Тронется поезд.
Выдохну. Кончено — прошлого нет.
Вдруг защемит, застучит бестолково
Где-то меж ребер. Защиплет в носу.
Эх ты, дуреха! Ну что здесь такого?
Чуть подожди... И постель принесут.
Пара минут, и покажется, словно
Есть невесомость в пределах Земли.
Больше не больно, покой безусловный.
Да и не важно, а сбудется ли?..

* * *

Мы с дочкой приходили на вокзал
Смотреть, как поезда уходят в сумрак.
Толпа людская, тьма дорожных сумок.
Над ними — виадук.
Мир обретал
Оттуда, сверху, яркие цвета:
Огни составов долгих на платформе
Мелькали, и мигали семафоры.
Сквозь ребра пешеходного моста
Мы просто наблюдали, чуть дыша,
За суетой далекой и не нашей.
И не было прекраснее пейзажа.
И некого нам было провожать.

Юлия БОДНАРЮК

МИРОТВОРЕЦ

Р а с с к а з

Лифт ушел вниз хоть и плавно, но так быстро, что сердце взлетело к горлу и перехватило дыхание.

За прозрачной шахтой лифта окутанной дождливой дымкой башни стремительно приближалась земля с суетливо лавирующими по набережной машинами и тоскливо-серой Москвой-рекой. В голубоватой хмари проступали яркие пятна скверов, еще только начинавших терять листву.

— Что ж, до свидания! До завтра, если считаете нужным, но я лично...

— До завтра! — Саша пожал руку коллеге-юристу и выскочил из лифта, едва двери приоткрылись.

Пробежал холл, стеклянную «вертушку» в дверях; дождь уже закончился, или Саша попросту не успел его заметить — тут же нырнул в метро на станции «Деловой центр». Была середина дня, и выложенный темным гранитом вестибюль был гулок и почти пуст. У платформы материализовался поезд. Саша вошел в вагон, поезд захлопнул двери и устремился в тоннель. В черном стекле напротив Саши отражался худой тридцатилетний парень в отлично сидящем темно-сером пиджаке, спокойный на вид, только светлые волосы от влажного воздуха торчали, как иглы нервного ежа.

В глазах его еще мельтешили суровые лица и страницы контрактов, а в заткнутые наушниками уши уже билась «Металлика», хотя музыки он сейчас почти не слышал, как и не вполне узнавал парня в стекле. Вдруг парень исчез, и в окна хлынул свет — поезд выкатился на мост, застучал над рекой от берега с гостиницей «Украина» к берегу с Домом правительства. Раз — и все забылось: и разговоры-переговоры, и зачем он здесь вообще. До конца дня он свободен. У него еще полдня и впереди веселый вечер с Ариной. И больше ничего не важно.

Он был уверен, что парк закрыт, и издалека видел затворенные ворота. Но когда толкнул железную калитку под узкой каменной аркой бокового входа, та беззвучно поддалась и пропустила его.

Все же парк не работал, карусели были заперты на всяческие замки. Только колесо обозрения над уже слегка поредевшими желтыми кронами медленно вращалось, но, как он ни приглядывался, людей в кабинках не увидел. Это был старый парк, без современных аттракционов, и краски его поблекли. Скорее всего, даже летом посетителей тут немного. А осень и вовсе остановила его не слишком бурную жизнь.

Капли срывались с крыш билетных будок и звонко шлепались в лужицы. Когда к их звону прибавился звук шагов, Саша уже наверняка знал, что это она. И действительно — Арина показала из-за тира. Узкое коричневое пальто, пышные каштановые волосы стянуты в хвост, качающийся в такт шагам, сапоги до колен на низком каблучке. Тонкие, по-разному изогнутые брови, чуть ироничная улыбка на пухлых темных губах.

Проигнорировав приветствие, она поднялась на цыпочки и поцеловала его, оставив на щеке похолодевший, едва она отстранилась, след помады. Усмехнулась, согнутыми пальцами стерла след. Он подхватил ее под руку, она вцепилась яркими коготками ему в рукав, и они молча, как заговорщики, пошли к выходу.

Они созвонились в день его приезда и вчера встретились впервые за два последних года. Ходили в ресторан. Болтали, рассказывали каждый о себе то, что стоило рассказать. Время было обеденное, Саше пришлось смотреть на часы и уехать раньше, чем хотелось. Когда он позвонил ей сегодня утром, она предложила встретиться снова. «Снова» в ее устах прозвучало так, словно она предлагала забыть вчерашний вечер и эту черновую попытку.

— Как будто привидения на карусели, — кивнула Арина на зачехленных светлым брезентом лошадок. — Сможешь завести эту штуку?

— Хочешь прокатиться? — Саша с опасением присматривался к закрытой щитами будке, от которой к аттракциону тянулись кабели.

— Хочу! — улыбнулась Арина и немедленно полезла через металлическое ограждение.

В его вопросе вообще-то явно звучала ирония, но Арина предпочла ее не заметить. На двери был замок, но одну из ставен придерживала лишь пара гвоздей. Окно за ней было приоткрыто.

— Надеюсь, здесь нет сигнализации или бдительной охраны!

— Господи, Саша, ты же не украсть ее собрался! — Арина уже выбрала, расчехлила и оседлала белую лошадь с желтой гривой.

Приборная доска была не сложной, но индикаторы не загорались, на рубильник карусель тоже не отреагировала.

— Распрягайте вашего жеребца, леди, скачек сегодня не будет. — Саша вернул рубильник и кнопки в исходное положение, вылез из будки и закрыл ставню. — Похоже, питание отключили.

— Жаль, — вздохнула Арина и погладила пластмассовую лошадиную морду.

Они перебрались через заборчик, и Арина снова цапнула его под руку. В парке по-прежнему было пусто и сыро.

— Еще одно лето прошло, — заметил Саша.

— Ты это сказал таким тоном, будто молодость прошла! Или даже жизнь.

— Да уж не так я сказал! Но в какой-то степени да — кусочек жизни, еще одна триста двадцатая ушла в прошлое.

— Все дело в том, обращаешь ты на это внимание или нет.

— А на что ты обращаешь внимание?

— На то, что сегодня нет дождя. На то, что листья пока не облетели и очень красиво. На то, что ты наконец-то добрался до Москвы.

Они вышли из парка и зашагали по улице.

— Я вчера даже не спросила — чем ты сейчас занимаешься?

Саша помедлил с ответом, предвкушая реакцию, потом неторопливо произнес:

— Я занимаюсь досудебным урегулированием.

Арина отстала на шаг, и ее рука чуть не соскользнула со сгиба его локтя.

— Ты удивлена? — улыбнулся Саша

— Я? Абсолютно нет, — хмыкнула Арина. — Ты всегда любил отстаивать чужие интересы больше, чем свои. И над чем ты работаешь здесь?

— Одна псковская фирма здорово накосячила перед гораздо более крупной московской. Если москвичи подадут в суд, они его обязательно выиграют. Псковская компания тогда не сможет оплатить все неустойки и окажется на грани банкротства. Я должен помочь им это предотвратить.

— Есть шанс?

— Пока еще никто не хлопнул дверью.

— Это, несомненно, показатель успеха! И какое же ты им предложишь решение?

— Да решение простое — обе стороны должны пойти на уступки. В Пскове валят все на обстоятельства и уверены, что срыв контракта не их вина. Но юридически все козыри на руках у москвичей. А я должен убедить их ими не пользоваться. И еще попутно донести до псковичей, что виноваты все-таки они, и хоть частично, но платить придется. Пусть даже и они меня наняли. Потому что иначе ничего не получится, ибо их дело — дрянь.

— Зачем же москвичам идти на уступки, если у них все козыри?

— Иногда стоит уступить. Сохранить время и ресурсы. Разрушение немногим приносит удовлетворение. А тут есть шанс проявить великодушие. А главное, почувствовать его.

Арина присвистнула:

— Они согласны с твоей логикой?

— В этом и состоит моя задача — убедить их, что это тот самый случай.

Саша поймал исполненный скепсиса Аринин взгляд и улыбнулся:

— В моей практике дело ни разу не заканчивалось судом.

С Ариной Саша познакомился четыре года назад в большой компании общих друзей, и они тоже скоро стали друзьями. Без замаха на что-то другое — Арина уже тогда давно и счастливо жила со своим парнем и готовилась к свадьбе. Впрочем, ее жених, хоть и был, по ее признанию, самым близким человеком, все же оставался за пределами их круга. Они же проводили вместе уйму времени. Часто уже после того, как вся компания разбредалась по домам, Арина с Сашей вдвоем еще шли в какой-нибудь пустой ночной бар, парк, на набережную и добирали необходимую дозу общения.

Тогда они оба работали по контракту в Петербурге. Потом разъехались — Арина в столицу за большими возможностями, Саша — просто домой. Это был вполне сносный компромиссный выбор, потому что Москву он любил, Петербургом вдохновлялся, в Риге получалось расслабиться, но расстаться с поливаемым дождями Калининградом и старыми друзьями Саша был решительно не готов.

Хоть он и накатывал в столицу несколько раз в год, пересечься с Ариной удавалось редко; и сейчас Саша испытывал блаженную радость от прежнего ощущения беззаботной близости. Арина рассказывала, что бросила работу по специальности, потом еще несколько неинтересных занятий и сейчас пребывает в поиске интересного. Он спросил, как ей семейная жизнь.

— Тебе тоже стоит попробовать! — Арина, критически прищурившись и отклонившись назад, глянула на него словно сквозь невидимые очки. — Скажи: ты хоть раз — ну хоть немного, хотя бы мысленно! — приближался к этому решению?!

— Ну, разве что раз, но обошлось!

— Что же тебе помешало?

— Ты была уже замужем! — засмеялся Саша и, одной рукой обняв Арину за плечи, на ходу притянул к себе и чмокнул в щеку.

— Но ведь еще не до конца! Поженились мы много позже.

— Но ты была влюблена! С тобой невозможно было разговаривать. Ты была как клубок нервов.

Арина по-лисьи фыркнула:

— Можно подумать, сейчас я клубок проволоки!

— Колючей!

Арина набрала в грудь воздуха...

— Ладно, ладно! Ангорская шерсть или даже мохер!

— Неубедительные у тебя, Саня, доказательства. — Арина потрянула конским хвостом, точно строптивая лошадка. — Именно поэтому я и надеюсь, что ты наконец-то женишься!

— Можешь объяснить, почему тебе этого так хочется?

— Ну хотя бы потому, что я тебя люблю. Правда, Саш. Нужно, чтобы в жизни было что-то, за что можно держаться, если вдруг все вокруг пойдет прахом.

Арина перевела дыхание и призналась, все так же скривив губы в улыбке:

— Иногда мне бывает просто страшно за тебя.

— А если я женюсь, тебе будет спокойнее? — улыбнулся Саша.

— Может быть, — глядя в сторону, отозвалась Арина.

Они срезали путь через дворы и скверы, пересекали площади, проходили ничем не примечательными улицами со знаменитыми названиями, перешли мост. Когда добрались до широченного, шумнейшего и гротескно-классического Кутузовского проспекта, стало смеркаться, и Арина пожаловалась:

— У меня уже горло пересохло от разговоров!

— Давай где-нибудь засядем, — с готовностью предложил Саша и огляделся по сторонам.

— Ни за что не зайду в помещение, — замотала головой Арина. — Сейчас так тепло. Лучше где-нибудь на лавочке с пивом посидеть.

Они свернули с Кутузовского на Большую Дорогомиловскую, а потом — в боковую улицу, где в глубине на первом этаже девятиэтажки светилась вывеска маленького супермаркета. Здесь Арина неожиданно отвергла всякое Сашино участие и скрылась за пластиковой дверью под вульгарно подмигивающей красно-синей табличкой «Открыто».

Саша остался ждать ее у входа, постепенно поворачиваясь вокруг своей оси на каблуках и оглядываясь вокруг. Через дорогу весь квартал занимал один огромный дом в стиле сталинского ампира, на высоком каменном цоколе. Он словно наваливался своей громадой на тротуар, а у его дальнего угла, в сотне метров, мельтешили фары на Большой Дорогомиловской. Он перевел взгляд вверх, на светлую кирпичную стену восьмиэтажки, и стал ее разглядывать. Узкие окна лестничной площадки, полуголые ветви дерева у подъезда, сумрак начинающегося вечера в верхних этажах... В этот момент что-то екнуло, шевельнулось в памяти: дом и дерево перед ним внезапно показались до щемления в груди родными и знакомыми. Это длилось лишь пару секунд, но мозг бросился лихорадочно листать архивы, выискивая причину дежавю. Наверное, это было воспоминание из детства, возможно, даже не его воспоминание — впечатление из читанной лет двадцать назад книги... Но с городом он ошибиться не мог точно. Только в Москве такие дома.

Его дернули за рукав.

— Ты что застыл? Пойдем!

...Пиво Арина взяла только ему, себе выбрала «спрайт», и они уселись с банками в руках на лавку под лохматым кустом акации в темном дворе.

Саша порадовался удачно выбранному месту — вид двора отсюда снова и снова вызывал отголоски ощущения узнавания. В том ощущении было спокойствие, безмятежность детства. Слабое колыхание прохладного осеннего воздуха и тихий шорох акации, будто облако, амортизировали, отталкивали гул проспекта, многоголосье извечной утомительной столбчатой суеты. Сидящая рядом Арина тоже затаила дыхание, задумчиво крутя в пальцах черенок огромного, как веер, кленового листа. За этот день Саша понял, что им с Ариной совершенно необязательно непрерывно чесать языками, и эта новая степень близости тоже согрела его сердце.

Арина обернулась к нему:

— Так бы и осталась здесь ночевать на лавочке! Теперь я знаю, как становятся бомжами и бродягами, — однажды становится просто лень идти домой!

— Устала?

— Я поняла, что Калининград для тебя слишком тесен. Твоя тяга к хождению требует масштабов Москвы!

— Ну я же должен был показать тебе город!

Арина ответила легкой пощечиной кленовым листом.

— Кстати, что ты делаешь, если кто-то из твоих подопечных ни в какую не хочет ни прощать, ни уступать и уже заложил в бюджет деньги, что намерен отсудить?

— Ты знаешь, такого не бывает. То есть бывает, конечно, — но люди есть люди, и значит, всегда могут вмешаться пессимизм, усталость, приступы великодушия, осторожность, апатия, на худой конец, просто лень! Даже когда люди совершенно непохожи, даже когда они враги, всегда наступает минута, такой эмоциональный во многом момент, когда их стремления пересекутся в одной точке. Этот самый момент я и стараюсь засечь. Если они в этот момент примут решение, то оно будет правильным.

— Нет. Скорее, оно сохранит между ними мир, — поправила Арина. — Это, конечно, хорошо, но вот всегда ли это правильно? Порой просто необходимо столкнуться лбами, и пусть победитель заберет себе все!

— Может быть. Но меня нанимают, чтобы максимально сгладить конфликт.

Арина кисло улыбнулась.

— В этом ты мастер. Однако конфликт зашел далеко, раз потребовалось выписывать тебя из Калининграда в Москву.

— В Москве, конечно, все есть! — съязвил Саша.

— Все, — утвердительно кивнула Арина. — И это не снобизм, это факт.

— Кроме меня.

— Да, — признала она. — И это тоже не ирония. — Арина задорно вскинула голову, в ее взгляде искрилось веселье — то, что Саша любил в ней больше всего. — В любом случае они нашли правильного человека!

Арина смяла свою пустую банку и огляделась в поисках урны. Та нашлась метрах в пяти. Арина стала прицеливаться, и уже по положению ее руки Саша понял, что она не докинёт. Он перехватил банку, едва она отправилась в полет, и выкинул сам.

Ночная Москва от Москвы вечерней практически не отличалась.

— Проводить тебя?

— Я живу в спальном районе. Меня неинтересно провожать.

— Тогда ты меня проводи. Обещаю, будет интересно, — улыбнулся Саша. — Дома тебя не потеряют?

— Нет. Лешка в командировке.

Они поднимались по Никитскому бульвару. Здесь между Воздвиженкой и Тверской притаилась уже совсем другая Москва: тихая, с невысокими домами и купеческими особняками. Ночь окрасила ее в два цвета — все, что не было черным, как тень в аллее, отражало разные оттенки ночного оранжевого.

Арина и Саша выбрали тень. Кроны почти смыкались над центром бульвара, лишь кое-где открывая бурое ночное небо. В этой полосе тьмы они крались, как заговорщики; освещенная часть улицы казалась декорацией, тренировочным городком, забытым и предоставленным им в распоряжение.

В любой момент можно было начать игру.

...Саша был готов идти и идти. Так хорошо было шагать рядом по ночному городу, что само время сдалось и исчезло. Время, которое всегда гнало вперед, чье тяжелое дыхание он привык ощущать затылком, теперь ничем себя не выдавало. И город угодливо растягивался перед ними, как ковровую дорожку, раскатывая впереди еще один бульвар.

У гостиницы они оказались внезапно, словно арка, ведущая во двор, раскрылась лишь в тот момент, когда они проходили мимо. Арина не сбавила шаг и ни на мгновение не затормозила; и Саша тоже не стал задавать ей лишних вопросов, просто прошел с нею во двор, в холл, на лестницу, в номер.

— Ужасные какие обои! — заметила Арина, едва Саша зажег свет. Окинула взглядом комнату, с облегчением стянула сапоги и, выдохнув: «Наконец-то!» — приземлилась на кожаный диван.

— Извини, у меня нет ничего, кроме чая и кофе растворимого. Ты что будешь?

— Чай, — вздохнула Арина. — Неужели тебе по ночам есть не хочется?

— Можем спуститься во двор, итальянский ресторан внизу еще наверняка работает.

Арина по-мужски закинула локти на высокую спинку дивана и с возмущением воззрелась на него.

— Не думаешь же ты, что я сегодня еще куда-то пойду?!

* * *

Его разбудил грохот дождя, загнанного в жестяные трубы. А еще сквозняк — он курил в окно и не потрудился закрыть старую раму плотно. Саша был уверен, что еще слишком рано, но постепенно распознал в одном из монотонных звуков писк будильника в телефоне.

Он опрокинулся на спину — все утро пролежал на боку, оберегая иллюзию, что Арина еще здесь. Левая рука затекла, словно окаменела. Но простыня под спиной оказалась холодной, да и вообще в комнате было холодно.

...Арина проснулась затемно, тронула его за плечо: «Сашка, мне надо идти». То ли тронула слишком легко, то ли сказала без нажима, но пока он, вяло возражая спросонья, соображал, что к чему, она уже оделась. И когда он проснулся настолько, чтобы спросить, какого, собственно, она уходит прямо сейчас, за ней щелкнул дверной замок.

Ну и пусть, подумал Саша и хотел уже уснуть заново, но ощутил вдруг неожиданную горечь. Она была ему хорошо знакома, и он решил не обращать внимания, но чувствовал эту горечь даже сквозь сон...

...Месяц назад Саша бросил курить. Вернее, начал бросать. Но уже две недели он держал себя в руках, идя на всякие ухищрения с таблетками и жвачкой. То есть не курил, собственно, он где-то неделю, но за эту неделю поверил, что больше и не захочет, и стало быть, это победа.

Однако, едва самолет выпустил шасси над полосой в Домодедове, в голове недобитой мышью прошмыгнула мысль о том, что если переговоры пойдут трудно, он, так и быть, купит пачку и одну сигу выкурит. В смысле, не больше одной в день, пока идут переговоры. А остаток выбросит. Переговоры пошли трудно с самого начала, но о куреве он не вспоминал до вчерашнего вечера.

Через полчаса после ухода Арины, когда в узком дворе-колодце еще не было никого, кроме дворника с гремучей тележкой, он ежился, стоя в одних трусах у открытого окна, и курил, облокотившись о холодный подоконник. Сигарета с непривычки тоже казалась горькой. Саша выдыхал дым наружу густой паровозной струей, но плотный влажный воздух отбрасывал табачные облака обратно в комнату. В комнате повисала синеватая дымка, похожая на что-то вроде тумана. И в голове после такого пробуждения тоже стоял туман.

...А сейчас, когда он открыл глаза и снова увидел хмурое утро и мутный потолок в трех метрах над собой, то неожиданно понял, что все просто.

Просто она поняла, что ошиблась.

Будильник прозвонил еще один раз, потом третий, контрольный. Попить чаю он уже не успеет.

Ухватившись за эту определенность и стараясь больше не задумываться о другом, он быстро принял душ, побрился, собрался и отправился на работу.

По выложенному плитами тротуару стелился широкий поток, и от водостоков, бурля, к нему стремились полноводные реки. Прохожие отпихивались друг от друга зонтами, ежились под брызгами, и только Пушкин на своем постаменте не терял невозмутимости. Саша передвигался то прыжками, то шагами, достойными опытной цапли. Спустившись в переход, он отряхнул зонт, стянул с плеч мокрую кожаную куртку, провел ладонью по волосам. С водой в ботинках пришлось смириться.

Поезд, с ревом разгоняясь, устремился в тоннель. Воздух в вагоне был спертый, влажный. Рубашка липла к спине между лопатками. Саша сел в самом углу вагона, где особенно сильно гремело, и, откинув назад голову, закрыл глаза.

Это все — поезд метро, предстоящая встреча — было привычно и оттого разом и успокаивало, и порождало отвращение. А вот думы об Арине выбивали из колеи, снова вытаскивая его из подземного тоннеля во вчерашний вечер. Вечер, а потом ночь, из которой он пока еще помнит едва ли не каждую минуту. Но то, что произошло утром, неизменно замыкало цепочку воспоминаний.

Она ушла без прощаний, поставив этим некую точку, и лучше всего с этой точки не трогаться. Так будет лучше и для нее, и для него. В конце концов, Арина замужем. Вчера он об этом даже не вспоминал, но сегодня утром ее муж вдруг всплыл в его сознании, точно подводная мина, у которой сгнила и раскрошилась удерживавшая на глубине цепь.

А он определенно меньше всего хотел проблем для Арины.

Издавая противный свист, поезд вошел в поворот. В юности Саша представлял, что его история будет звенящая, летящая, ревущая, как в песне «Звезда рок-н-ролла». Но чем дальше шло дело, тем меньше рок-н-ролла в ней оставалось. Тем тверже становился сковывающий его цемент рутины, в котором его душа металась, как приговоренный к утоплению опальный мафиозо. Никаких звезд. Серое калининградское небо, отражающееся в серой реке. Серые строчки контрактов, серое летное поле, серая девятиэтажка, где он жил с видом на серый двор. Все, чем он пытался разнообразить свою жизнь, тоже быстро превращалось в рутину. Путешествия, которые становились все более частыми, перестали быть похожими на приключения. С этим ощущением — ног в цементе — не помогало справиться ничего.

* * *

Искажающая пленка дождя скользила по боку башни, а Саше то и дело казалось, что это просто некачественное стекло, все в пузырьках и трещинах. Только стеклянная стена и делала сносным маленькое помещение, тесноту которого не могли закамуфлировать ни худые сотрудницы, ни скругленные углы мебели. Но, надо признать, потрясающий вид с лихвой компенсировал недостаток пространства в офисе этой в общем-то богатой и солидной компании.

Саша огляделся, встретился взглядом с хозяйской секретаршей, скосил глаза на свою опустевшую чашку из-под кофе и состроил просительное лицо. Кофе был слишком слабым допингом. Ему недоставало воздуха, чтобы соображать нормально, а еще этот чертов дождь... Зарождающаяся головная боль уже начинала ввинчиваться в левый висок — это Саша ненавидел больше всего.

— ...Это-то все понятно, но только вот что будет с поставкой по контракту от третьего июня?

— Поэтому я и предлагаю подписать дополнительное соглашение.

— Поздновато подписывать! Срок, предусматривающий штрафные санкции, уже наступил...

Боль медленно досверлила до середины левой брови и теперь, в отдельные минуты, пульсировала в каждой косточке черепа. Саше в эти минуты хотелось зажать уши руками и залезть под стол. Но момент для этого был неудачный — диалог наконец-то удалось направить в нужное русло, и выказывать слабинку было нельзя. Во время особенно ожесточенных приступов Саша так старался не кривиться, что выражение его лица становилось неестественным, и его собеседники один раз даже переглянулись между собой.

Это все Арина виновата. Следствие бессонной ночи. Следствие лиш-них раздумий. Именно сейчас, когда нужно сосредоточиться и разыграть эндшпиль, боль затопила всю голову. Саша оперся локтем о стол и словно бы случайно прижал к брови холодный металлический наконечник ручки.

...Он не был уверен, стоит ли сегодня звонить Арине, и не сомневался в том, что сама она не позвонит. Этого было достаточно, чтобы остано-вить размышления и заняться делом. Но всякий раз, когда москвичи — оба старше Саши — начинали в очередной раз пролистывать документы или что-то прояснять между собой, у него выдавалась минутка подумать, и мысли вырывались за стеклянную стену и пускались на новый круг.

Если она действительно сочла все ошибкой, то звонок не имел смысла. Только эта версия казалась Саше все более зыбкой. Арина не любила признавать ошибки. Перебрав еще с полдюжины вариантов и не удовлетворившись ни одним, Саша вышел в коридор с мобильником в руке, потом решил, что позвонит позже, и хотел уже убрать телефон в карман, но тут и раздался звонок.

* * *

Они сидели на высоких стульях за стойкой у окна и следили за лужей. Лужа все продолжала расходиться кругами. В кафе звучал какой-то клубный микс, и Саша скоро заметил, что дождь четко соблюдает ритм.

Арина отошла «причесаться», а Саша отвлекся от наблюдений за погодой и огляделся. Когда начался дождь, кафе стало понемногу запол-

няться. Здесь проводили время по большей части их ровесники и младше — пили кофе, шлепали по клавишам ноутбуков, читали взятые с полок книги. Хотя в зале было достаточно сумрачно — в это время суток расчет был лишь на дневной свет.

Рядом с ними на низком диване расположилась молодая компания. Случайно Саша встретился взглядом с одной из девушек. Ему показалось, что она нахмурилась. Нет, она точно нахмурилась, неизвестно по какой причине, еще и метнула куда-то за плечо Саши гневный взгляд. За его плечом было только окно... Тут Саша сообразил, что они с Ариной загораживают собой свет. Скоро он и впрямь расслышал, как в разговоре на диване проскользнуло слово «темно».

Саша попробовал, не вставая, отодвинуться чуть в сторону вместе со стулом, но ножка угодила в выбоину в плитке, и стул не двигался, зато рискованно качнулся назад. Этого еще не хватало!

Ему, конечно, показалось — все эти невысказанные упреки, взгляды... А даже если и нет! Они с Ариной пришли раньше, и никто не просил этих усаживаться в тень!..

Тут как раз вернулась Арина. Саша встал и подвинул для нее тяжелый металлический стул, а потом сел рядом — но уже на другой табурет, не слева, а справа от нее.

Арина поставила перед ним его чашку. Потом огляделась. Чтобы оценить ситуацию, ей потребовалось секунд пять.

— Чтобы изменить твой характер, тебе нужно ампутировать голову!

Вышли из кафе и, прошагав квартал, снова оказались на Тверском бульваре. В свете пасмурного дня он был совсем иным. Никакого темного тоннеля — просвечивающие желтые кроны, мокрая рыжая плитка, прибранные отцветшие клумбы. Машины проезжали редко, Саша заметил это еще вчера. Видимо, водители выбирали более удобные пути, чем Бульварное кольцо. Прохожие навстречу тоже почти не попадались, и было слышно, как ветер волочит по плитке тяжелые от влаги опавшие листья.

На улице Арина взяла его за руку. Ничего в этом вроде бы не было, но Саше оказалось достаточно, чтобы окончательно стряхнуть налипшую с самого утра тоску. К тому же Арина сразу стала травить свои малоправдоподобные московские истории, он увлекся и мысленно выдохнул.

Теперь ясно, что все нормально. Все по-прежнему.

* * *

Сами того не замечая, по бульвару они двинули туда, откуда пришли вчера, поэтому на первом же перекрестке свернули на узкую боковую улочку.

Москва всегда казалась Саше городом стихийным, застроенным как бог на душу положит, а этот уголок и вовсе являл собой архитектурный винегрет — только что вокруг были двухэтажные старые домишки, за

углом открылись обычные пятиэтажки, еще немного подальше виднелся дом с лепниной, а над крышами торчала башня из стекла.

По узкому тротуару через неожиданно оживленный перекресток, мимо продуктового магазина, к торчащей на углу кирпичной девятиэтажке и стеклянному летнему кафе. Свернули у засыпанной желтыми листьями детской площадки посреди еще зеленого газона и дальше отправились прямо. Саша отмечал дорогу машинально, не прекращая болтать с Ариной, — у него давно выработалась привычка рассматривать все вокруг. Так он заметил синюю табличку с номером на углу — улица Малая Бронная. Вот она, оказывается, где.

— Как ты завтра, занят?

— У меня сегодня вечером самолет.

— Когда ты успел купить билет? — удивилась Арина.

— Утром.

— Ну скажи же мне, что твои подопечные в конце концов пошли в суд!

— А вот и нет! Они договорились. Как всегда.

— Ну ничего, однажды тебе попадет по-настоящему крепкий орешек, о который ты сломаешь зубы!

— Можно подумать, что ты мне этого желаешь.

— Конечно, желаю! Любая идея должна испытываться на прочность, иначе грош ей цена.

— У меня нет никаких идей. Просто работа, за которую мне платят.

— Правда? А мне показалось, она доставляет тебе удовольствие. Ты прямо как супергерой: появляешься, чтобы наладить пошатнувшееся равновесие, а после снова слиться в кусты!

Лифтовая шахта мутного стекла нависала низко над тротуаром, прямо над притолокой подъездной двери. Саша заметил ее с расстояния двух шагов и, хотя был среднего роста, на всякий случай пригнулся. Наверняка дно шахты уже не раз обогрено кровью высоких и рассеянных.

— Красивое сравнение, кабы не кусты.

Арина улыбнулась:

— Ну ладно — улететь в свое тайное убежище на Балтийском взморье!

— Почему оно не дает тебе покоя?

— Может быть, потому, что я совсем не представляю, каково тебе там...

Асфальт под ногами загудел — видимо, прямо под ними проходила ветка метро.

— Дожди идут, чайки летают, по субботам езжу к морю, брожу по пустым пляжам и смотрю на прибой...

— Чайки меня как раз меньше всего волнуют.

Арина снова взяла его под руку, прислонилась к нему плечом. В этот момент казалось, что никого ближе и важнее друг друга ни для Саши, ни

для Арины нет. Это томительное, счастливое и обманчивое ощущение сводило ему лопатки, и Саша не то чтобы хотел от него отделаться, но все же невольно передергивал плечами.

За утро он не раз вспоминал прошедшую ночь, но чем дальше она отдалялась во времени, тем более отвлеченно он о ней думал. Конечно, стоит относиться ко всему этому легче. И иногда Саше это удавалось, но тут он сразу понял — не получится. Еще вчера ночью понял, еще когда Арина переступила порог его комнаты. Но прогони он ее тогда — все равно было бы уже ничего не изменить, поздно.

Что-то произошло. Он уже дважды почувствовал это — утром, когда проснулся в одиночестве, и позже, когда увидел ее имя на дисплее мобильного.

— У нас с тобой всю жизнь однотипные прогулки — мы шатаемся по кабакам и паркам. Сейчас они в равной пропорции, потому что осень. Летом бы мы никуда не заходили, а зимой двигались бы перебежками. — Арина запрокинула голову назад и с шумом втянула носом воздух.

День дышал зябкой прохладой. Кафе, которые летом выставляли на тротуар столики, теперь позакрывали все окна, и только отдельные озябшие посетители сидели на лавках у дверей с чашками или стаканами, отложив в сторону отсыревшие подушки. Ветер носил ароматы еды — чеснока, выпечки, жареного мяса, — но меж них сквозняком проникал воздух осени: запах прошедшего дождя, прелой листвы.

За углом открылся пруд, окруженный разодетой в золото свитой деревьев. У кромки воды пролегла яркая кайма опавших листьев, плавающие островки прибивались к утиному домику. Дворник сгребал широкие кленовые листья жесткой садовой метлой, но то и дело прерывал работу, поднимал голову и ошеломленно разглядывал еще густые кроны кленов. В эти моменты он больше всего был похож на замученного московского Сизифа.

— Вчера ты даже не намекнул, что сегодня улетаешь. К чему такая спешка?

На аллее Саше почудилось, что выглянуло солнце. Но нет — это просто очень желтая ветка нависла над их головами, и сквозь нее струился прозрачный свет осеннего дня. В ту же минуту Саша почувствовал удивительную легкость. Даже не легкость, а облегчение. Словно кто-то выдернул гвоздь, вбитый в голову. Но отчего вдруг выдернул и что это был за гвоздь, Саша не понял.

— Почему ты не сказал, что сегодня улетаешь?

— Работа закончена... — пожимая плечами, начал Саша и вдруг понял, что, если прямо сейчас оборвет фразу, Арина решит, что ему на нее глубоко наплевать, и со всеми на то основаниями обидится. А признаться, что он отчего-то был уверен, что она поставила точку в их дружбе, в их встречах и отношениях, что сам звонить он не решался и не сомневался, что и она не позвонит, вообще равносильно самоубийству. — Я так много вещей стал делать на автомате, что мне самому иногда не по себе.

— Автопилот всегда приводит на один и тот же аэродром.

Саша фыркнул:

— Это твой вариант для конкурса «сочини восточную мудрость»?

— Нет, всего лишь констатация грустного факта.

Арина обернулась к нему — взгляд ее в этот момент действительно был грустен.

Он не мог не купить билета. Кто-нибудь потом обязательно бы его спросил: почему он вдруг решил остаться в Москве, если причин оставаться нет? Кто-то обязательно задал бы этот вопрос — возможно, та же Арина, хотя скорее всего, он сам. Когда-то давно Саша боролся с ожиданиями родителей, но мало того, что остался хорошим сыном, так еще и стал соответствовать ожиданиям всех подряд — иногда это доставляло предсказуемое удовлетворение, но гораздо чаще вгоняло в тоску.

... Тут разлапистый лист клена спланировал с дерева прямо на голову Арине. Саша убрал лист и, опуская руку, тыльной стороной ладони провел по волосам Арины. Встретил ее взгляд, отвел глаза, обвел ими желтый свод аллеи и обрывок бесцветного неба над прудом. Снова посмотрел на Арину и обхватил ее плечи одной рукой, а потом притянул к себе и обнял по-настоящему.

Он боялся, что сейчас она скажет что-нибудь, и это долгое мгновение оборвется, вдобавок будет заклеено какими-то словами. Но Арина молчала, прижимаясь щекой к вороту его куртки. Знал, что вот-вот пора будет разомкнуть руки... уже давно пора. Но они словно срослись за спиной Арины. Незнакомая на вид черная птица медленно плыла по гладкой поверхности пруда, разгоняя воду, словно складку на полиэтилене, и слегка подрагивали верхушки ярких крон.

Бывают такие моменты в жизни: потом оглянешься вслед и понимаешь — они уже никогда не повторятся.

Горе тому, кто поймет это сразу.

Сейчас шел именно такой момент.

Все равно потом пришлось отпустить Арину, и они двинулись дальше по закольцованной вокруг пруда аллее. Будто и на этот раз ничего не произошло.

Ну да, это оптимальный вариант для всех. И для него тоже.

Для него почти всегда существует только один вариант.

Жизнь только начинается, а уже кажется такой устоявшейся, такой предсказуемой. Он уже ничего не ждет от нее, поэтому сама мысль о том, чтобы побороться за Арину, кажется ему чужой, случайно залетевшей в голову. Вечером он сядет в самолет и вернется в Калининград. Будет вспоминать эти два дня, болтаясь в своей тесной обжитой реальности, где нет места Арине. Где едва хватает места ему самому.

Сделав полтора круга, они ушли от пруда. Тихий изгиб переулка взбирался вверх, и узкий тротуар был как тоннель, образованный забором и припаркованными машинами. Сквозь решетку забора тянул ветки

облетающий красными листочками куст. Только сейчас Саша осознал, что Арина все это время о чем-то рассказывала и он, отслеживая ее рассказ краем сознания, даже поддерживал разговор.

— ...Я уже решила, что все это предприятие накрылось медным тазом. Но Лешка говорит, давай попробуем...

Как выдернуть Арину из ее ладно скроенной жизни, а главное, надо ли это делать? Кажется, Саша ни разу не ответил на этот вопрос положительно, даже самому себе. Если Арина бросит своего мужа, о котором всегда говорит с таким теплом, если с легкостью оставит все, то это, как ни крути, будет уже другая Арина. По всему выходило, что любит он только такую Арину, которая не любит его и с ним вряд ли останется. Можно, конечно, помечтать, что муж сам ее бросит, но Саша точно знал — для Арины это будет трагедией, и уже никакие старые друзья из Кенигсберга не смогут ей помочь.

Арина уже построила свой счастливый мир. Единственное, в чем ей может помочь Саша, так это в его разрушении.

— Ты ведь мне так и не ответил. Насчет отъезда.

Она переспросила неожиданно, и Саша ответил то, что ему только и оставалось ответить:

— Так будет лучше для всех.

Сказал и пожалел. Надо было отшутиться, не заговаривать о том, о чем только что решил молчать.

— С чего ты решил, что знаешь, как лучше для всех? Если ты не в состоянии выбрать лучший вариант даже для себя одного.

— Если ты хотела меня оскорбить, то лучше попробуй еще раз.

— В мыслях не было, Саш, — напряженный голос Арины срезонировал от стен. — Мне любопытно узнать — может ли взрослый человек переломить одну из доминирующих черт своего характера. Особенно если эта черта мешает ему жить.

Говоря это, Арина на ходу развернулась, забежала на пару шагов и пошла, отступая, как матадор, перед Сашей, яростно впиваясь в него взглядом светло-зеленых глаз. Прежде Саше отчего-то казалось, что глаза у нее другого цвета.

Переломить эту свою черту, говорит Арина. Да он бы с удовольствием это сделал. Об колено. Как деревянную палку, если представить черту именно так.

— Не мешает. Просто у меня стиль такой.

Арина закатила глаза, а потом выразительно оглядела кривой переулком, переломленный ненужным изгибом в последней четверти, словно ища других свидетелей такого явления, как Саша. Но никого не нашла и раздосадованно мотнула головой:

— Ох, Сашка! Ты настолько увлекся поддержанием баланса, что твоя собственная персона в этом сбалансированном мире тебе всегда кажется лишней!

— Отчего такая забота о моей пропавшей персоне?

— Не могу понять, зачем тебе это.

— Возможно, оно того не стоит.

— Для кого?

— Например, для тебя.

— Это самокритика или страх?

— В первую очередь это — мое личное дело.

Зря, зря, зря он сказал про нее. Арина удивленно подняла брови, но чему именно она в тот момент удивилась, Саша так и не распознал.

А сейчас она уставилась вперед по ходу их движения и поинтересовалась:

— А если допустить, что не только твое?

Он же хотел это услышать. Он же на самом деле немел при мысли, что она просто пропустит его слова мимо ушей или сделает вид, что пропустила. Но нет, вот она — как всегда, идет на него с открытым забралом.

— От всего-то ты хочешь отщипнуть свой кусочек! — засмеялся Саша.

— Такова я, Саня. Я жалею о каждой непройденной дороге. Как ты думаешь, это жадность?

— Похоже на то.

— Что подделаешь, не всем же быть альтруистами.

— Хватит обзывать. Я не всегда действую из любви к человечеству. Просто я стараюсь реально смотреть на ситуацию.

Арина хмыкнула:

— А рискнуть хоть раз и получить все у тебя никогда не возникало желания?

— Тогда я мог бы тебя потерять, причем насовсем. Я не хочу тебя терять. И не хочу, чтобы ты что-то теряла по моей вине. Ты сделала выбор, и надо быть слепым, глухим и умственно отсталым, чтобы не понять, что он правильный.

Он повернул голову и встретил взгляд Арины, внимательный, как наведенное орудие. Потом опущенные уголки губ ее чуть дернулись вверх, сложившись наконец в язвительную усмешку:

— Иными словами, ты хочешь общаться со мной, встречаться со мной, спать со мной. И при этом хочешь, чтобы я не поссорилась с мужем, вернее, чтобы эта ссора не была на твоей совести. Пусть все будет мирно, шито-крыто, да?

— Я не об этом. Хотя можно и так сказать. А вот зачем ты мне сейчас все это говоришь?

— Я понять тебя не могу, Саша. Я хочу тебя понять прежде, чем ты сделаешь свою работу и уедешь. Оставишь двух надежных партнеров, а воспоминания об их конфликте заберешь себе на память. Оставишь меня на попечении мужа и будешь радоваться тому, что твое вторжение не нарушило гармонию между чужими тебе людьми.

— Ты мне не чужая. Я люблю тебя.

...И снова он боялся, что Арина что-нибудь скажет. Но она снова промолчала.

Тут переулок заканчивался, ныряя в арку высотой в три этажа. Они прошли через арку, и пространство вокруг неожиданно схлопнулось и тут же заново развернулось — с шумом машин по Тверской улице, мельтешением лиц на тротуаре, перемигиванием светофора. Саша с Ариной переглянулись и ускоренным шагом рванули к подземному переходу.

— В какой парк двинем теперь? — прервал молчание Саша, когда они пересекали узкую дорожку у кинотеатра на противоположной стороне.

— Можно попробовать дойти до Нескучного сада, — задумалась Арина. — Можно в парк Горького.

— Добавим один пункт к нашим излюбленным локациям — по кабакам, паркам и аттракционам!

— У всех свои глупые развлечения, — ехидно отозвалась Арина.

— Тебе стоит завести ребенка. Сможешь с ним на всем-всем кататься...

Арина откинула голову назад.

— Я сейчас всерьез думаю над этим. Так что, глядишь, через год и ребенок будет!

Выдержав полминуты его молчания, она скосила глаза на Сашу:

— Я тебя огорчила?

— Чему огорчаться? Дело хорошее.

— Опять врешь, — констатировала она. — Для тебя это значит больше, чем для меня. В плане будущего. Отчего так? Каждое событие, словно шлагбаум, перекрывает очередную дорогу, и ты никогда не поедешь на красный свет. Так однажды тебе попросту некуда станет ехать.

— Зато у тебя все просто.

— Чем проще относишься к жизни, тем проще получить от нее удовольствие.

— Ты знаешь кто? — улыбнулся Саша. — Ты королева. Вернее, ферзь. Имеешь счастливую возможность двигаться в любом направлении.

— И поверь мне, я ее сохранию! Это не значит, что я обязательно прибегну к этой опции, но никто и ничто у меня ее не отнимет.

Арина сделала шаг в сторону, и на этот раз Саша взял ее за руку, холодные пальцы покорно легли в его ладонь.

— Только вот что же мне с тобой делать? — выдохнула Арина и подняла на него взгляд, который через секунду показался измученным.

— Да не думай обо мне.

Александр АГАЛАКОВ

«ПЕЧАЛЬНОЙ ПАМЯТИ ВИСМАН»: ИСТОРИЯ ПЕРВОГО НОВНИКОЛАЕВСКОГО ПОЛИЦМЕЙСТЕРА

Бесстрашный полицейский

На рубеже XIX и XX веков Сибирь оставалась краем ссылки, беззакония, каторги и имела репутацию «тюрьмы под открытым небом». В регионе формировалась не только особая субкультура уголовного мира, особенным являлся и чиновный мир Сибири. Полицейские структуры, будучи его первичным элементом, часто становились объектом критики на страницах либеральных изданий.

В одном из номеров журнала «Сибирские вопросы» указывалось, что эпопея откровенного полицейского грабежа и произвола достигла в Новониколаевске к 1912 году своей кульминации и стала нестерпимой. Вся полиция, от ее главы до последнего городского, превратилась в организованную шайку грабителей, рыскавших по городу только затем, чтобы отыскать жертву, создать повод и обобрать ее. Доведенные до отчаяния жертвы, которым уже нечего было терять, решились подать жалобу губернатору. Но из этого ничего не вышло, кроме дикой расправы с жалобщиками. Новониколаевская полиция представляла собой дружную шайку, раскинувшую свою паутину по всему городу так, чтобы никто из нее не ускользнул. Немалую лепту в создание такой ситуации внес первый новониколаевский полицмейстер Бернхард Висман.

Воровская вольница

Сразу после того, как на Оби в 1893 году наметилось строительство нового железнодорожного моста, на прежде тихих берегах в притоке пришлых мастеровых людей и лапотников дал знать о себе криминал. Расчет преступников был прост: переселенцы приезжали не с пустыми руками, каждая семья везла накопленные на первое время жизни в Сибири средства, и вот эти деньги и перевозимое имущество можно было отнять.

Появившаяся в поселке пресса красок не жалела, расписывая ужасы сначала Александровского, названного в честь действующего царя, затем — Но-

вониколаевского поселка, переименованного в честь его потомка и преемника. Газеты писали, что пожары и поджоги происходили чуть ли не ежедневно. По ночам помимо вспышек спичек поджигателей новониколаевские улицы озярялись вспышками револьверной пальбы. Преступники грабили прохожих, вламывались в дома и сводили друг с другом счеты. У полицейского было десять помощников, так называемых полицейских урядников, — вот и весь штат. Твердых рук для борьбы с преступностью не хватало. Ситуация улучшилась в конце 1904 года, когда Новониколаевск получил статус безуездного города и было наконец сформировано городское полицейское управление с тремя участками обслуживания: Центральным, Вокзальным и Закаменским.

Подход исторический и подход эмоциональный

В спорах об уроженце города Риги, остзейском немце и первом полицмейстере Новониколаевска Висмане не устают ломать копья местные краеведы. Бернхард Петрович оставил противоречивый след в истории. В начале своей карьеры и подвиги совершал, а под конец докатился до вымогательств, грабежей, рукоприкладства, использования служебного положения, провокаций и откровенной уголовщины. О части его «художеств» и преступлениях его подчиненных речь шла в суде присяжных после расследования, длившегося, начиная с 1910 года, четыре года. А до падения полицмейстера о Висмане как о страже закона в Новониколаевске говорили с восторгом.

Подобный подход к личности Висмана — с искренним восхищением или с полным порицанием — присущ современным биографам первого полицмейстера. Судите сами.

Как пишет историк Сергей Слугин, Висман окончил в Риге городское училище, после которого в 1897 году поступил на службу в Митавский пехотный полк вольноопределяющимся, затем в звании младшего унтер-офицера получил образование в школе полицейских урядников в Санкт-Петербурге. Учился удовлетворительно, в период учебы помогал материально сестре и матери, которые остались в Риге. После окончания полицейской школы молодой Бернхард Петрович выбрал для службы далекую Сибирь. Без протекции начинающему полицейскому делать в европейской части России было нечего.

Исследователь Вадим Сеницын обнаружил самое раннее упоминание о поступлении Висмана на службу. Это приказ томского губернатора № 73 от 30 июля 1902 года. Согласно ему «мещанин гор. Риги Бернгард Висман... принимается на государственную службу, с откомандированием в распоряжение Каинского уездного исправника для заведывания полицейской частью в поселках, образовавшихся около железнодорожной станц. "Каинск"».

Бернхард Петрович начал службу в Каинском уезде (ныне Барабинский район Новосибирской области). Дела были незначительные. Вот типичный пример газетной заметки о его работе: «Полицейский надзиратель 2-й части города Каинска Висман, по должности судебного пристава, на основании 1030 статьи устава гражданского судопроизводства сим объявляет, что 22 февраля с. г. в 10 часов утра, в 1-й части г. Каинска, в лавке Тинкира, будет производиться публичная продажа скобенного, мануфактурного и галантерейного товара, принадлежащего Самуилу Хаимову Ерихонову, на удовлетворение претензии Каинского купца Николая Васильева Шкроева, товар оценен в 300 рублей

15 копеек». Все честь по чести: дела у гражданина Ерихонова не пошли, его заимодавец подал в суд, который распорядился распродать имущество банкрота в возмещение убытков купца Шкроева. За порядком на торгах наблюдал надзиратель Висман.

Приказом № 11 от 31 января 1903 года Висман назначается полицейским надзирателем города Каинска. В 1903—1904 годах его фамилия часто упоминается в каинской прессе: такие отчеты о проделанной работе были необходимы, чтобы население и томское начальство были в курсе того, как назначенный чиновник отправляет правосудие. По перемещении на должность пристава в 1907 году в уездный город Кольвань Бернхард Петрович в чине урядника совершил подвиг. Рискую жизнью, полицейский залез в горящий дом и ценой подгоревшего мундира спас двух купеческих детей и ценные хозяйские вещи. В Новониколаевске к тому времени разгул преступности достиг немыслимых размеров, и потребовался отличившийся на пожаре удалец. И вот в 1908 году Висман уже в Новониколаевске, где быстро дорос до должности полицмейстера.

На что он мог рассчитывать? Содержание городских в Российской империи конца XIX — начала XX века было достаточно высоким: старшему чину платили до 180 рублей, младшим — до 150 рублей в год, не считая 25 рублей ежегодно на постройку мундира. Много это или мало? С учетом того, что в те годы корова стоила в пределах трех рублей, при таком жалованье служить было можно. Содержание полицейской команды производилось полностью на городские средства. Город отводил для полиции служебные квартиры с отоплением и освещением и, помимо «мундирных» денег, давал средства на вооружение. По своей руке полицейский самостоятельно приобретал шашку и наган. В 1906 году при населении в 41 000 человек в городе было 30 полицейских.

К моменту обретения Новониколаевском городского статуса действовали правила о преимуществах службы городских, которые получали прибавку жалованья за выслугу лет. Выплачивалось единовременное пособие в размере 250 рублей за двадцатилетнюю службу. Пенсия в размере 90 рублей назначалась за тридцать лет службы. Расходы городского бюджета на прибавочное жалованье, единовременные пособия и пенсии были своеобразной платой за риск. Поэтому чахоточные и слабосильные кандидаты на службу не приглашались. В полицию тех лет принимали подданных России возрастом от 25 лет, отслуживших в армии. Приветствовались навыки владения кавалерийской шашкой и умение управлять лошадьми.

Историк Слугин описывает нашего героя так: «Висман был высокого роста, богатырского телосложения, от природы неглупый». С единственной сохранившейся фотографии на нас смотрит белокурый человек с цепким оценивающим взглядом. На коренастой фигуре плотно сидящий мундир. Видно, что силушкой немца бог не обидел.

Многие исследователи скандальной личности упирают на то, что в то время карьеру в полиции можно было сделать, не имея специального образования и опыта службы в армии. В качестве примера они приводят фигуру нашего героя, который, по их данным, полицейской школы не оканчивал. Будто бы «черт остзейский» скакнул в Сибирь наобум, пристроился побиружкой на железной дороге, пробавлялся карманной мелочью и кусками булки, а там скакнул в урядники, понравился губернатору, бывшему петербургскому приставу, который посодествовал соплеменнику, остзейскому немцу, устроил на хорошую долж-

ность. Какой-то пруссак по протекции другого пруссака обрел власть над русскими людьми и сильно их прижал. Эти побасенки, сочиненные после суда над Висманом, не устают повторять современные исследователи, ограничившиеся в розысках всего одним источником информации.

Как видим, карьера нашего немца развивалась по траектории пущенной ракеты. Бурную деятельность новоиспеченного новониколаевского пристава трудно не заметить. Газеты, ранее пугавшие обывателей хроникой поджогов и стрельбы на улицах, стали радовать полицейскими отчетами по наведению в городе порядка. Описаний крупных дел, задержаний матерых преступников и других полицейских подвигов в прессе нет, зато имеется множество мелких заметок.

Методы неистового Бернхарда

Бернхард Петрович наводил в Новониколаевске правопорядок железной рукой. Методы его были крайне просты и столь же действенны. Они до сих пор в ходу у полиции. Представьте себе кабинет, где за столом сидит опер, а перед столом, на небольшом удалении, подозреваемый, который ни в чем сознаваться не хочет. Уже и угрозы прозвучали, и лампу настольную ему в лицо направили. Но прежде юридическая наука требует установить необходимый для общения контакт, создать деловую атмосферу, в которой один задает вопросы, а второй на них отвечает. В лучшем случае кандидату на скамью подсудимых вежливо предлагают попить или закурить. В худшем опер бьет «аккуратно, но сильно», и до подозреваемого доходит, что дальше может быть только хуже. И кража (грабеж, убийство) раскрыты. Нечто подобное практиковал и Висман. Он искренне считал, что сибирская криминальная публика слов не понимает. Если жулик урок не усваивал, то во второй раз в ход шла самодельная резиновая дубинка — «резина».

Полицейские «колотушки» неистовый Бернхард считал панацеей от любых правонарушений и часто перебарщивал. Как-то в кабаке, «курируемый» полицией, заглянул портной Кузнецов — выпить бутылку пива, но при этом клиент отказался снимать верхнюю одежду. По жалобе кабатчика находившийся рядом полицейский решил преподать нарушителю правила кабацких приличий: портного отконвоировали до участка, где избили «резинами». Зафиксировав побои, портной стал жаловаться в инстанции, а в итоге был выслан из города и разорен. Часто жертвами полицейского произвола становились извозчики-лихачи. За лихую езду в сумерки и во хмелю полицейские наказывали их «резинами», или штрафом в 50 копеек, или изъятием прав на езду (с последующим выкупом), или суточной отсидкой в каталажке. А пока возница отсиживался и отрезвлялся, чины гоняли на бесхозной лошади по своим делам и не кормили ее, выводя савраску из строя. Вопрос в соразмерности «административного» наказания нарушению правил поведения в общественных местах и на дороге. Но что делать, если люди слов не понимают, а «резина» творит чудеса?

Жаловаться на то, что ты украл, а тебя за это бьют, было некому. Многие новониколаевские жулики разъехались по соседним городам, с более лояльными полицейскими, а оставшиеся воришки поутихли, но не успокоились, изредка проверяя нашего полицейского на прочность. На самого полицмейстера исподтишка покусались несколько раз: через забор бросали в него булыжники, на

улицах и в трактирах кидались с ножами. Бывал он и в перестрелках. Поэтому Висман жил в управлении полиции, квартировал на втором этаже. После жестких расправ над неправыми жильцами и залетными гастролерами город похорошел, вечерами в нем можно было безбоязненно гулять под ручку с возлюбленной, а утром проснувшаяся заря освещала идущий на работу люд, а не разбросанные трупы убитых. Неудивительно, что после такого успеха на ниве искоренения преступности Висман стал быстро продвигаться по службе.

Следует понимать, что обработка подозреваемых дубинками была крайней мерой. В основном в деятельности новониколаевского полицейского управления преобладала текучка. Немалое внимание придавалось агентурной работе. Как следовало из доноса оппонентов Висмана, «здесь при широком сотрудничестве содержателей притонов и их девиц и множества темных личностей удастся довольно быстро обнаруживать кражи на мелкие суммы и вообще несложные преступления, причем каждое такое обнаружение тотчас же афишируется посылаемой в местную газету заметкой, которая читается и в губернии и делает свое дело».

Боролся храбрый полицейский и с незаконным проживанием. Часто домовладельцы скрывали незаконных квартирантов — за повышенную плату. Поиманного с поличным домовладельца подвергали административному штрафу в размере 10—30 рублей, а в случае несостоятельности следовал арест на срок от пяти суток до двух недель. Также нередко задерживали горожан за незаконное ношение оружия. Поскольку вооруженной рукой легче отбиться от хулигана, носимый арсенал новониколаевцев был очень разнообразным — от кистеней, кастетов и ножей до пистолетов и ружей. За холодное оружие наказывали теми же десятью рублями. За незаконное огнестрельное оружие в казну шли двадцать пять рублей.

Помимо прямых обязанностей по обеспечению безопасной жизни в городе Висман отвечал перед губернатором за другие направления деятельности. Функции полиции тогда были необычайно широки — кроме предупреждения и раскрытия преступлений, поимки преступников и розыска похищенного имущества полицейским вменялась, например, борьба с хищническим истреблением диких животных, а также присмотр за прессой в плане исполнения требований цензуры. Не допускал Бернхард Петрович и самовольного ценообразования: в июне 1909 года совместно с городским управлением полицмейстер вынес постановление о запрете повышения цен на продукты первой необходимости. Само собой, в орбите внимания полиции — выгребные ямы, выбрасывание мусора, обустройство и чистка тротуаров... Так что часто Висман был един во многих лицах и с определением «главный» — лесничий, санитарный врач, дворник, коммунальщик, золотарь, цензор, пожарный.

Страшный пожар 11 мая 1909 года стал для города настоящей бедой. Огонь уничтожил 794 дома с приусадебными постройками, в пепел превратились 22 квартала. Убытки оценивались в пять миллионов рублей. Незадолго до этого тот же Висман по поручению городской управы занимался «приведением в надлежащий вид пожарной команды» и даже получил за это благодарность от губернатора. С реальной угрозой городу подопечным Висмана совладать не удалось. Вслед за пожаром началась эпидемия тифа, к которому присоединилось мародерство непугливых новониколаевцев, которые были не прочь стянуть вещи, оставленные без присмотра. Мародеры раздевали упавших на улицах

больных и уже окоченевшие трупы, чтобы продать носильные вещи на рынке, не задумываясь о том, что тем самым разносят инфекцию. С волной грабежей и мародерства справиться смогли не сразу, несмотря на то что из Томска прибыли на усиление четыре околоточных надзирателя. Полицейские провели массовые обыски в некоторых домах, в которых изъяли не принадлежащую хозяевам одежду, требующую специальной санитарной обработки (прожарки). А ведь горожан заранее предупреждали о добровольной выдаче похищенных с тел вещей, и было уведомление о том, что всех, у кого будут найдены чужие гардеробы, привлекут к уголовной ответственности.

Всерьез заняться всеми городскими проблемами Бернхард Петрович смог в июле 1909 года, когда произошла долгожданная реформа новониколаевской полиции и утверждение новых штатов, хотя уже в мае местная пресса стала называть Висмана полицмейстером. Приказ о его назначении выйдет задним числом — 6 июня 1909 года. В этом году штат полицейских вырос до 79 человек при населении 54 000 человек. Реноме Висмана в период назначения было на высоте. В газетах публиковались письма обывателей, хваливших установившийся в городе порядок. Исследователь Вадим Сеницын видит в этом пиар, организованный самим цензором-полицмейстером и его окружением. На фоне восхваления пришлого немца летят камни в огород читающей пассивной публики, которая всегда себе на уме и городские проблемы обходит своим вниманием. Так, в газете «Сибирская жизнь» писали: «При такой инертности к общественно-городской жизни со стороны дипломированных горожан город постепенно делается грязным вертепом, с безобразным пьянством и отвратительным развратом. Пьянство и разврат повсюду — и в номерах, и в пивных, и в мелочных, и в бакалейных лавках. Правда, с примерной настойчивостью и энергией ведет борьбу против этого ужасного зла местный полицмейстер Б. П. Висман, но одни полицейские меры с корнем зла не вырвут: необходима культурно-просветительская работа интеллигенции, а интеллигенция позорно спит непробудным сном...»

Сеницын указывает на нарочитую исполнительность новоиспеченного полицейского начальника. Как только 2 сентября 1909 года губернатор утверждает изданные Томской губернской санитарно-исполнительной комиссией правила о мерах предупреждения и борьбы с холерой и чумой, из Новониколаевска десятками начинают сыпаться составленные полицией протоколы о невычищенных выгребных ямах и неубранном мусоре. Ни один из других губернских городов не проявляет такого «санитарного» рвения. Вместе с тем куда-то пропадает регулярная отчетность по незаконным квартирантам. Прекращаются задержания новониколаевцев за незаконное ношение оружия. Бернхард Петрович, как истый служака, остро чувствовал политический момент и умел держать руку на пульсе губернского начальства.

С любым начальником полицмейстер старался быть на дружеской ноге. Это отмечали его оппоненты: «Висман старается расположить к себе начальников различных частей и разных влиятельных лиц всякого рода услугами и предупредительностью, чтобы в нужный момент получить от них лестную аттестацию и заступничество». Например, бурная реакция на обращение местных жителей в полицию по поводу того, что в ресторане «Новый свет» громко играет музыка, происходила неспроста. Этот ресторан конкурировал с питейным заведением Бориса Чиндорина, с которым Висман был в доле, а посему «Новый свет» часто менял локацию. Как-то этот трактир помещался в доме Маштакова

на Михайловской улице, но жившему неподалеку от него жалобщику — барабанная дробь! — начальнику новониколаевского гарнизона полковнику Чижу такое соседство не понравилось, и в угоду Чижу полицмейстер закрыл увеселительную точку. Он потребовал ее переноса на новое место и не смутился тем, что помещение было арендовано на три года за 420 рублей в год и деньги были уплачены. Владельцы трактира приискали на той же улице новое помещение, в котором возобновили ресторацию с музыкой, но уже через два дня после открытия полковнику Чижу снова не понравилось кабацкое соседство и Висман снова закрывает ресторан... Знай наших!

И с губернатором на дружеской ноге

Поскольку Висман с большим пиететом относился к властям предрержащим, томские губернаторы Карл Станиславович Нолькен, а затем Николай Львович Гондатти держали нашего полицейского в фаворе. Как это важно — иметь под рукой верных людей, и как это значительно — попасть на заметку к важному лицу, чтобы тебя двигали по службе. В мае 1908 года Новониколаевск посетил томский губернатор генерал-майор Нолькен, который проинспектировал местную полицию. Очевидно, что отношения между инспектором и инспектируемым складывались в традиционной плоскости.

Губернатору представили на смотр полицейскую команду, ночную охрану города и пожарный отряд. Отзыв Нолькена был пространным и лестным: «Люди проверялись в стрельбе из револьверов и умеют владеть оружием. Произведенные при мне движения были стройны, ответы толковы, во всем видна заботливость и дисциплина. В Ново-Николаевске, как мне известно, за последнее время прекратились грабежи и убийства, жители города имеют возможность безопасно передвигаться по городу во всякое время дня и ночи, и представившаяся мне депутация горожан и купечества засвидетельствовала свою благодарность за введение новых условий в городе, благодаря организации полиции под руководством вновь назначенного заведывающего. Относя виденное и известное мне о Ново-Николаевской полиции к энергии и усердию заведывающего полицейскою частью коллежского регистратора Висмана, считаю своим приятным долгом выразить ему на это свою благодарность. Но на достигнутых успехах не следует останавливаться, надо продолжать работать дальше, следует обратить внимание на обмундирование полицейских чинов, их расквартирование и т. п. Конечно, только утверждение штатов Ново-Николаевской полиции позволит доверить дело организации этого необходимого института общественной безопасности». Благодарность получили также начальники всех трех пожарных частей — за труды на пользу жителей Новониколаевска, который вскоре выгорел от упоминавшегося пожара.

Однако Нолькена скоро перевели в Могилевскую губернию, ближе к фамильному имению. Сменивший Нолькена новый томский губернатор Н. Л. Гондатти привнес в работу полиции новые благодатные веяния. Дело в том, что 11 ноября 1908 года император всероссийский разрешил Совету министров исключить Новониколаевск из списка городов с «упрощенным общественным устройством» и применить к городу правила Городового Положения 1892 года об общественном управлении в полном объеме. Это значит, что полицейский штат мог увеличиться до 200 человек. Но реорганизация произошла не сразу.

В декабре 1908 года Николай Львович первый раз посетил Новониколаевск, но в списке посещенных им мест полиция не значилась. Однако в феврале 1909 года Бернхард Петрович и его подчиненные Чукреев и Зуевский получили от губернатора благодарность «за отменно-усердную службу и выдающуюся энергичную деятельность по обнаружению преступлений». Эта благодарность последовала после раскрытия громкого дела о фальшивомонетничестве.

Почти через год губернатор все-таки проинспектировал полицейские части Новониколаевска. В приказе № 233 от 12 ноября 1909 года отмечено: «За время пребывания в г. Ново-Николаевске 2—4 ноября текущего года я лично убедился в прекрасной там постановке наружной полицейской службы и видел молодежь, дисциплинированную, знающих свое дело нижних чинов, как дневной, так и ночной охраны, за что выражаю и. д. Ново-Николаевского Полицмейстера Коллежскому Регистратору Висману мою искреннюю благодарность, а нижним чинам объявляю спасибо». Однако «спасибо» на хлеб не намажешь. Как поняли Висман и его подчиненные, награждать себя за труды требуется самостоятельно. В биографии Бернхарда Петровича сохранились три ярких показательных эпизода, толкнувшие полицейского на скользкую дорожку личного обогащения.

Полицмейстер обижается

Первый эпизод. В 1906 году, как считает Сергей Слугин, разыскавший эту историю в московских архивах и, к сожалению, ссылку на источник не оставивший, Бернхард Петрович поехал в отпуск на родину, в Латвию. Ехал в поезде до Москвы и почти перед самой Белокаменной, войдя в свое купе, увидел незнакомого человека. На вопрос, что он тут делает, незнакомец поднес к горлу Висмана финку. Но он не знал, на кого напал! Привыкший к общению с подобной публикой, ударом кулака Висман повалил преступника и повязал его. Оказалось, был пойман знаменитый поездной грабитель Тимофей Шабанов. Последней дерзостью Шабанова было ограбление в купе жандармского поручика, после чего для жандармов поймать такого виртуоза стало делом чести. А тут — искомое лицо поймал безоружный пристав из провинциального сибирского городка. В итоге к награде представили непричастных жандармских офицеров. А Висману нагрубили и отправили к матушке в Ригу.

Второй эпизод. Летом 1908 года, уже в должности пристава Новониколаевска, Висман вышел на жестокого бандита Лодзинского, которого разыскивали по всей Сибири. Гастролер грабил и убивал в Иркутске, Красноярске и Томске. Агентура донесла, что Лодзинский скрывается у любовницы в двухэтажном доме в Нахаловке (сейчас это район Новосибирского института усовершенствования учителей). Полицейские, ведомые Висманом, уже собирались ломать двери, когда увидели, что бандит в кальсонах спрыгнул со второго этажа и побежал. Погоня не отставала. Преступник стал стрелять и смертельно ранил одного из полицейских, а самому Висману прострелил шинель в двух местах. Бандита поймали, но никакой награды за успешное задержание Бернхард Петрович не получил.

Эпизод третий. Не будучи профессиональным сыщиком, Висман сумел создать агентурную сеть, которая позволила ему обезвреживать преступные сообщества. Осенью 1909 года громкий общественный резонанс имело «дело

фальшивомонетчиков» шайки Шкумата, обосновавшейся в Закаменке (нынешнем Октябрьском районе Новосибирска). Это была артель слесарей-кузнецов, которая занималась изготовлением медных денег. Порой даже ушлые приказчики не могли отличить сделанные ими монеты от настоящих. Скупой губернатор Гондатти потрудился красочно расписать разоблачение шайки в приказе и «по достоинству» наградил полицейских: «...получив сведения, что владелец кузнечно-слесарной мастерской крестьянин Апполинарий Шкумат при участии других лиц — Протопопова и Скиперского — занимается выделкой фальшивых монет, установили за ним строгое неослабное наблюдение. ...благодаря своим энергичным и умелым розыскным действиям полицейские чиновники задержали вышеупомянутого Шкумата и сообщников во время самой работы по изготовлению фальшивых монет, причем была обнаружена вполне оборудованная мастерская: наковальня с оттиском шлифовки, набор стальных букв, формы из гипса для отливки монет, 10 фунтов сплава» и т. п. Под руководством Висмана полицейские выследили и накрыли шайку, постучав в дверь в самый разгар работы фальшивомонетчиков. За это дело Висман получил скромную и потому обидную благодарность. А его подчиненные — опять «спасибо».

Обиду от чиновничьего равнодушия к его реальным заслугам Висман с лихвой срывал на подопечных. Пример первый. Шапочника-еврея Самойлова полицмейстер обложил двойным «налогом» по двум «подходящим» причинам: во-первых, это еврей, зависимый от полиции ввиду нарушения им черты оседлости; и во-вторых, это производитель шапок, имеющий определенный доход, которым обязан «делиться», так как сидит на территории, контролируемой полицмейстером. Мало того что бедный шапочник каждый год шил шапки к сезону для всех полицейских, так еще и платил 50 рублей в месяц Висману на лапу. Но Самойлов не жаловался на свое бесправное положение. Ибо это Сибирь. Но когда против полицмейстера восстало все новониколаевское общество, факт этого «двойного» побора стал уликой против высокопоставленного взяточника.

Пример второй. Владелец упоминавшегося выше ресторана «Новый свет», из греков, пожаловался губернатору не на вымогательство как таковое (!), а на «чрезмерное вымогательство» полицмейстера, на что Висман, узнав о жалобе, ответил тем, что отобрал у грека паспорт, арестовал его как беспаспортного бродягу и выслал из Новониколаевска, отправив по этапу в глубокую Сибирь.

Пример третий, потрясающий. Эта история наглядно показала, что дьявол кроется в деталях, а «остзейский черт» смешон в мелочах. Об этом случае стали судачить в Новониколаевске, а губернатор Гондатти, узнав о «дьявольской мелочи», наверняка брезгливо поморщился. Не в том была печаль, что Висман притеснял местных трактирщиков в угоду своему компаньону, ресторатору Чиндорину, а в том, что вымогаемые деньги он требовал буквально до копейки, действуя при этом силы полицейского аппарата — не на исполнение службы, а для удовлетворения мелкого личного меркантилизма. Трактирщик Сушкевич при открытии торговли стал платить регулярную дань полицмейстеру, однако питейные дела не пошли, и трактирщик «задолжал» с выплатами. Оппоненты Висмана писали: «После нескольких безрезультатных напоминаний Сушкевичу и вызовов его в полицию, Висман послал в трактир часов около 9 вечера наряд полиции, ворвавшийся сюда с криком “Руки вверх!” и с направленными дулами револьверов. Полиция арестовала при этом самого Сушкевича и находившихся в трактире 15 посетителей, которые были отведены в каталажку и выдержаны в течение

суток. Висман вызвал к себе Сушкевича из каталажки и потребовал с него 150 р., угрожая сгноить его, если не уплатит этой суммы. Сушкевич занял у разных лиц эти деньги через свою жену и внес их Висману, и тогда был освобожден. Он платил ему затем по 25 р., по 40 и 100 р., вызываемый повестками в полицию, где то Висман, то Чукреев назначали ему сумму. Так он платил, пока не разорился и не прекратил дела, вынужденный продать всю обстановку трактира за бесценок настоящему владельцу Чиндорину, бойко торгующему в компании с Висманом. За 1 год и 3 месяца торговли Сушкевич переплатил полиции 1400 руб. Характерна одна подробность. Раз Сушкевич принес Висману 39 руб. вместо 40 р.: не было денег. Висман потребовал доставки рубля немедленно. В это время в трактире успели наторговать рюмками несколько мелочи, которая и была отнесена по назначению». Этим беспощадно выданным из горла Сушкевича рублем полицмейстер сжег за собой все мосты. От него отвернулись и губернатор, и почтенная публика, славившая его за избавление города от бандитизма.

Занятое получилось полотно. Несправедливость начальства, обходящего героического полицмейстера заслуженными наградами, вызвала у обойденного реакцию в виде желания самому себе «назначать вознаграждение». По состоянию на 1910 год у него в казначействе на книжке лежит 7 327 руб., в отделении Сибирского торгового банка свыше 32 000 руб. и в Ригу увезено и положено в банк на имя матери 80 000 руб. Сначала, в феврале 1910 года, ввиду поступивших многочисленных данных негативного свойства губернатор Гондатти перевел Висмана на службу в Томск, а уже в марте бывший полицмейстер на фоне не стихающих обвинений в свой адрес подал прошение об отставке, которое моментально удовлетворили. Вместе с ним ушла в отставку и вся «полицейская шайка». Правая рука — Петр Чукреев — так же, как и его патрон, через перевод в Томск, а прочие мздоимцы в погонах — Яковлев, Зуевский, Курницкий и другие — подали прошения, оставаясь в Новониколаевске. Не обошлось и без слива компромата со стороны черносотенцев.

О «Союзе русского народа»

Это «черное» движение возникло после того, как в 1905 году начались забастовки, брожение в крестьянстве и в армии, вооруженные выступления трудящихся, нападения на полицейских и их убийства. Основу его составляли косные люди, сносно устроившиеся при царизме, имевшие лавки, дома и другой мелкий бизнес, глядели в окна и ужасались тому, как с грохотом витрин, стрельбой на улицах и отсутствием хлеба в магазинах рушатся старые порядки, а новые перемены ничего хорошего не сулят. Купцы, лавочники, лабазники, приказчики, мещане и прочие представители социальных прослоек с некоторым жирком на боках решили взять свою судьбу в свои руки, опираясь на незыблемые и хорошо известные ориентиры: царь, православие, русский народ. Врагами они считали тех, кто всю эту бучу затеял: студентов, революционеров, агитаторов, забастовщиков, атеистов, людей передовых, а значит, тлетворных взглядов, демонстрантов с красными знаменами и, конечно, евреев, которые, как известно, «бога продали и Христа распяли, им и отвечать». Этот сплоченный «царский, православный и русский» отряд окрестили черносотенцами по «исторической» причине: на Руси «черной сотней» называли тяглое посадское население городов, и именно оно по призыву Минина и Пожарского в свое время составило

народное ополчение, которое деблокировало Москву и спасло Русь от нашествия польских интервентов.

В Новониколаевске в Союзе русского народа (СРН) состояло сорок человек. «Голову» составляли местные купцы и домовладельцы: председатель Семёнов и прочие именитые мужи — Поляков, Копылов, Мешков. Они создавали потребительские общества, организовывали сбор средств голодающим, а также устраивали чайные-читальни в целях просвещения народа. Из идеологических соображений они срывали в городе проведение лекций на новомодные темы: «о крепостном праве в России», «о проблеме пола», «о пробуждении женщины», «о свободной любви». И в то же время очень сокрушались, не понимая, почему на «здоровых» лекциях, которые черносотенцы организовывали на собственные средства, не было публики. В Гражданскую войну в Сибири люди из «черной сотни» вместе с белыми офицерами, эсерами и меньшевиками ловили, арестовывали и избивали большевиков. С победой советской власти это движение исчезло, так как русский народ остался, самодержавие расстреляли, а православие вошло в полосу жутких гонений.

И снова о компромате

Новониколаевские члены СРН к 1910 году через столичную типографию Альтшулера, что на Фонтанке, 96, ославили Висмана на всю Россию, напечатав в брошюре под названием «Обыкновенная история. (Из мемуаров Ново-Николаевской полиции)» всевозможный (лживый и правдивый) компромат на нехорошего полицмейстера. Из пятнадцатикопеечной брошюры, представляющей собой отгиск большой статьи из шестого номера журнала «Сибирские вопросы» за тот же 1910 год, читатели узнали о полицейском произволе в провинциальном сибирском городе. На публикацию повлиять Висман не мог — еженедельник издавался в Санкт-Петербурге на средства иркутянина В. П. Сукачева, неподконтрольного местным властям.

Мы не случайно упомянули о всевозможном компромате, поступившем на героя публикации. Да, Висман использовал служебное положение в корыстных целях. Пока шло разбирательство по Висману и его команде, пока двое госслужащих — каинский исправник Баранов и чиновник особых поручений Козлов — по распоряжению Гондатти явились в город для расследования, общество уже вчиталось в опубликованный компромат. Прочитируем черносотенную публицистику: «У земской квартиры, где оно (расследование. — Ред.) ведётся, с утра и до вечера стоит толпа народа, ажитируемая ужасающими подробностями эпопеи произвола, разврата и грабежа представителей власти и блюстителей порядка...» Было отчего перешептываться обывателям. В итоге более 100 потерпевших горожан подали более 300 жалоб на имя губернатора, упирая на организованные Висманом поборы с гонимых евреев, с домов терпимости (которых развелось 113 вместо положенных 7), с ряда трактиров и ресторанов и многих домовладений. Полицеймейстер имел также долю, затягивая выдачу разрешительных документов и паспортов, потворствуя незаконной виноторговле, обстрипывая страховые делишки, вынося незаконные постановления о штрафах. Зарвавшийся полицмейстер изнасиловал молодую жену огульно арестованного поставщика товаров для больницы! По его приказу насмерть исполосовали «резинами» упирающегося «должника»!

Однако подобно тому, как полицмейстер жил в городе и наводил в нем порядок, смешивая неправовые методы воздействия на преступников с личными преступлениями против горожан, так и «союзнники» намешали в головах горожан правды и вымысла, фактов и побасенок, здоровых зерен и плесневелого сора. Все страшные наговоры насчет «откровенного полицейского грабежа и чудовищного произвола», сделанные под присмотром черносотенцев, теряют юридическую силу, когда придирчивый читатель проанализирует последовательность протекших событий.

Упомянувшийся портной Кузнецов, исполосованный «резинами» и «с разорванной кожей на голове», — каким образом он мог рассказать черносотенцам о своих злключениях в полицейском участке? Ведь он разорен и давно выслан из города. То же самое в отношении малоросса Полевика, неудачного владельца трактира «Москва», где шла бойкая игра в лото, бикс, карты, в фортунку и одного пива продавали шальным игрокам до 450 ведер в месяц. Говорится, что Полевик умер, исполосованный резиновой дубинкой за то, что перестал платить Висману оговоренную мзду. Однако как мертвец мог рассказать дознавателям о своей гибели?

Из какого далёка рассказал о своем разорении «содержатель трактира третьего разряда Кондратьев», который из-за произвола полиции бросил свое заведение с обстановкой и темной ночью сел в поезд и уехал в Россию? Не выдерживает критики донос экипажного мастера Кучина, который одолжил Висману триста рублей, но вместо отдачи долга полицмейстер предложил заимодавцу такую комбинацию: он проведет через городскую думу постановление, чтобы все кареты чинились у Кучина. С чего это Кучину возводить на Висмана хулу — зачем пилить сук, на котором сидит курица и несет каретнику золотые яйца?

Разоренные именитые рестораторы и мелкие трактирщики Лапшин, Зайцев, Быков, Поваженко, Бабаянц и Гришаев, жалуясь на поборы со стороны Висмана, сами себя вымазали грязью. В отчетах о работе своих питейных заведений они сообщили, что «открыто торговали водкой, на что не имели права», и платили Висману за то, что он закрывал на это глаза. Но выплаты оказались разорительны.

Ряд жалоб на полицмейстера и его присных шел от нечистых на руку домовладельцев. Авторы компромата на Бернхарда Петровича сначала выдают эмоциональную сентенцию о жадной полиции, затем приводят недостаточный пример, а после выдают умозаключение, лишённое логики. Судите сами: «Редкий домовладелец не рискует попасть в обработку полиции, шмыгающей по городу с целью уловления. Поводы к прицепке всегда находятся». Например, описан визит полицейского Курницкого в дом железнодорожного кондуктора Пашинина, где визитер с погонами обязывает сделать у дома тротуар, требует у присутствующих в доме людей паспорта и у двух гостей не обнаруживает документов. Курницкий составил акт, губернатор его подписал. Пашинину грозит отсидка в каталажке, пока он не уплатит пятидесятирублевый штраф. Все по закону. А «черносотенные» выводы по этому случаю таковы: «И таково положение каждого обывателя, у которого всегда найдется сор во дворе, неисправная помойная яма, тротуары, гость, случайный посетитель, что-нибудь, за что можно из человека вытягивать если не жилы, то деньги». Выполняйте установления закона — и не будет полицейских «придинок», «прицепок» и «крючков»! Уберите из антивисмановского посыла обидные эпитеты («шмыгающая полиция», «казнь

египетская»), дешевые штампы («с целью уловления», «поводы к прицепке», «таскать в полицию») и т. д. — и неблагодарная полицейская работа проявится во всей простоте. Зачем спорить с полицейским, когда он прав? А черносотенцы только нагнетают негатив эмоциями, восклицаниями и подтасовками.

«Рыскающая по городу шайка»

Правда полицмейстерской истории состоит в том, что Висман и сам виноват, распустил своих подчиненных. В новониколаевском полицейском ведомстве многое было направлено на извлечение преступной прибыли. Так, мудрый Висман сдал некоему полицейскому писцу Плешивцеву целое паспортное отделение в «аренду»! Писец и его компаньон наняли еще тринадцать писцов, и пошла писать губерния. Всю выручку (то ли левую, то ли законную — по доносу непонятно) от паспортной работы писари собирали в кружку, а в конце месяца вскрывали ее. Удовлетворив нанятых писцов 15—30 рублями жалования, троица в составе Висмана, Плешивцева и их компаньона делила остаток, и на каждого выходило по 150—200 рублей.

При таких левых деньгах Плешивцев даже отказался в пользу работодателя Висмана от официальной месячной зарплаты в 40 рублей. У него, еще недавно «голового бедняка», появились собственный дом, доля в махорочной фабрике и 8 000 рублей на счете в банке (не сам ли писарь публично похвастался своим финансовым благополучием, чтобы подвести работодателя под монастырь?). При такой подаче материала непонятно одно — куда делась сумма, состоящая из уплат гражданами госпошлины за новые паспорта, штрафов за утерю документов и пеней за просрочки подачи заявителями справок при переоформлении? Ответ на этот вопрос журнальная статья не дает. Черносотенцы не удосужились здраво оценить предназначенную для печати клеветническую фактуру.

Попеняли жалобщики Висману и на то, что мелкие преступления он и его сыщики быстро раскрывают, поскольку им докладывают агентессы «с пониженной социальной ответственностью» из кабака Чиндорина. Отчеты об этом Висман тискал в местной прессе, и ему удавалось впечатлить губернатора приемлемым течением полицейских дел. А вот раскрытие крупных преступлений оказалось коррумпированной полиции не по зубам, злорадствовали «союзники»: «Было здесь, например, ограбление сборщика винных лавок на 27 рублей, недалеко от города. Хотя оно совершено днем, почти на виду у крестьян и недалеко от деревни, никаких следов преступления не найдено: 5 грабителей, орудовавших в двух экипажах, канули, как в воду. Была крупная кража у купца Сурикова золотых вещей на сумму около 17 000 рублей и из них найдена лишь незначительная часть, а остальное, как говорят, разошлось по рукам самой полиции». В этом абзаце замечательна ремарка — «как говорят». Т. е. это слухи, домыслы, догадки. Неужели с материалами дознания, основанными на том, что «одна бабка сказала», возможно судебное следствие? Оказывается, возможно, поскольку дело передали в суд.

О разошедшихся по рукам полицейских золотых изделиях сказано не случайно. Вслед за Висманом «черная сотня» стала топить его подчиненных. Того же полицейского чиновника Курницкого, который не любил пьяных ямщиков, потчывая их «резиной» и заключая под стражу с последующим вымогательством денег за возврат прав на «вождение кобылы». Так вот, если у купца Сурикова золото

исчезло, то у Курницкого оно появилось. Он якобы хвастал одной женщине, что у него одних золотых колец двести штук припрятано. Не отставала в незаконном обогащении и его дражайшая половина: пока муж стоял «на стреме», женщина вошла в магазин Маштакова, торгующий тканями, стащила с прилавка штуку шелковой материи, спрятала ее в юбках и вынесла на улицу. Однако одной верткой жены Курницкому было мало: он посадил в каталажку одного приказчика, затем явился к нему домой и изнасиловал приказчикову жену под ее крики: «Барин, я беременная!»

Это еще что! По рассказам черносотенцев, околоточный надзиратель Падьяновский, зная, что хозяин на работе, явился в дом сторожа склада сливочного масла фирмы «Лунд и Петерсен». Он пришел, чтобы изнасиловать жену сторожа и заразить ее сифилисом (!), и позорную тогда болезнь женщина долго лечила. В «насильственной» практике новониколаевской полиции первенство остается за Курницким, который напал на еще двух женщин. У Висмана и Падьяновского — всего по одной результативной попытке. Пьяный Курницкий с не менее пьяной гулящей бабенкой в обнимку будто бы явились в два часа ночи в трактир, всех перебудили и потребовали банкета. Не дождавшись горячего, полицейский набросился с сексуальными намерениями на спящую горничную, но девушка убежала. Тогда насильник напал на хозяйку трактира, которая принесла подогретые блюда, но и та убежала от греха подалее вместе с обескураженным мужем, фамилия которого уже упоминалась — Сушкевич. Вот какие шалуны служили в новониколаевской полиции! Интересно, каким будет приговор суда за подобные «полицейские развлечения»?

Чтобы завершить затянувшуюся полицейско-кабацкую тему, коснемся отношений Висмана и его фаворита ресторатора-театрала Бориса Чиндорина. По некоторым данным, мужчины познакомились в начале XX века, когда Висман навел правопорядок в Каинском уезде, а Чиндорин был буфетодержателем поблизости, на станции Чулым. После Чулыма Б. Д. Чиндорин всплывает в Новониколаевске, где становится владельцем театра «Яр», при котором работают ресторан, читальня и отдельные номера для приятного времяпровождения. Ресторан при театре именуется также трактиром, но вот что интересное подметили черносотенцы: «В этом трактире все позволено. Он имеет номера и служит проституционным домом, в котором происходят кутежи с девицами; здесь по целым ночам до позднего утра играют в карты и в так называемую фортунку; здесь находится узел различных тайн местных купцов, чиновников и дам; здесь, в лице Чиндорина, сосредоточено посредничество между всякого рода просителями и полицией; здесь задумываются, а если нужно, то и раскрываются кражи; здесь пьяного посетителя обирают по фальшиво составленному счету; здесь вытаскивают у него деньги, избивают и сбрасывают с лестницы, а если нужно, то и отправляют в каталажку при полиции для дальнейшей обработки. Это тот самый трактир, помимо которого ни один содержатель дома терпимости не может отпускать своих девиц на сторону». Далее черносотенная мысль задается вопросом: «Но не довольно ли?» А что тут сенсационного? Проститутки, кутежи, карточные игры, посредничество, кражи, дебоши, разбитые физиономии, обсчеты, строго утвержденное место встреч дам полусвета с клиентами...

Можно только похвалить полицмейстера за хорошо поставленную негласную работу в очаге порока и сбор оперативных данных, в которых полиция всегда нуждалась. В этом плане в помощь Бернхарду Петровичу в схожем вертеле

функционировал подземный ход, ныне забытый и окончательно засыпанный. Он находился в самом центре Новониколаевска — сегодня это улица Коммунистическая, 11. Старинный деревянный особняк с кирпичной боковой кладкой и ажурной аркой раньше служил борделем, с буфетом внизу и номерами наверху. В момент полицейской облавы велась оперативная игра, в ходе которой намеченные на проверку клиенты «улавливались», а не намеченные — по совету подученных полицией проституток убежали, натягивая штаны на ходу. Счастливец удачно скрывался коротким потайным подземным ходом. Так что, убежав, фартовые беглецы порой сами присоединялись к толпе зевак и интересовались, кого тут ловят, и часто встречались нос к носу со своими женами, раздраженными отсутствием своих невест где гуляющих мужей. Другое дело, что вся эта оперативная полицейская работа никем не проверялась, что позволило Висману и его присным пользоваться значными местами в личных целях, подворовывать у пьяных, в нарушение закона распускать руки и спускать с лестницы несогласных и протестующих, задумывать и сразу же раскрывать преступления, удерживая криминальную статистику от нежелательного падения. Висман руководил жизнью в Новониколаевске в меру своих способностей и испорченности.

Именно «колотушки» Висмана, истребившего уличную преступность, позволили театральному делу в Новониколаевске развиваться. Ведь после спектаклей в «Яре», в позднее вечернее время, некому было с проезжающих повозок накидывать петли на шеи возвращавшихся домой театралов в соболиных шубах или цеплять их баграми, как это было в Томске. 24 апреля 1908 года газета «Сибирские отголоски» под рубрикой «Собственные корреспонденции» восторженно писала: «Г. Ново-Николаевск. Энергично взявшийся за дело личной охраны обывателя новый миниатюрный штат городской полиции, работающий, нужно отдать справедливость, не покладая рук и не за страх, а за совесть, в какие-нибудь полгода достиг того, что преступность: кражи, грабежи, разбои, убийства, по сравнению с недавним прошлым, уменьшилась вдесятеро, при том почти ни одно преступление не остается нераскрытым. Стало много спокойнее, тише. Царившая в городе тягостно-мучительная паника если не исчезла совсем, то значительно ослабла, умалилась, а с недавним введением вооруженной конной и пешей ночной охраны обыватель стал, видимо, и совсем оживать: насмеливается выходить из своих жилищ не только по вечерам, но и в ночную пору. Верным показателем наступившего обывательского “успокоения” является имеющееся в городе единственное место для публичных развлечений — это театр “Яр” Чиндорина: очень недурненькое, уютное и довольно комфортабельно обставленное здание, вполне приспособленное для обслуживаемой им цели. До последнего времени театр этот, начавший функционировать лишь с января месяца настоящего года, отличался заметным безлюдьем, а теперь охотно посещается широкой волной наскучавшейся городской публикой...» Таким образом, криминальная связка полицмейстера и театрального деятеля меняла городскую жизнь к лучшему.

По мнению почтенной черносотенной публики, крупные экономические преступления тандемом Висман — Чиндорин совершались, но наказывать было некого. В уже упоминавшейся брошюре писали: «В компании со своим другом, опытным трактирщиком Борисом Чиндориным, они устраивают загородный шантан с певичками, слывший здесь под именем “театра”. Постройка “театра” и других зданий с обстановкой обошлась тысяч около сорока, а застрахован он

был в 55 000 рублей. Но удаленность от города, небезопасность ночных путешествий сюда и т. п. сильно влияли на посещаемость “театра”, приносившего одни убытки. Тогда здание “театра” горит, и дела в нем ликвидируются, а на полученную страховую премию той же компанией устраивается в центре города трактир, при небольших затратах приносящий большой доход, благодаря участию всеильного в Ново-Николаевске Висмана».

Эта история опять из той же серии «бабушка надвое сказала». Театр Чиндорина «Яр» действительно странно сгорел, и пожар начался с туалета. Но «Яр» находился в центре города, а не на окраине, куда добираться было далеко и опасно. Кроме того, «Яр» Чиндорин не построил, а купил. «Яр» в совокупности с рестораном, читальней и пристроенным публичным домом приносил не убытки, а одну прибыль. При этом удивляет работа неизвестного страхового общества, призванного учитывать риски деревянного строения. Или страхователь был с компаньонами в доле? Действительно, когда «Яр» сгорел, Чиндорин вложил в новую доходную недвижимость, однако к тому времени Висмана с должности уже убрали, и «доходы» со страховки и нового предприятия они делить не могли.

Во время следствия дознаватель Баранов даже вытребовал у Висмана золотые украшения молоденькой девятнадцатилетней жены поставщика больницы Гранова, которого грозный полицмейстер арестовал за найденный в доме сломанный револьвер. Помимо неисправного оружия, полицейские прихватили из дома «разные золотые вещи, часы и прочее», и Висман, якобы чтобы возвратить взятые при обыске вещи, пригласил понравившуюся женщину в свою квартиру на верхнем этаже полицейского управления. Это была ловушка. Вынув из ящика стола двое часов, три кольца и браслет, хранитель ценностей набросился на женщину, повалил на пол и изнасиловал.

Что ж, улики налицо, дождемся приговора...

Черносотенный айсберг

Ранее отмечалось, что дознание и судебное следствие шли целых четыре года. Между тем в этот период стала вскрываться подоплека, с одной стороны, справедливого, с другой — клеветнического «наезда» на новониколаевскую полицию и ее начальника. Хотя бы сам факт того, что официальные приказы о назначении Висмана полицмейстером вышли только осенью 1909 года и той же осенью, как бы в ответ на это нежелательное назначение, члены СРН стали собирать заявления от купцов и обывателей, пострадавших от полицейского произвола. К чему такая скорость в компрометации? Все дело в политической борьбе. Как справедливо отмечает Вадим Сеницын, партийные черносотенные газеты обещали «непоколебимо стоять за “Православие”, “Самодержавие” и “Русскую народность”». Исследователь привел показательную цитату из рекламы подписной кампании газеты «Сибирская правда» за 1911 год с призывом: «...потому энергично... бороться с засилием иноверцев, иноплеменников и жидов». А остзейский немец Висман, вставший во главе городской полиции, не устраивал СРН не только по идеологическим соображениям. Главное было утопить зарвавшегося чужака, заработать на этом политический капитал, тем более что тевтонец не прижился в Сибири, стал много хапать, и это возмутило обывателя. Политика — занятие грязное, здесь подтасовки и передергивания — обычное дело. Пущенный с горы большой грязный ком, слепленный из правды

и клеветы, был призван раздавить Висмана и его «шмыгающую по городу шайку». Расчет себя оправдал. Однако вклад «Союза русского народа» в историю Новосибирска — тема отдельного исследования.

Наказание и последствия

В 1914 году в Новониколаевске состоялась выездная сессия Омской судебной палаты, заслушавшей уголовное дело о бывших полицейских чиновниках города Чукрееве, Зуевском, Курницком, Добогрее, Пацяновском, Кольчугине и Попове во главе с полицмейстером Висманом. Инкриминировали им многое: вместо семи официально разрешенных домов терпимости полицейское управление допустило существование 113 публичных домов, владельцы которых платили полиции от 5 до 300 рублей в месяц. Полицейских судили за преступные связи с содержателями домов терпимости, взятки, изнасилования и незаконные штрафы, о чем подробно говорилось выше. Однако обширное судебное дело по Висману и его бывшим подчиненным, судя по итогам электронного поиска, в омском госархиве не сохранилось. Так что сравнить «черносотенные» данные с установленной судебной истиной не представляется возможным. Известно лишь, что в апреле 1914 года вынесен приговор — восемь месяцев арестантских рот Висману и его бывшим сослуживцам. Наказание более чем мягкое. Лишь за одно такое тяжкое преступление, как изнасилование, согласно «Уложению о наказаниях уголовных и исправительных» в редакции 1885 года в статье «О преступлениях против чести и целомудрия женщин старше 14 лет» назначалось от четырех до восьми лет каторги. А тут наказание ниже нижней планки! Впрочем, на суде виновные могли легально откупиться оговоренными с жертвами суммами, что, очевидно, и произошло. Той же жертве насилия лучше получить отступные, чем удовлетвориться осознанием того, что обидчик рубит руду в каком-нибудь Акатуе.

Стало ли в городе жить лучше после Висмана? Обратимся к тогдашней прессе. Газета «Сибирская жизнь» писала, что ситуация развернулась в обратную сторону и некая стабильность, достигнутая первым полицмейстером, сменилась новым уголовным разгулом. Разогнанные «резинами» преступники возвратились на места своего промысла — на улицы вернулась криминальная вакханалия. Читаем: «Минувшая Пасха ознаменовалась несколькими зверскими убийствами и рядом нахально-дерзких грабежей. Ночью с 21 на 22 апреля (1914 года. — Ред.) убиты старики Чубуньевы — сам и жена, тому и другому по 55 лет, их сын с женой, их дочь и внучка 8-ми лет. Другая дочь старика Чубуньева — девочка 14-ти лет — осталась живою, но в бессознательном состоянии от нанесенных ударов в голову. Через несколько дней она умерла в городской больнице. Грабители проникли в дом через окно. Похищены деньги. Сумма не установлена; похищены золотые и серебряные вещи. В ночь на 19-е апреля убит на одной из городских улиц колыванский мещанин Николаев, 40 лет. За сахарным заводом в полосе отчуждения поднят труп убитой девушки... Горожане терроризированы и после 9—10 часов боятся выходить на улицу. Сторонники бывшего полицмейстера, печальной памяти Висмана, всю беду видят в том, что нет Висмана, а фактически причина “свободы” для громил совсем другая: нет достаточно нижних полицейских чинов, нет столько ночных стражников, сколько было при Висмане. На ночную городскую охрану городская управа собирала

и собирает в год больше 20-ти тысяч руб. Благодаря этой сумме, город ночью при Висмане был усыпан ночными стражниками, а сейчас с огнем трудно сыскать ночью стражника. Куда они девались? В чем дело?»

Распоясалась и нелегальная проституция. При Висмане клиентура и «ночные бабочки» были прикреплены к шантану Чиндорина, и все было под контролем (желтые билеты, санитарная обработка секс-тружениц, регулярные медосмотры). А сейчас? Читаем: «В настоящее время под надзором состоят не больше 40—50 проституток — обитательниц оставшихся незакрытыми публичных домов; остальная же чуть не в десять раз большая часть, вышедшая из закрытых, незаконно существовавших при полицмейстере Висмане публичных домов, теперь ушла из-под надзора и распространяет венерическую заразу совершенно беспрепятственно».

После отбытия наказания в Омске следы Бернхарда Петровича теряются. Его точные имя, отчество и фамилия еще раз всплывают 21 октября 1917 года, когда в Красноярске состоялись выборы начальника городской милиции и его помощника. Как сообщили красноярские краеведы, в числе кандидатов на должность оказался бывший начальник полиции Новониколаевска (или его полный тезка) Б. П. Висман — простой солдат 38-го Сибирского стрелкового полка. Возвращение в строй правоохранителей у бывшего арестанта не состоялось по той же причине, по какой на него в свое время ополчились члены умершего в Гражданскую войну СРН. Кандидат — немец! К тому же с Германией шла война.

После неудачных красноярских выборов сведения о Висмане противоречивы. По одним данным, в революцию он вернулся в Латвию, работал в юридической конторе, а когда советские войска оккупировали Прибалтику и ГПУ добралось до Висмана — вспомнили, что служил в царской полиции. Другие пишут, что в базе данных по белому движению фигурировал некто Висман (к сожалению, без инициалов), помощник начальника семипалатинской уездной милиции.

В списках жертв политического террора в СССР есть две записи об аресте и расстреле.

Висман Бернгард Петрович (1877, Латвия, Рига). Национальность: немец. Образование: среднее. Место проживания: Алма-Атинская область, Алма-Ата. Арестован 11 апреля 1930 года СО ПП ОГПУ Казахской ССР. Осужден 16 апреля 1930 года ОС при Коллегии ОГПУ СССР. Обвинение: 58-10, 58-11, 58-13 УК РСФСР. Приговор: три года ИТЛ. Реабилитирован 20 марта 1989 года. (Сведения ДКНБ РК по г. Алматы.)

Висман Бернгард Петрович (1877, Латвия, Рига). Национальность: немец. Образование: среднее. Место проживания: Алма-Атинская область, Алма-Ата. Юриисконсульт. Арестован 9 мая 1938 УНКВД по Алма-Атинской области. Осужден 12 октября 1938 года тройкой при УНКВД по Алма-Атинской области. Обвинение. 58-1а, 58-8, 58-11 УК РСФСР. Расстрел. Реабилитирован 15 августа 1989 года. (Сведения ДКНБ РК по г. Алматы.)

Таким образом, Висман так и не смог вернуться на историческую родину. Судя по карточке репрессированного, в первый раз он был арестован в Алма-Атинской области в 1930 году и отсидел в лагере три года. Второй раз шестидесятилетнего юриисконсульта арестовали 9 мая 1938 года и 12 октября того же года расстреляли. Реабилитировали в 1989 году.

Константин ГОЛОДЯЕВ

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ СИБГОСОПЕРЫ

Старушка упорно не желает выходить в тираж.

Арсений Авраамов, теоретик музыки¹

Первое театральное представление в Ново-Николаевском поселке было показано 28 января 1896 года. Любительским театром было поставлено два спектакля: комедия в двух действиях «В чужом пиру похмеле» Александра Николаевича Островского и водевиль-фарс в одном действии «Танцующий кавалер» Виктора Викторовича Билибина (псевдоним В. Холостов).

Спектакли были поставлены усилиями супруги настоятеля Никольской церкви села Бугры Диомида Васильевича Чернявского. Почти все билеты были проданы, и сбор с них пошел в пользу народного образования. Через две недели, 11 февраля 1896 года, губернская газета «Томский листок» в малосенькой безымянной заметке отметила: «Спектакль прошел весьма удачно, и публика вынесла весьма приятное впечатление... было видно, что все участвовавшие приложили ни мало стараний для... спектакля и в их игре было видно умение и опытность»². Театральная жизнь началась: вышла первая положительная театральная рецензия, в 1897 году в поселке прошли гастрольные спектакли, а в следующем году был организован регулярный драмкружок.

Руководитель российского «Товарищества драматических и оперных артистов» актер Вл. Тальзатти в «обзоре городов средней Сибири в театральном отношении» касается и крошечного Ново-Николаевского поселка, который «через несколько лет составит большой город. <...> Жизнь кипит ключом, дома растут как грибы, и со временем, вероятно, дело дойдет и до театра»³.

В сентябре 1897 года любительский спектакль в пользу железнодорожной школы был дан на станции «Обь» (ныне Новосибирск-Главный). Исполнителями были служащие депо. Водевиль Крестовского «Ворона в павлиньих перьях» «прошел очень недурно и произвел на зрителей весьма приятное впечатление, несмотря на то, что некоторые исполнители выступали на сцене в первый раз. Сбор был полный и в пользу школы отчислено до ста рублей. После спектакля был танцевальный вечер...»⁴

¹ Мятаж против Аиды // Советская Сибирь, 1928, № 289, 13 декабря, с. 3.

² Поселок Ново-Николаевский // Томский листок, 1896, № 32, 11 февраля, с. 3.

³ Тальзатти В. В. Театральное дело в Сибири // Театр и искусство, 1897, № 28, 12 июля, с. 509.

⁴ Томский листок, 1897, № 219, 11 октября, с. 3.

В следующем году в поселке открывается Общественное собрание служащих с театральным залом, где силами драмкружка ставятся арии из оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя» — той самой, которой в 1945 году откроется Новосибирский театр оперы и балета.

Зимой 1901/1902 года театральная жизнь в городе идет «весьма оживленно». Силами Георгия Алексеевича Соколова, ставшего создателем профессионального городского театра, актрисы Э. В. Немировой и местных любителей ставится десяток популярных пьес: «Князь Серебряный», «Чародейка» и др. Сборы с постановок колебались от 180 до 400 рублей. А в 1902 году «с целью знакомить публику с хорошими пьесами» в поселке создается музыкально-драматическое общество. «В общем, театральное дело у нас имеет почву. <...> Здесь может утвердиться приличная труппа»⁵.

Можно было бы еще долго рассказывать о становлении театра в Новониколаевске, но очевидно, что к 1920 году горожане уже были неплохо знакомы не только с драмой, но и с опереттой, и с оперой, в том числе из гастрольных выступлений артистов петербургской и миланской опер. Поэтому перевод в город Сибгостеатра из Омска был встречен публикой хорошо.

Предыстория

Первый государственный советский театр (через год сменивший имя на Сибирский государственный театр оперы и драмы) был образован в 1920 году в Омске, где тогда находился Сибирский революционный комитет. Чрезвычайным уполномоченным по открытию театра был назначен известный большевик, заместитель председателя Сибнаробраза Вениамин Давидович Вегман. «Немедленно приступить к организации оперы. Имея в виду высокую художественную ценность оперной труппы Сибполитпросвета (зачеркнуто, написано “Сибгостеатра”. — К. Г.) и считая недопустимым дробление собранных в означенной труппе артистических сил, приказываю...»⁶

Как писала в апреле 1920 года газета «Советская Сибирь», «изголодавшийся без него (искусства. — К. Г.) народ широкими волнами хлынул в театр, который близок и понятен каждому. Среди рабочих уже явились своего рода “театралы”, которые каждый свободный вечер идут в театр посмотреть, нет ли чего там нового, интересного. Но в омском театре нового ничего нет, а интересного очень мало. Репертуар театра построен слишком по-столичному — одна пьеса повторяется десятки раз, а новая постановка — целое событие. Революционно-пролетарские пьесы почти не включены в репертуар; привоза их у нас пока еще очень мало, но они все-таки есть, и именно их так хочет видеть пришедший в театр рабочий зритель»⁷.

Уже тогда было понятно, что задан курс на создание *рабочего* театра.

Отделом народного образования Сибревкома была поставлена задача: «В настоящее время театр должен являться и является одним из путей внешкольного образования. Он знакомит пролетариат с историей, с историей общественной мысли, с бытом различных классов. Цели, преследуемые и достигаемые через настоящий театр, есть цели исключительно общеобразовательные,

⁵ Ново-Николаевск // Театр и искусство, 1902, № 21, 19 мая, с. 417.

⁶ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 258. Л. 3.

⁷ Больше жизни // Советская Сибирь, 1920, № 86, 22 апреля, с. 3.

но отнюдь не художественно-образовательные. <...> Естественной и прямой задачей театра является развитие художественной самостоятельности масс, развитие в них художественного вкуса, знакомство с художественными образами литературы и драматургии. <...> Необходимо достижение полной гармонии сцены и зала, связи не только внутренней, но и внешней между творцом-исполнителем и зрителем, для чего желательны, при постановке каждой, особенной по своему «я» пьесы, зал и фойе сливать воедино со сценой посредством украшений, мебелировок, устройством выставок соответствующей пьесе эпохи и стиля. Перед началом представления должно быть сказано вступительное слово. <...> В антрактах — музыка, танцы, пение и демонстрация живописи означенной эпохи»⁸.

Деятельному Вегману удалось быстро собрать коллектив нового театра из числа творческой интеллигенции, беженцев, оказавшихся в Западной Сибири в годы Гражданской войны. 31 октября 1920 года в Большом народном театре Омска состоялась генеральная репетиция оперы А. П. Бородина «Князь Игорь», а вслед и премьера. 16 ноября «Грозой» А. Н. Островского там же открыла сезон драматическая труппа, а 17 ноября дал первый концерт симфонический оркестр, на котором также были исполнены «сольные выступления балерин, отдающие аттракционами»⁹.

Это было самое большое артистическое объединение в Сибири: оперная труппа и балет (140 человек), большой симфонический оркестр (80 музыкантов), драматическая труппа (117 человек), группа для камерных выступлений (11 человек), да еще плюс 185 человек технико-управленческого аппарата. Всего 533 человека¹⁰. И хотя полностью штат артистов собрать не удалось, в первый же сезон 1920/1921 года театр поставил семь опер классического репертуара: «Князь Игорь», «Паяцы», «Борис Годунов», «Евгений Онегин», «Кармен», «Сельская честь» и «Севильский цирюльник».

За творческую основу оперной труппы была взята академичность. Тогда посещение театра было бесплатным («Платные спектакли безусловно воспрещаются...»¹¹), с распространением билетов через военкоматы и профсоюзы.

Второй театральный сезон театр работает еще в Омске, в его репертуаре уже двадцать оперных спектаклей. Драматическая труппа оставалась в Омске в статусе городского театра, а вот оперную и балетную пришлось фактически формировать заново, поскольку ее бюджетное финансирование закончилось и было нужно переоформлять контракты с артистами.

Еще до его переезда в Новониколаевск газета «Советская Сибирь» ставит вопрос об экономической нецелесообразности открытия нового театра, излишних расходах на его содержание и необходимости перевода на хозрасчет: «Мы очень бедны духовно, если говорить о широких рабоче-крестьянских массах. Но из этого не следует делать вывод, что нам, в первую очередь, нужны театры, а не школы. Мы бедны материально. Этого нельзя забывать. Отсюда и нужно исходить при разрешении вопроса — быть или не быть в Новониколаевске государственному, да еще оперно-драматическому театру?» <...> Помещение клуба

⁸ Баландин С. Н., Баландин В. С. Новосибирск: что остается в наследство? — Новосибирск, 1990. — С. 16.

⁹ О симфонических концертах // Советская Сибирь, 1920, № 263, 20 ноября, с. 4.

¹⁰ ГАНО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 52. Л. 93—97 об.

¹¹ Ромм В. В. И зазвучала музыка. — Новосибирск, 1988. — С. 15.

нуждается в генеральном ремонте и приспособлении под театр. Для оборудования сцены, зрительного зала, проводки освещения и т. д. по рыночным ценам необходимо будет иметь один миллиард рублей. Перевезти оперу из Омска будет стоить не менее 100 миллионов рублей (порядок сумм говорит о разогнанной в период Гражданской войны инфляции. — *Ред.*). <...> ...ежемесячные расходы по содержанию оперы... составят цифру в 350 млн. <...> Театр — хорошая вещь, но нам в первую очередь нужны школы, как первичные ячейки борьбы с темнотою и невежеством. <...> На содержание театра ни гроша из государственной кассы! Вместо Сиб.-оперы — школа!»¹²

Перевод Сибгосоперы в Новониколаевск

Весной — летом 1921 года из Омска в Новониколаевск переводят главный орган управления Сибири — Сибирский революционный комитет. 13 июня 1921 года постановлением ВЦИК была образована Новониколаевская губерния, включавшая части Томской, Омской и Алтайской губерний. Вместе с отделами Сибревкома потянулись и другие государственные, партийные и хозяйственные учреждения: Сиббюро ЦК партии, Сибцентросоюз, редакция газеты «Советская Сибирь» и... театр.

24 августа 1921 года постановлением Сибревкома оперная труппа объявлена государственной, а 30 августа принимается решение о переводе театра в Новониколаевск. «Учитывали и то обстоятельство, что если опера будет в Новосибирске, куда часто работники всего Края съезжаются на краевые съезды, конференции и по разным другим административным и хозяйственным делам, то более широкий круг сибиряков получит возможность послушать музыку и пение в хорошем исполнении»¹³.

Тем временем в Новониколаевске публику начали готовить к восприятию оперы. На летней сцене сада «Альгамбра» гастролеры показывают «Евгения Онегина», «Пиковую даму», «Демона», «Тоску». Газета «Советская Сибирь» публикует подробные рецензии¹⁴.

Под перевозимый театр отдали самый крупный в городе зрительный зал в здании Коммерческого собрания, построенном по проекту архитектора А. Д. Крячкова. Тогда оно называлось Домом революции, а в годы Первой мировой войны было занято военным госпиталем. 27 июня 1922 года принято решение об организации Рабочего дворца для «создания показательного центра духовной и физической культуры, предоставления рабочему населению Новониколаевска научно и художественно ценных занятий и развлечений... На Рабочий Дворец возлагается... устройство театра оперного и драматического, всякого рода концертов, празднеств, киносеансов, спортивных состязаний и т. п.»¹⁵.

Здание пришлось значительно реконструировать, были переоборудованы сцена и зрительный зал. Ремонт был объявлен ударной стройкой. «Создание “Рабочего Дворца” должно быть делом рук самих рабочих. Рабочим организациям необходимо сейчас же установить, что он может сделать для “Рабоче-

¹² Театр или школа? // Советская Сибирь, 1921, № 261, 27 ноября, с. 4.

¹³ Вегман В. Сибирский государственный театр // Сибирские огни, 1926, № 4, с. 152.

¹⁴ Сад Альгамбра // Советская Сибирь, 1922, № 163, 23 июля, с. 6.

¹⁵ Марченко Ю. Г. Сибгосопера — центр музыкального просвещения Сибири 20-х годов // Бахрушинские чтения. Вып. 1. — Новосибирск, 1973. — С. 73—80.

Здание Рабочего дворца (Сибгостеатр). 1920-е гг.
Музей Новосибирска

го Дворца». Единовременные отчисления коллективов, периодические отчисления от заработной платы... организация добровольных рабочих бригад по производству ремонта, — вот тот путь, по которому должны пойти рабочие организации»¹⁶. Результат ремонта всех порадовал: «Возник настоящий дворец. Отделан он — это надо признать — как игрушка. Электричество, световые снопы которого прорываются сквозь окна на улицу, рельефно выделяет дворец на черном фоне темной ночи. Дворец производит тогда впечатление феерической сказочности, как будто его иллюминировали»¹⁷.

7 ноября 1922 года, к пятилетней годовщине Октябрьской революции, дворец был открыт торжественным заседанием горсовета. Через два дня состоялся первый бесплатный концерт для рабочих — вечер русской песни. Зрители «пришли в театр прямо с заводов со своими знаменами. Зал дворца был переполнен. В концерте выступили лучшие музыкальные силы. Концерт произвел на рабочих хорошее впечатление, в зале все время стояла абсолютная тишина, артистов слушали с большим вниманием»¹⁸.

«Опера все же создана, хотя это не являлось основной задачей Рабочего Дворца»¹⁹. Здесь также предполагались организация губернской библиотеки с читальным залом, лекционного бюро, художественной студии, научно-технического клуба с научным кинематографом, общества мироведения и др.

Новый театр начал свой первый сезон в Новониколаевске 15 ноября 1922 года премьерой оперы А. С. Даргомыжского «Русалка». Назывался он тогда Сибирский государственный театр музыкальной драмы, а немного позднее — Сибирский государственный оперный театр.

¹⁶ Рабочий дворец // Советская Сибирь, 1922, № 148, 6 июля, с. 4.

¹⁷ Ромм В. В. И зазвучала музыка... С. 36.

¹⁸ Концерт для рабочих // Советская Сибирь, 1922, № 257, 14 ноября, с. 3.

¹⁹ Новониколаевский Рабочий Дворец // Советская Сибирь, 1922, № 278, 8 декабря, с. 5.

Через три дня вышла первая рецензия. Некто П. К. в статье «Театр и искусство» отметил: «Для Новониколаевска это звучит гордо и непривычно радостно. До сих пор ему приходилось довольствоваться отдельными сценами “под рояль”, без хора. Не удивительно, что театр был переполнен. И стены преображенного до неузнаваемости здания, украшенные росписями под Билибина и древнерусским орнаментом, наверное с жутким удивлением смотрели на пестрые людские потоки». Критик разбирает игру актеров и называет их исполнение «приличным для провинциальной сцены», но в то же время отмечает тесноту сцены, однообразность декораций и недостаточность световых эффектов. «В заключение два слова о репертуаре. В то время, как русская музыка завоевала и завоевывает Запад, мы недостаточно внимательны к ней у себя дома. Желательно сократить итальянщину за счет введения Римского-Корсакова, Мусоргского и др.»²⁰.

«Новониколаевск, как центр Сибири, в театрально-художественном отношении занял подобающее ему место»²¹, — отмечает «Советская Сибирь».

Сибгостеатр ориентировался на направление, известное под названием «музыкальная драма». Руководство и труппа его были превосходными. В обширной, на целую полосу, статье «Новониколаевский Рабочий Дворец» в газете «Советская Сибирь» от 8 декабря 1922 года были подробно перечислены первые составы оперной, хоровой и балетной трупп, симфонического оркестра, постановки театра.

При театре сразу организуются оперная и балетная студии. «В студию будут приниматься в первую очередь командированные профорганами и РКСМ — бесплатно, во вторую — все желающие за плату. <...> Задача студии — создать новые активные балетные силы и инструкторов по художественному

Члены худсовета Сибгостеатра:
Гречнев, Павлов-Арбенин, Вегман, Милеант, Виссонов. 1923—1924 гг.
Музей Новосибирска

²⁰ Театр и искусство // Советская Сибирь, 1922, № 261, 18 ноября, с. 4.

²¹ Хонской Л. Театр и музыка // Советская Сибирь, 1922, № 224, 5 октября, с. 4. Цит. по: Ромм В. В. И зазвучала музыка. — Новосибирск, 1988. — С. 28.

развитию, дабы бросить их в массы»²². Такие солистки балетной студии, как Р. П. Райковская, И. А. Российская, И. Р. Шорохова, Н. И. Ловцова, не были балеринами²³, но танцевальные сцены ставились почти во всех операх. К ним привлекались артисты миманса и хора.

В первом театральном сезоне были самостоятельно поставлены балеты «Шопениана» и «Сказка о рыбаке и рыбке», во втором — опера «Волшебная флейта». 23 марта 1923 года на сцене прошел «сильный и захватывающий» бенефис балета студии Н. М. Соколовского с «Пляской смерти» Сен-Санса, «Половецкими плясками» и другими балетными фрагментами из опер.

Следующая премьера, «Евгений Онегин», состоявшаяся в декабре 1923 года, была провалена. «Все ушли разочарованными. К концу театр опустел наполовину. Было томительно, было скучно. Томились, потому что спектакль начался с большим запозданием и антракты были бесконечно длинные. Спектакль закончился лишь в два часа ночи. Не у всякого хватило терпенья высидеть до конца. ...Мы на эту премьеру склонны смотреть, как на генеральную репетицию, которой, собственно говоря, не было»²⁴, — пишет чрезвычайный уполномоченный по организации Сибгосоперы Вениамин Вегман.

Нужно отметить, что новое для пролетариата искусство вызвало сильное противодействие. Газеты публиковали критические материалы. В числе аргументов были названы неподготовленность жителей города к восприятию такой формы развлечения и дороговизна билетов.

Весной 1923-го эту тему активно продолжил редактор журнала «Сибирские огни» Валериан Павлович Правдухин: «Искусство вообще является в истории человечества после второго обеденного блюда, после удовлетворения первично-материальных потребностей... Человеку пресытившемуся надоедает вареный кусок мяса, свежий плод. Он выдумывает окрошку, винегрет. Сложные кушанья. Родается опера... Не то горчица для мяса, не то мясо для горчицы... Я уже не говорю о балете, который удовлетворяется обычно любовью, полученной им в наследство от жеманного XVIII века. Эта любовь, или другое несложное чувство, выражается специальным языком ног, специализаций эротических движений, где голова и остальные части прекрасного человеческого тела приносятся в жертву пляске ног». Писатель развил свою мысль до простого и ясного лозунга: «Долой оперу!»²⁵

В сентябре 1923 года директором театра становится Н. М. Милеант. Положение Рабочего дворца, занимаемого театром, было критическим: не было средств. Сибгосопера была единственным в Сибири театром, который с приходом нэпа остался на госбюджете. Но, несмотря на это, театр еле сводил концы с концами.

В 1924 году Сибревком хлопочет в телеграмме перед Ленинградским губисполкомом: «Просим выдать [во] временное пользование [под] ответственностью Сибревкома для Новониколаевского оперного театра костюмы ноты [в]виду полного отсутствия таковых [в] Новониколаевске»²⁶.

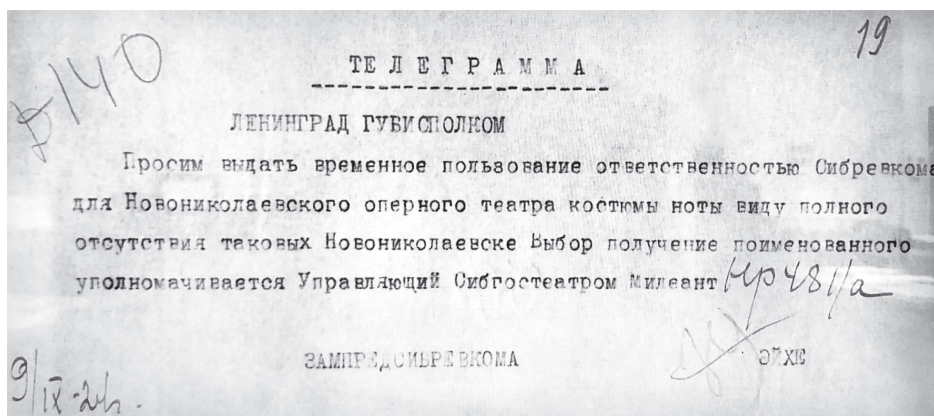
²² Новониколаевский Рабочий Дворец // Советская Сибирь, 1922, № 278, 8 декабря, с. 5.

²³ Лурье Е. Е. Сибгосопера // Календарь знаменательных и памятных дат по Новосибирской области на 2012 год. — Новосибирск, 2011. — С. 233—238.

²⁴ Вегман В. Первый блин // Советская Сибирь, 1922, № 293, 26 декабря, с. 5.

²⁵ Правдухин В. Опера или драма? // Советская Сибирь, 1923, № 65, 25 марта, с. 3.

²⁶ ГАНУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1221. Л. 19.

Телеграмма в Ленинградский губисполком. 1924 г.
 Государственный архив Новосибирской области. Ф. 1 Оп. 1. Д. 1221. Л. 19

Неоднократно помогает театру нарком просвещения СССР А. В. Луначарский: «В ЦК РАБИС. Настоящим прошу Вас оказать всяческое содействие СибОНО при подборе им штата и ответственного персонала Сибгосоперы в Новониколаевске». «Директору Большого театра тов. Лапицкому. Прошу Вас выдать... для Сибгосоперы необходимые партитуры для их репертуара либо во временное пользование на предстоящий сезон, либо на срок для переписки их»²⁷. «Ликвидационной комиссии по Госснабу. Настоящим прошу из театрального имущества, имеющегося в вашем распоряжении, выдать необходимые теакостюмы для Сибгосоперы по выбору управляющего Сибгосоперой тов. Милеанта. Считаю целесообразным поддержку этого учреждения, а потому прошу Вас ходатайство Сибгосоперы удовлетворить без промедления»²⁸.

В 1925 году следует еще одно обращение к наркому просвещения с просьбой «оказать содействие [для] получения Сибирью тысячи единиц костюмов театральных актеров. [С] Ленинградом вопрос согласован»²⁹.

Город рос, испытывал постоянный жилищный кризис, и многим работникам приходилось квартировать в помещении театра. Директор театра Милеант отмечал: «Полная неустроенность целого ряда наших артистов... в смысле удовлетворительного жилища, служит крайне отягчающим и вредным фактом к вполне нормальному течению работ нашего театра»³⁰. Поэтому многие артисты и руководители театра (Юровецкий, Гречнев, Павлов-Арбенин) после окончания сезона вынуждены были покинуть труппу.

Ввиду безденежья населения и сильного падения сборов руководство не прекращало попытки найти дополнительные доходы — театральный занавес использовался как рекламная площадка, управлению Сибоперы передавали в подсобную эксплуатацию летний сад «Альгамбра», кинотеатр «1-й Госкино». Большая концертная и просветительская работа проводилась и в самом здании Сибгосоперы.

С другой стороны, требовалось соблюсти баланс между увеличением доходности и привлечением в театр «профсоюзных масс». Несколько раз расширял-

²⁷ Геращенко В. П. Сибгосопера — первый музыкальный театр Советской Сибири // Художественная культура и интеллигенция Сибири (1917—1945). — Новосибирск, 1984. — С. 88—105.

²⁸ Ромм В. В. И зазвучала музыка... С. 47.

²⁹ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1374. Л. 1.

³⁰ В Сибгосопере // Советская Сибирь, 1923, № 227, 9 октября, с. 4.

ся сектор дешевых билетов, упорядочивался вопрос прохода по контрамаркам (в том числе незанятых служащих и родственников артистов), уменьшались квоты «казенных» (бесплатных) мест для руководства. Свое постоянное место в театре имели журналист Вегман, полномочный представитель ОГПУ Заковский, комендант города, начальник гарнизона, брендмайор и многие другие.

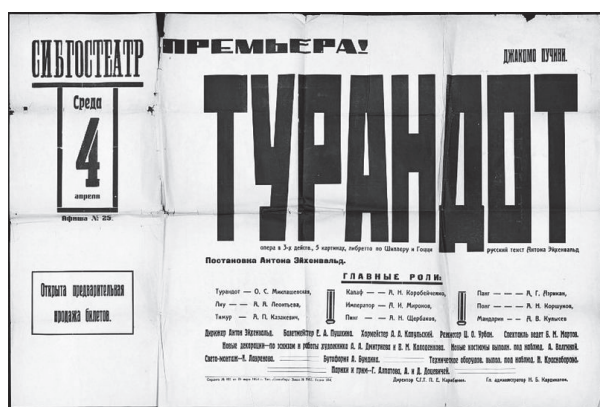
Нужно заметить, что первые лица города часто посещали оперу. Ее поклонником был председатель Сибревкома М. М. Лашевич, который не пропускал ни одной премьеры и приходил даже на генеральные репетиции.

Тем не менее давили оперу и органы власти. Анализируя финансовый отчет предприятия за 1923 год, Вениамин Вегман отмечает: «Кто хоть раз побывал в опере, тот должен был признать, что... только в Новониколаевске имеется уголок, в котором ярко горит очаг искусства. И этот очаг... надо и следует беречь. <...> Какое же отношение к этой опере? Город, например, за освещение дерет с оперы вдвое больше, чем с других предприятий. Губфинотдел нажимает всей тяжестью своего налогового пресса: опера, мол “увеселительное заведение”. А вот бесплатные спектакли для членов профсоюзов ставь»³¹.

В мае 1925-го Сибгосопера была «обследована... по инициативе ГПП (полномочного представительства. — Ред.) ГПУ по Сибири в связи с имеющимися данными о бесхозяйственном ведении дел»³². Некоторые замечания по учету материалов и злоупотреблениям были подтверждены. «Заменены завхоз и администратор. Подыскивается опытный бухгалтер».

Несмотря на трудности, Сибгосопера продолжала успешно работать. Труппа была почти полностью укомплектована, театр экспериментировал, расширял репертуар. Следуя общей тенденции «приближения к зрителю», в 1924 году театр творчески переосмыслил «Тоску» Пуччини. Действие было перенесено из Италии во Францию времен Парижской коммуны. Премьера была приурочена к годовщине Октябрьской революции. Как отметили в газете «Советская Сибирь», «постановка означает сдвиг нашей оперы в сторону более внимательного обслуживания запросов широкой массы зрителей»³³. Но новый спектакль «Дни коммуны» в репертуаре не удержался и был вновь заменен «Тоской».

В 1927 году была поставлена вахтанговская драма «Турандот» по опере Карло Гоцци. Она шла «в плане китайского представления: без занавеса,

перемена декорации на глазах у публики. Изготовлены специальные китайские декорации, костюмы, бутафория»³⁴.

**Афиша оперы
«Турандот». 1928 г.**
 Российской национальной
 музей музыки.
 КП-10967-34

³¹ Вегман В. Сибгосопера // Советская Сибирь, 1924, № 5, 6 января, с. 6.

³² ГАНУ. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 11. Л. 27.

³³ «В дни коммуны» // Советская Сибирь, 1924, № 258, 12 ноября, с. 11.

³⁴ «Турандот» на сцене Сибгосопера // Советская Сибирь, 1927, № 258, 11 ноября, с. 4.

Но критика опять была строга: «Трудно представить себе “Турандот” не веселой. <...> Забавную сказочку сделали мелодрамой с благополучным окончанием. <...> Вместо живой, веселой заключительной сцены, нам преподнесли финал американской фильма»³⁵.

В сезоне 1924/1925 года в труппе играла Л. А. Андреева-Дельмас, которой Александр Блок посвятил цикл стихов «Кармен». На новониколаевской сцене Дельмас была не только роковой Кармен, но и неотразимой Сильвой. Кроме того, в разные сезоны среди солистов были артисты московских и киевских театров И. И. Березняковский, Я. С. Загуменный и ряд других.

Специально для рабочих был поставлен «Евгений Онегин». В 1923 году Вениамин Вегман пишет: «Первый спектакль исключительно для рабочих, наконец, состоялся. “Рабочий дворец” был, конечно, переполнен. Состав слушателей был на 90 проц. чисто пролетарский. Аудитория — самая благодарная. Все слушали со вниманием, все горячо отзывались на удачные выступления актеров. <...> Кое-кто из не совсем настоящих и чистых пролетариев все-таки пробрался по билетам, предназначенным для пролетариев»³⁶.

Не была обделена вниманием и детская аудитория. В воскресные и праздничные дни в театре ставились утренники. «Какой-то добрый гений, покровитель детворы, внушил администрации “Рабочего Дворца” счастливую мысль устроить в минувшее воскресенье балетный утренник для детей и учащихся. <...> Поставленный в заключение одноактный балет “Волшебная флейта”, увлекательный, живой изобилующий комическими положениями с финальной погоней всех участников спектакля за обладателем “Волшебной флейты” и с появлением всех артистов среди публики — явился блестящим завершением этого исключительного по настроению спектакля, создавшего редкое единение между зрительным залом и сценой и превратившего артистов балета в расшалившихся детей, а юных “зрителей” в антрактах в танцоров и балерин»³⁷.

Оперная труппа из одних сибиряков «поистине является большим вокальным достижением». «В репертуаре Рабочего Дворца нет такой оперы, в которой хор не выделился бы своей звучностью и стройностью»³⁸. Самая молодая артистка хора Вера Афиногеновна Евреинова вспоминала: «Голоса были подобраны великолепно, один к одному. И почти каждый артист с листа мог читать свою партию. <...> Хор составлял костяк всей труппы. Если состав солистов оперы каждый сезон менялся почти наполовину, то хор всегда оставался прежним»³⁹.

Летом 1926 года новосибирский (переименование города было утверждено Постановлением ВЦИК СССР от 12 февраля 1926 года. — *Ред.*) хор ездил на гастроли и в европейскую часть страны, в Астрахань, а вот заезжие гастролеры сильно проигрывали: «Два дня подряд концертировал Лабинский. Он не удивил и не поразил нас. Он только показал, что некогда у него был мощный голос, которым он и теперь прекрасно управляет. <...> Что касается Стекло, то она танцует не дурно и в балете всегда будет выделяться, но Новониколаевск уже не такая захолустная провинция, чтобы Стекло могла здесь кого-нибудь пленить своим хореографическим искусством»⁴⁰.

³⁵ Гриф. Турандот // Советская Сибирь, 1927, № 263, 17 ноября, с. 4.

³⁶ Вегман В. Спектакль для рабочих // Советская Сибирь, 1923, № 270, 29 ноября, с. 4.

³⁷ Ваксброд Ал. Искусство для детей // Советская Сибирь, 1924, № 51, 1 марта, с. 4.

³⁸ Вегман В. Бенефис хора Сибоперы // Советская Сибирь, 1924, № 33, 9 февраля, с. 4.

³⁹ Ромм В. В. И зазвучала музыка... С. 35.

⁴⁰ Вегман В. Гастроли Лабинского // Советская Сибирь, 1923, № 117, 31 мая, с. 3.

Сезоны чередовались — несколько зимних месяцев давали оперу, весной приезжала драматическая труппа. Когда в 1927 году из-за малых сборов дирекция театра решила досрочно закрыть оперный сезон, горожане обратились в редакцию «Советской Сибири» с требованием продолжить спектакли. Письмо подписало 400 человек: «Опера в последнее время имеет много слушателей среди рабочих и служащих и начинает приобретать особенное значение»⁴¹.

В сезоне 1925/1926 года «за первые три месяца Сибгосопера получила 55 000 руб., при средней посещаемости в 600 чел. (в прошлые годы 400 чел.). Этот успех следует рассматривать как значительное культурное достижение, как крупную победу над косностью и консервативностью публики, которая вовлекается понемногу в орбиту подлинного искусства. <...> Правда, и сейчас еще приходится делать уступки — ставить два раза в неделю оперетки, Мусоргского чередовать с Валентиновым, но пока это неизбежно: опереткой материально поддерживается опера»⁴². Несмотря на растущие сборы, из-за огромных расходов дефицит бюджета театра достигает 180 000 рублей.

Цены на билеты для большинства посетителей остаются запретительными: «Открылся долгожданный оперный сезон. Все льстили себя надеждой посмотреть хорошую оперу. Но увы! Цены на билеты оказались далеко выше поля зрения не только рабочих, но и служащих, получающих приличные ставки»⁴³.

Вводятся сезонные абонементы на льготное посещение театра, Крайсовпроф договаривается о выделении для членов профсоюзов 270 билетов со скидкой 50 % на каждый спектакль. Практикуется «рабочая полоса» с тридцатипроцентной скидкой. В сезоне 1926/1927 года по ней прошло более четверти зрителей. Для рабочих и служащих предоставляется кредит по коллективным спискам. Два раза в неделю на спектакли продаются дешевые (по пятнадцать копеек) билеты, и обычно в такие дни театр переполнен. Пошли навстречу и власти: Сибгосоперу освободили от местных налогов со зрелищ и сборов с афиш, страхование здания взял на себя Горсовет, театру стали продавать электроэнергию по себестоимости.

Сибгосопера непрестанно изыскивает дополнительные финансовые средства, и весной 1927 года выходит в Горсовет с предложением об аренде и эксплуатации «тенистого» Кладбищенского сада (ныне Центральный парк) для организации в нем «народного коммунального сада» с постройкой большой сцены, летнего кинематографа, буфета-ресторана и т. д.

В 1928 году артисты Сибгосоперы дали несколько концертов классической музыки в новом клубе завода «Труд». «Зрительный зал клуба — на 350 мест. Но на концерт собралось чуть ли не в два раза больше — сидели на полу, стояли в проходах и т. д. Аудитория — рабочие завода с семьями, и немного других граждан Закаменки»⁴⁴.

Коллектив не только выезжает в рабочие клубы, но проводит радиоконцерты и лекции, благотворительные выступления — по случаю разных годовщин, в помощь воздушному флоту, школам, бесплатные спектакли для воинов Красной армии, целевые для профсоюзов и т. д. Перед симфоническими концертами с объяснительной беседой стал выступать музыковед.

⁴¹ Марченко Ю. Г. Сибгосопера — центр музыкального просвещения Сибири 20-х годов... С. 73—80.

⁴² Вяткин Г. Новониколаевск // Жизнь искусства, 1926, № 7, с. 18.

⁴³ Для кого опера? // Советская Сибирь, 1926, № 238, 15 октября, с. 4.

⁴⁴ Второй концерт в рабочем клубе // Советская Сибирь, 1928, № 33, 8 февраля, с. 4.

Балет Сибгосоперы. Сезон 1928/1929 г.
Музей Новосибирска. ОФ 379

Перед сезоном 1926/1927 года произошло обновление руководства театра. Директором и главным дирижером стал М. Я. Крамер, хормейстером — С. Ф. Абаянцев, дирижерами — А. А. Позен, Ф. С. Таль и М. Г. Шейн. Сильно приросла балетная труппа. Главным балетмейстером стала Е. А. Пушкина, приехавшая с группой артистов из Одесского театра. В тот год Екатерина Антоновна поставила в Новосибирске первый классический балет — «Лебединое озеро». Она же в нем танцевала партии Одетты и Одилии.

Неплохим было и качество постановок. В 1926 году столичный журнал «Жизнь искусства» отмечает: «Наибольшим успехом у публики пользуются В. Попова, М. Ростропович, А. Дорова... А. Петровский. Нельзя не отметить отличную работу режиссера И. П. Варфоломеева. Хорошо поставлены оркестр и хор. Вполне прилично внешнее оформление спектаклей. Есть в деле и дефекты: отдельные исполнители иногда неудовлетворительны. Чувствуется порой непроработанность спектакля в целом и т. д., но все же из всех сибирских театральных предприятий Сибгосопера — самое серьезное и ценное, наиболее свободное от халтуры»⁴⁵.

«В то время, как остальная Сибирь в течение ряда лет должна была довольствоваться “налетами” гастролеров, Новосибирск пять лет подряд имел самостоятельное и довольно солидное оперное дело. Среди наблюдавшегося по сибирским городам громадного разлива беззастенчивой халтуры и стопроцентного провинциализма Сибгосопера являлась все эти годы маленьким оазисом подлинной театральной культуры»⁴⁶.

В 1926 году оформляется идея создания в Сибири «театрального комбината», подразумевающего регулярную «перегруппировку» трупп Новосибирска, Красноярска и Иркутска. Воплощен проект так и не был, но, являясь общеси-

⁴⁵ Вяткин Г. Новониколаевск... С. 18.

⁴⁶ Ромм В. В. И зазвучала музыка... С. 60.

бирским театром, Сибгосопера каждое лето выезжает на гастроли по сибирским городам, где всегда имеет успех. Так, в Барнауле билеты были проданы за неделю до приезда театра. «Барнаульцы, изголодавшиеся по серьезной музыке и пению, встретили оперу восторженно. Все спектакли коллектива Сибгосоперы прошли с успехом, превысившим ожидания»⁴⁷. Здание театра в Новосибирске тоже не пустовало — в нем показывали кино, выступали гастролеры.

В конце 1927 года директора театра М. Я. Крамера сменил П. Е. Карабинин. Он начал с увольнения пьяниц и бездельников, включая скандалиста балетмейстера Р. И. Баланотти. «После этой операции установился порядок»⁴⁸.

В феврале 1928 года Сибгостеатру продано здание каркасного цирка на Андреевской площади (ныне площадь Кондратюка). Теперь в его цирковые программы включаются выступления артистов театра, балетной студии, постановки оперетты. В сезон 1928/1929 года труппа оперетты во главе с Ю. Л. Сагайдачным выделяется из Сибгосоперы в самостоятельную организацию — государственный театр «Советская оперетта».

Помимо классического репертуара Сибгосопера ставит произведения советских авторов, первые советские оперы: «Орлиный бунт», «Северный ветер», «Прорыв», готовится к показу (вслед за Большим театром в Москве) первый советский балет «Красный мак» по либретто М. И. Курилко на музыку композитора Р. М. Глиэра.

В 1928 году на афише впервые появилась надпись: «Билеты все проданы». «Страсть новосибирцев к опере превращается в мистику», — пишет «Советская Сибирь»⁴⁹.

И хотя Вениамин Вегман заверяет, что если «в первом сезоне еще возникали сомнения на счет того, способен ли Сибгостеатр выжить со своей оперой, то теперь никто уже в этом не сомневается... уже всеми Сибгостеатр признается, как очаг театрального искусства, как очаг музыкальной культуры»⁵⁰, нападки на оперу снова стали усиливаться.

В мае 1928 года прошел мощный вал критических отзывов. «Призраки новониколаевского купеческого клуба, утвердившие в новосибирском гостеатре перезрелую напудренную оперетку, бродят по кругу на корде жирной благопристойности. Мясистые призраки с набухшими вырезами платьев, с оголенными окороками плеч и мощными крупами, с которых складки шелка не успевают добежать до чуркообразных икр...»⁵¹ И далее в том же духе.

«Я ходил в театр только один раз, — говорит рабочий Кринц, — на оперу, я не помню теперь ее названия, но знаю, что показывали жизнь богачей. Смотришь, слушаешь, а там, на сцене, какие-то всё княгини, князья и проч., что давно уже рабочему о них вспоминать и смотреть их подлость надоело. Или еще лучше. Какая-нибудь 8-пудовая баронесса выйдет на сцену почти совсем обнаженная, ну, тут и подумаешь: чего хочет добиться автор этой мещанской, буржуазной пьесы, что здесь может получить рабочий? <...> Нет никакого интереса смотреть то, старое, что было да прошло, а нового, вот как жить сегодня, как

⁴⁷ Миркович Б. Театр на далеких окраинах // Жизнь искусства, 1927, № 26, с. 13.

⁴⁸ ГАНО. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 826. Л. 16.

⁴⁹ «Любовь Яровая» // Советская Сибирь, 1927, № 237, 15 октября, с. 6.

⁵⁰ Вегман В. Сибирский государственный театр // Сибирские огни, 1926, № 4, с. 153—154.

⁵¹ Курс А. Статья с демагогией // Советская Сибирь, 1928, № 111, 15 мая, с. 3.

жить завтра, — об этом театр молчит»⁵².

«Я лично ходил на оперы раза два, а потом плюнул. Сидишь, смотришь целый вечер, слушаешь и ничего не понимаешь. А если и поймешь, то все равно тебя не заинтересует постановка — не для нас она. Все постановки из жизни каких-то помещиков, капиталистов, что было когда-то, при царе Горохе. А вот что нужно сейчас, как сгладить шероховатости в нашем корявом быту, в нашей жизни — этого не показывают»⁵³.

«Довольно нас угощали опереттами и операми с графьями, князьями и восьмипудовыми баронессами, — говорят железнодорожники, — мы этого “искусства” не понимаем и понимать не хотим. Удешевите цены на билеты! Покажите “Власть” рабочей массе!»⁵⁴

«Пусть рабочие Новосибирска увидят настоящий революционный пролетарский театр! Пусть, увидев его, они загорятся желанием построить в Новосибирске Дом Культуры и завести такой же постоянный театр. Давайте, нажмем на новосибирские “власти”, — им это только приятно будет — возьмем их с собой в театр и будем вместе грохотать на превосходном, истинно-художественном и революционном спектакле!»⁵⁵

Нападки краевой газеты подхватил крайне левый литературно-политический журнал пролеткультовцев «Настоящее». Он подошел к вопросу с классовой позиции: «Искусство тенденциозно. В эпоху диктатуры пролетариата труд художника должен служить делу классовой борьбы. Художник должен все свое мастерство посвятить, с одной стороны, борьбе с мещанством, с разлагающим влиянием враждебных пролетариату классов, со всеми проявлениями пережитков рабского прошлого; с другой — активизированию рабочих и крестьянских масс в сторону строительства новых, коллективистических форм личного

А. Заковряшин. Карикатура.
Журнал «Настоящее», 1928, № 10, с. 18

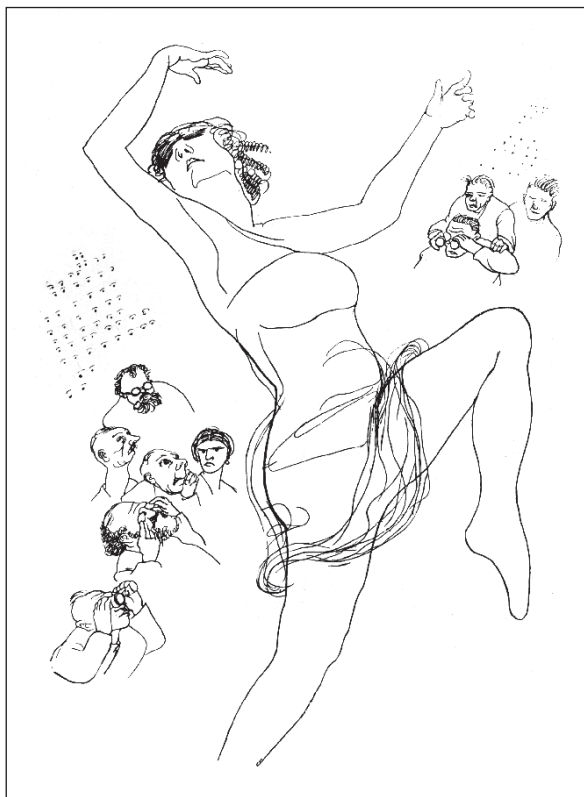
⁵² Узловин. Рабочие ставят вопрос о постройке Дома культуры // Советская Сибирь, 1928, № 113, 17 мая, с. 3.

⁵³ Урманов. Постановки Сибгосттеатра очень дороги и не понятны рабочим // Советская Сибирь, 1928, № 113, 17 мая, с. 3.

⁵⁴ Рабочие требуют — покажите нам пролетарский театр // Советская Сибирь, 1928, № 113, 17 мая, с. 3.

⁵⁵ Курс А. Статья с демагогией // Советская Сибирь, 1928, № 111, 15 мая, с. 3.

С. Липин. Ценители искусства.
 Журнал «Настоящее», 1928, № 11-12, с. 8

которых «очень мало кто бывал в опере», решили «выразить свое недовольство новосибирской “театральной политикой”». «Сибгостеатр далек от рабочих, не только в силу своего территориального положения. Ничто в этом театре не ориентируется на рабочего, — ни его программки (20 коп.), ни его буфет (аховые цены), ни, наконец, характер его художественной продукции». В пример приводится группа из тринадцати «развитых» шахтеров. Неудивительно, что «шахтеры нашли, что в опере не все обстоит благополучно»⁵⁸.

А вот мнение тов. Пиняева из типографии «Советская Сибирь»: «Там сидят эти дяди и дамы оголенные. <...> Опера не для нас, не в том смысле, что она не отвечает, а в том смысле, что она нам дорога. <...> Опера нам нужна, но нужно только дать понять рабочему, что это за опера и как ее нужно слушать и как смотреть»⁵⁹. Иначе, как справедливо заметили «критики», нам «остается водку пить и морду кулаками бить»⁶⁰.

Проблемой было и позднее начало спектаклей (в восемь часов вечера, а то и с опозданием до полутора часов!) и, соответственно, позднее их окончание, а рано утром идти на производство. «Тов. Погубников (мылзавод): Коротенько в двух словах. Почему у нас малая посещаемость? Я скажу по своему заво-

и общественного быта... Отражать мы хотим те факты, которые надо отражать, как нападение врага. Мы хотим воздействовать, а не воспевать...»⁵⁶. Отражение нападения врага иллюстрировалось карикатурами, высмеивающими богему и прочих «любителей искусства».

В декабре 1928 года в Сибгосопере прошла Производственная театральная конференция организованного зрителя. Обсуждение проходило эмоционально. Директор Сибгосоперы П. Е. Карабинин описал положение театра и отчитался, куда расходуются выделенные на его содержание средства⁵⁷.

Пришедшие на конференцию рабочие, из ко-

⁵⁶ Заковряшин А., Ивакин П., Липин С. Программное заявление художников // Настоящее, 1928, № 6-7, с. 3.

⁵⁷ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2658. Л. 3.

⁵⁸ Мятаж против Аиды // Советская Сибирь, 1928, № 289, 13 декабря, с. 3.

⁵⁹ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2658. Л. 6 об.

⁶⁰ ГАНО. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 1458. Л. 61.

ду — потому что у нас рабочие не в центре, а разбросаны по окраинам, и в Нахаловке, и за Каменкой, и на Второй Ельцовке. Поэтому приходится в силу необходимости воздерживаться, и если пойдешь отсюда в час ночи, то, пожалуй, и не придешь. Тогда наша неявка получится на все 100 %. Про себя скажу, что я в этом здании не был уже около 2-х лет. Живу около окружной больницы и куда же я пойду, тебе еще голову оторвут»⁶¹.

Говорилось о затратах на содержание оперы: «она пожирает каждый год сто тысяч и даже больше», о необходимости концертов для рабочих, о партийной политике в области театра и о предпочтении драмы. Эту позицию поддержали культотдел Крайпрофобра и редакция газеты «Советская Сибирь». Дотацию, выделяемую опере, предлагалось использовать на постройку «приличного циркового здания американского типа» или литейного цеха завода «Труд».

15 декабря 1928 года в редакции газеты прошел диспут «Какой театр нужен Новосибирску». «Все выступления со стороны представителей СовСибири направлены были против оперы и носили крайне резкий, непримиримый, порою недопустимо оскорбительный характер... Больше всех неистовствует редактор газеты Советская Сибирь тов. Шацкий, выливший на голову приглашенных им “гостей” из Сибгостеатра целый ушат помоев. Критикуя оперу, как “совершенно бессмысленное идиотское искусство” тов. Шацкий договорился до прямого обвинения оперы и оперного театра в контрреволюции (он сказал, что “опера это гнездо контрреволюции”). С художественной же стороны нося в Новосибирске гастрольной характер, опера Сибгосопера является сплошной халтурой, не представляющей собой никакой художественной ценности...»⁶²

Пресса подхватила рабочий посыл, на ее страницы вновь начали выплескиваться нападки на чуждый рабочему зрителю «буржуазный» жанр. «Не хватает нам идеологического театра, обслуживающего рабочего зрителя. <...> Обветшавшая эстетика оперных постановок, рутина оперного спектакля только портит вкусы»⁶³. «Вообще нельзя дрыгать ногами только от оперы. Культурную революцию на театре будет делать драма и комедия»⁶⁴.

«Советская Сибирь» поставила в пример красноярскую филармонию: «Существуя исключительно на членские взносы, общество тем не менее нашло силы поставить 3 камерных концерта, общедоступность которых привлекла в стены гортеатра подлинного рабочего — слушателя, чего так тщетно добивается Новосибирск»⁶⁵.

Будучи в Новосибирске во время командировки по городам Сибири и зная тяжелое положение театра, в него 15 декабря 1928 года приехал нарком просвещения РСФСР А. В. Луначарский. Его визит был совершенно неожиданным, руководству даже пришлось срочно уйти с упоминавшейся выше конференции рабкоров. По итогам он написал в журнале «Красная нива»: «В городе есть театр. <...> Я, например, имел удовольствие видеть там не что иное, как “Красный мак”, — вещь, которая имеет смысл только при известной роскоши постановки. И что же — на малюсенькой сцене, с небольшим количеством балетных

⁶¹ ГАНО. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 1458. Л. 49.

⁶² ГАНО. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 826. Л. 20.

⁶³ Советская Сибирь, 1928, № 294, 19 декабря. Цит. по: Ромм В. В. И зазвучала музыка... С. 71.

⁶⁴ Советская Сибирь, 1929, 15 января. Цит. по: Ромм В. В. И зазвучала музыка... С. 74.

⁶⁵ Вот как нужно продвигать музыку в рабочую массу // Советская Сибирь, 1928, № 295, 20 декабря, с. 2.

танцоров руководителям новосибирского театра удалось устроить премильный спектакль, удивительно свежий, находчивый в смысле мизансцен. Небольшой оркестр и танцоры нисколько не уронили общего впечатления от постановки, которая достаточно интересна для любой столицы, а для новой Сибири должна быть признана изумительной»⁶⁶. Луначарский оставил театру отзыв: «Я удивляюсь искусству, с которым Оперный театр Новосибирска поставил со слабыми средствами такой постановочный балет, как “Красный мак”. Очень искусно, очень умело»⁶⁷. Этот отзыв был отпечатан большим тиражом, его распространяли среди зрителей, но даже народный комиссар просвещения, которого самого упрекали в правом уклоне, не смог остановить пролеткультовскую атаку на Сибгостеатр.

В 1929 году журнал «Новый зритель» сообщает, что в Новосибирске «на спектакле в Сибгостеатре возмущенными зрителями была освистана оперетта “Белая моль”. Раздавались возгласы: “Долой мещанское нытье!”, “Убрать из Сибгостеатра похабщину!”, “За наши деньги требуем здорового зрелища!” После выражения протеста против постановки “Белой моли”, часть зрителей покинула зрительный зал»⁶⁸.

Гонения на оперное искусство в Сибири было уже не остановить. В них приняли участие не только рабселькоры. На заводе «Труд», хлебозаводе, пивзаводе, мельнице прошли единодушные собрания трудовых коллективов. Рабочие потребовали: «Довольно нас пичкали буржуазной дребеденью, идеологически вредной, вроде тех опер, оперетт и драм, которыми богат Сибирский театр. Долой политически чуждые нам постановки! Довольно, прикрываясь разговорами о классиках, драматургах, о классической музыке, преподносить нам мещанскую обывательскую халтуру! Да здравствует новый, бодрый, действенный пролетарский театр! Дорогу сибирскому пролеткульту!»⁶⁹

«Пролетарская общественность Новосибирска требует прекращения расточительной траты советских денег на обслуживание классово чуждых пролетариату слоев»⁷⁰. «Дискуссия заставила руководителей театральной политики пересмотреть свои старые позиции и решительно пойти навстречу рабочему зрителю в смысле обновления репертуара. <...> Затасканные, обветшалые декорации “Травиаты” и “Иже с ней” запрятаны в самый дальний угол театрального зала»⁷¹.

В мае 1929 года газета «Советская Сибирь» опубликовала «некролог» по поводу бесславной кончины оперы в Новосибирске: «Вряд ли кто добрым словом поминает “покойницу”: оперное дело не сумело снискать себе симпатий советской общественности, оно было глухо к зовам современности, чуждалось обновлений, свежего духа, художественных реформ. <...> До сих пор мы щедро поливали из лейки госдотаций чужой нам по форме и духу сибирский оперно-балетный театр. На “па-де-де” мы тратили в среднем 120 000 рублей в год. <...> Вопрос о постройке нового театрального здания в Новосибирске решен в положительном смысле. Надо подумать о достойных “жилыцах” для этого дома»⁷².

⁶⁶ Луначарский А. В. Четыре города // Красная нива, 1929, № 14, с. 12—13.

⁶⁷ Ромм В. В. И зазвучала музыка... С. 66.

⁶⁸ Новосибирск // Новый зритель, 1929, № 37, с. 13.

⁶⁹ Рабочие Новосибирска приветствуют создание общества рабочего театра // Советская Сибирь, 1929, № 18, 10 августа, с. 4.

⁷⁰ Советская Сибирь, 1929, 5 января. Цит. по: Ромм В. В. И зазвучала музыка... С. 72.

⁷¹ Бельский Б. Новосибирск // Жизнь искусства, 1929, № 11, с. 18.

⁷² Сибгостеатр на распутье // Советская Сибирь, 1929, № 102, 8 мая, с. 3.

Ранее, в 1926 году, в Новосибирске задумались о постройке для рабочего театра нового большого здания, но пока ограничивались «внешним и внутренним ремонтом»⁷³ прежнего, пристройкой к зрительному залу. Летом 1928 года в прессе снова развернулась бурная дискуссия. «Работники искусств “Сибгосоперы” уже отработали один день в фонд “Дома Культуры”. Пусть это явится примером. Нужно бить во все колокола, призывать всех граждан к активному участию в создании фонда “Дома Культуры”», — пишет товарищ Ордынский. Ему возражает некто С. Ф.: «Сбор добровольных пожертвований уже начат. Но мое мнение такое, что товарищ, который возбудил этот [вопрос], все-таки ошибся и не заметил более острого вопроса, о котором везде и всюду кричит рабочая масса... — это постройка жилища для рабочих»⁷⁴.

С одной стороны, властями признавалось, что театр является «наиболее доступным орудием пропаганды идей социализма», с другой — заявлялось, что «современный театр является буржуазным наследием со всеми признаками буржуазного характера, является театром интимного характера, со свойственным для него делением мест по удобству: ложи, партер, балкон, галереи. <...> Современный театр не годен для массовых постановок и не рассчитан на массового зрителя»⁷⁵.

В июле 1928 года в городе состоялось собрание актива рабселькоров, на котором выступил председатель ЦК Пролеткульта тов. В. Плетнев: «Мы находимся на пороге к созданию рабочего театра в Новосибирске, такого театра, который явится проводником новых начал на театральном фронте, активным участником социалистического строительства и борцом с мещанским засильем в области театрально-художественной работы. <...> Поэтому местные и краевые организации должны немедленно оказать поддержку этому прекрасному начинанию»⁷⁶.

Для реализации этого замысла был создан Комитет содействия строительству театра («Комсод») во главе с зампреда Сибкрайисполкома И. Г. Зайцевым и основателем Сибгосоперы В. Д. Вегманом. Строительство «Дома культуры» как «композиции театра с центральной библиотекой и музеем» требовало более десяти лет времени и финансирования «до 2½ миллионов рублей». А пока руководство Сибгосоперы предложило проект кардинального расширения своей сцены и зрительного зала до 2 000 мест.

С 1927 года в сибирских городах начался обмен театральными труппами. Сибгосопера потеряла краевой статус и была передана на баланс города. Сезон 1927/1928 года она начала в Томске, несколько месяцев следующего провела в Иркутске.

Сезон 1929/1930 года прошел в Перми, половина следующего — снова в Томске, а в начале 1931 года труппа на четыре месяца возвращается в Новосибирск. Ее репертуар претерпел кардинальные изменения — в нем всего четыре классические, три советские оперы и балет «Красный мак». Региональная пресса приветствует изменения: «Сибирская государственная опера... встает

⁷³ Советская Сибирь, 1926, № 111, 16 мая, с. 3.

⁷⁴ Продолжаем обсуждать вопрос о постройке Дворца культуры // Советская Сибирь, 1928, № 166, 19 июля, с. 4.

⁷⁵ Баландин С. Н. Новосибирск. История градостроительства 1893—1945 гг. — Новосибирск, 1978. — С. 105.

⁷⁶ Пролеткульт в Сибири // Советская Сибирь, 1928, № 169, 22 июля, с. 4.

на путь советизации одного из самых неподвижных театральных искусств — оперного искусства»⁷⁷.

Однако издержки транспортировки больших трупп и громоздких декораций давно беспокоят театральную общественность Новосибирска. «Это обстоятельство создает угрозу распыления того, что годами собиралось вокруг Сибгосоперы, и что представляет для Сибири известную художественную ценность... Повторяемые эксперименты над Сибгостеатром, очевидно, приведут к тому, что от солидного театрального дела в сибирской столице может остаться пустое место»⁷⁸.

22 мая 1931 года на центральной площади Новосибирска состоялась церемония закладки первого камня на строительстве Дома науки и культуры, в который планируется заселить и Сибгосоперу. Ее работники были приглашены на торжественный митинг. Пока же здание «Рабочего дворца» передается передвижному драматическому театру «Красный факел», а труппа оперного театра отправляется на очередные гастроли в Красноярск.

Свой последний сезон 1933/1934 года неприкаянная Сибгосопера провела в Иркутске в качестве сначала Восточно-Сибирского краевого театра, а потом Иркутского городского оперного театра. 31 мая 1934 года в Иркутске был дан последний спектакль Сибгосоперы — «Кармен», а после возвращения театра в Новосибирск коллектив был распущен. Часть артистов уехала из Сибири, а хор, симфонический оркестр и ряд солистов были приняты в штат Новосибирского радиокомитета. Некоторые из этих последних позже смогли послужить и в труппе нового оперного театра.

Как бы то ни было, Сибирский государственный оперный театр оставил заметный след в культуре Новосибирска. Его художественная позиция выразилась в последовательной преемственности в отношении русского реалистического театра. За четырнадцать лет репертуарный список Сибгосоперы включал почти 60 произведений русских и зарубежных композиторов. Среди них первое место занимали в основном классические оперы: 15 русских, 16 европейских и 5 советских. Также в репертуар входили 13 оперетт, среди которых «Корневильские колокола», «Цыганский барон», «Сильва», «Баядера», «Прекрасная Елена», «Марица», «Принцесса цирка», «Женихи», и 10 балетов: «Шопениана», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Волшебная флейта», «Лебединое озеро», «Красный мак», «Конек-горбунок», «Корсар» и другие⁷⁹.

Именно с Сибгосоперой связаны прекрасные начальные страницы академического искусства в Новосибирске — незаурядные постановки провинциального оперного театра имели революционное культурное значение не только для Сибири 1920-х. Они стали опередившим свое время явлением для театральной жизни всего Советского Союза.

⁷⁷ На днях открывается оперный сезон // Красное знамя, 1930, № 221, 3 октября, с. 3.

⁷⁸ Бельский Б. Предстоящий сезон в Новосибирске // Жизнь искусства, 1928, № 38, с. 9.

⁷⁹ Геращенко В. П. Сибгосопера — первый музыкальный театр Советской Сибири // Художественная культура и интеллигенция Сибири (1917—1945). — Новосибирск, 1984. — С. 88—105.

Кристина АНДРИАНОВА

ТРИ НОТЫ ГИМНА ЧВК

2021 год вкупе с компаниями «Паритет-фильм» и August устроил любителям боевиков тройной праздник. Праздник споров и восторгов. О фильмах «Турист», «Солнцепек» и «Гранит» в сети и официальных СМИ рассуждали в основном представители сильного пола. По итогу эта троица, продуманно сезонно пришедшая к зрителю в мае, августе и декабре, для одних критиков стала «патриотическим воспитательным кино», а для других — недорогой агиткой ехать воевать за правильные идеалы (и вознаграждение) в любую точку мира. По крайней мере, этот смысловой раскол ясно читается по «африканским» «Граниту» и «Туристу». О том, почему «Солнцепек» стоит несколько особняком, «о добром и дурном» во всех трех историях поэтапно и поговорим. Как минимум с точки зрения женщины, таящей в себе архетипы Дочери, Жены и, конечно, Матери.

Особенности национальной пехоты

Следуя за философами от истории Мейером и Шпенглером, можно сказать, что мировая история в основе своей циклична. Как в общем, так и в частном. Греческие фалангиты сменялись легионерами регулярной римской армии, а воспетые в средневековых балладах европейские рыцари, ландскнехты, рейтары и прочие «каталонские дружинники» — те же наемники западного (да и не только) мира — становились участниками военных конфликтов — в чем-то, по сути, прообразов цветных революций. Из крестовых походов выросли такие же столетние (считай, по кругу) рывки на Восток — только уже не Ближний, а славянский. Да и в родных летописях-легендах оставили свой раскаленный след варяги, казаки Ермака и другие «люди вольные».

Только если в империи и Советском Союзе быть наемником официально считалось не комильфо, то век информационный метамодернистский решил взглянуть на наемников как на своего рода старых добрых пропагандистски-благородных рыцарей. Не рефлексирующих на привале солдат постоянной армии, даже не легкомысленных мушкетеров-боярских да романтических гардемаринов-харатьянов, а бравых, словно из компьютерной игры, любителей хардкорных авантур и путешествий. В первую очередь к делу их облагораживания было подтянуто важнейшее из искусств.

Началась эта кинобойня далеко не сегодня. Весь XX век Голливуд наращивал свой манипулятивный потенциал и просто перегрузился нетленным пафосом в веке нынешнем. Причем отметился не одними наймитами в той же Африке или на руинах Югославии, но и стаей спедагентов (хотя такие стаями и не летают). Давайте оставим за скобками вечно живых бондов, хантов, кейджей и отправимся к преемникам Рэмбо. В кино прайды англосаксов и без шпионобредии невозбранно шныряют по Гренаде («Перевал разбитых сердец», 1986), Сомали («Черный ястреб», 2001, о событиях 1993 года), Нигерии («Слезы солнца», 2003, основано на реальных событиях в Колумбии), Ираку («Повелитель бури», 2008; «Снайпер», 2014), Кувейту («Морпехи», 2005), Афганистану («Уцелевший», 2013; «Морпехи: Поле огня», 2014; «Репортерша», 2016; «Кавалерия», 2018; «Форпост», 2020), Вьетнаму (одна из относительно новых картин — «Последняя граница», или «Отчаянный ход», 2019), Ливии («13 часов: тайные солдаты Бенгази», 2016), Чили («Колония Дигнидад», 2015). Голливуд выпустил даже фильм о Саудовской Аравии, сюжет которого полностью вымышлен («Королевство», 2007), а также ленту о Филиппинах, Индонезии, Коста-Рике, Украине и вновь Сомали вместе взятым («Закон доблести», 2012). В последнем из названных киноопусов фигурирует и Чечня, неожиданно перенесенная на казахстанский Каспий.

Эти «сущности» можно множить долго. «Цена страха» (2002), «Львы для ягнят» (2007), «Совокупность лжи» (2008), «Неудержимые» (2010), «Операция «Арго»» (2012), «Цель номер один» (2013)... Заокеанские боевики и триллеры о мегакрутых спецслужбах и обычных «солдатах удачи» можно перечислять бесконечно.

Из собственного зрительского опыта ясно одно — отечественный кинематограф бойко идет по проторенным следам. Правда, следы иногда петляют, тогда как «в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань». Под конем подразумеваем стилистику и технические моменты (пусть второе и отстает от голливудских историй по причине малого бюджета), а под ланью — морально-этическую начинку, которая у нас своя или пытается оной быть.

Рассматривая продукцию современной российской киноиндустрии в данном героическом жанре, мы имеем в раскладе общую «рыцарскую» канву — операции в «горячих точках». Фильм «Турист» знакомит с обстановкой в Центральноафриканской Республике, «Гранит» — в Мозамбике. Плюсами этих кинополотен являются натуралистичность, быстрое погружение в ситуацию (словно снимаются реальные участники событий), съемка по принципу «не отходя от кассы» — все это было недавно, соответственно в 2020 и 2019 годах. В остальных мнения зрителей и критиков диаметрально противоположны. Одни говорят о «казахуке богачей», которым война — мать родна, другие — о втором дыхании боевиков советского и постсоветского стиля вроде истории под названием «Тридцатого уничтожить» (только без вездесущей криминальной тематики начала 1990-х).

Упомянется и о метафорическом «победоносном продолжении» относительного свежего, 2019 года, «Балканского рубежа». Однако там российская армия действует в захваченной косоварами сербской Приштине, это ментально ближе. Истина, как водится, «где-то там». В сценариях, которые для «Туриста», «Гранита» и «Солнцепака» придумал Владимир Измайлов, черным

по белому — нет, красным по черному — прописан положительный образ российского мужчины. В лучших традициях классической пропаганды вбиваются установки «русские не сдаются», «русские не отступают», «русские вернутся».

Все бы хорошо, но если боевик рассчитан на обывателя, не совсем ясна цель героического «неотступления» русских в далекой Африке. И это вопрос сценария, погружающего в ситуацию, но не дающего ответы. Среднестатистические патриотично настроенные зрители скажут: «Да, есть большие деньги и большая политика, да, мы против “гадящей англичанки”. Но, коли есть историческая ретроспектива, покажите!» И впрямь: если у тебя нет благородного мотива для «победного боя с Франко», чем ты, отечественный военный инструктор, по сердцу (не по опыту) лучше инструкторов английских, американских, французских, канадских?..

Ответ в предложенных историях размытый (еще и с коррумпированным ментом, бывшим коллегой Туриста, который живет себе вполне вольготно и ни по какой чужбине с автоматом в руках бегать не собирается). Так в чем же истинный патриотизм наших «Туристов», «Гранитов», а вкуче с ними и таких кинопроектов о ближневосточных конфликтах, как «Пальмира» (2020; здесь, правда, больше личной драмы), «Небо» (2021), «Однажды в пустыне», «Своя война» (оба — 2022), или кавказских сюжетов вроде «Решения о ликвидации» (2018)?

В чем суть «не-сказок» хотя бы об Африке? Начнем с того, что Африку открыл в свое время Советский Союз, до которого там были европейские «истинно белые люди» — колонизаторы. И с распадом социалистического блока политологи в целом сходились во мнении, что континент жирафов и венценосных журавлей русские потеряли.

Сегодня экспертное сообщество неоднородно в оценках политики в отношении Африканского континента. Одни говорят о наших достаточно активных действиях не только на традиционном гуманитарном направлении (образовательные программы для африканцев в России не прекращались и после СССР), но и в обучении различным технологиям, участии в медицинских, финансовых и — оп! — «военных» проектах. Другие менее оптимистичны и указывают на отсутствие внятной государственной политики и предвзятость в бизнесе в отношении Африки, что дает преимущества не только явно более деятельному Китаю (за 2020 год его товарооборот с Черным континентом превысил российский в десять раз), но и такой бывшей колониальной державе, как Франция, которую на африканской земле помнят отнюдь не с хорошей стороны (французы не создавали на захваченных территориях администрации из местных, отличаясь этим даже от англичан).

Первая экспертная группа называет отечественную политическую повестку по Африке «возвращением», вторая — «только потенциалом». Для первых нет частных военных компаний — согласно закону, есть только «частные охранные подразделения»; для вторых это откровенные наемники. Но и те и другие исследователи согласны в одном: присутствие отечественных инструкторов в Чаде, ЦАР, Судане, Ливии, Мали дает России несколько очков в умозрительную графу «имидж в регионе», а также помогает стране «участвовать в игре с минимальными рисками». Кстати, в Мали Франция пыталась ликвидировать боеви-

ков группировки «Аль-Каида» (запрещена в РФ) целых восемь лет, после чего с французами было разорвано военное соглашение и власти пригласили Россию (с невероятно популярным в Мали Путиным). ЧВК «Вагнер» помогает странам Союза арабского Магриба (а это Алжир, Ливия, Мавритания, Марокко и Тунис) с проведением предвыборных кампаний, охраной инфраструктурных объектов и глав государств, обучением местных вооруженных сил и, как видим по фильмам, с противостоянием антиправительственным формированиям. Среди политологов бытует мнение, что присутствие военных из России создает для нашей страны условия для заключения договоров о добыче местных полезных ископаемых — редких металлов, алмазов и золота.

При этом не стоит переоценивать несколько иной, но близкий к военным инструкторам сектор — рынок сбыта нашей «оборонки». Поставки российского оружия в Африку пока не столь объемны, однако растут, как и число контрактов. Так, в 2017—2018 годах Россия поставляла истребители, военные вертолеты и ракеты для Анголы, Нигерии, Судана, Мали, а в 2022 году передала той же Мали несколько штурмовиков и вертолетов.

Все это не может не беспокоить Запад и США, привыкшие к двойным стандартам и игре в одни ворота. Группа Вагнера, после ЦАР и Мозамбика расширяющая свою деятельность в Мали (ждать новой киноистории?), способствует ослаблению военно-политического присутствия Франции в Северо-Западной Африке. Если же вспомнить, что Пятую республику политологи обычно относят к «империям моря» (вкуче с ее союзником Великобританией и ее последователями США), отпадают возражения против присутствия там крепко знающих военное дело русских.

Вполне логично аргументирует отнюдь не периферийную роль Африки директор Института Африки РАН Ирина Абрамова. В интервью в июле 2022 года она отмечала, что «Африка — это 55 государств, 10 тысяч разных народов и национальностей, это континент с населением в 1 миллиард 400 миллионов человек... это 30 % мировых ресурсов, которые, кстати, еще не до конца исследованы и распределены». Естественно, что за ресурсы заезженная западная идеология потребления будет биться, как африканская гиена.

Мы же, изучив вопрос, начинаем не столь скептически воспринимать «свежие» отечественные ленты с налетом африканского трэша. Тогда начинают вполне естественно восприниматься такие бесхитростные агитки, как «русские воюют за идею», «не приехали бы мы — приехал бы кто-то другой» («Гранит»), «Америка воюет за демократию, а мы — за справедливость» («Турист»). Нелучайно в «Граните» ближе к финалу мы слышим беседу двух офицеров: «Заставить Родину любить — это ж невозможно». — «Заставить — нет. Научить — можно». Опустим стилистические повторы — скажем о кинотворцах. Они и учат. Как могут. В сложившихся условиях. С одинаковым для всей кинотроицы и художественным, и лексическим оформлением. Чего стоит один «избитый» слоган на постере «Гранита»: «Жить или умереть» (безальтернативный выбор для человека адекватного). Такие вот три картины с одинаковыми ракурсами, фильтрами, недомонтажом, бессменным композитором (Виталий Муканяев), топорной массовой (хотя встречаются вполне крепкие перестрелки), порой нелогичным поведением антигероев (о «мотивации» протагонистов уже говорили), а также кочующими из ленты в ленту персонажами из ЧВК. Идея

интересная, только складывается впечатление, что фильмы следует смотреть с самого последнего, а не наоборот.

Учитывая интенсивность заграничной кинопропаганды, отягощенной войной за глобальные ресурсы, такое кино может считаться контрударом и займет среди поклонников жанра свою нишу. Оружьиные русские парни — настоящие современные пионеры Африки 2.0 (не зря у одного из героев был сначала такой позывной) — «самые смелые, сильные, умелые». В целом же кино о благородной миссии российских военных «на реке Лимпопо» нашей аудитории пока в новинку, и это вызывает интерес. Проще говоря, чтобы понять художественно неровные фильмы «Турист» и «Гранит», нужно мыслить вглубь. Стратегически.

Но в стремлении донести российской аудитории правду о «нашей правде» целесообразнее обратиться к географически более близким преданиям старины неглубокой. Вот тебе, деточка, и «Солнцепек»...

«Иди и смотри» по-донбасски

Кто же наши ученики и наставники? Режиссером «Туриста» стал учившийся на дилогии балабановских «братьев», «Ночном дозоре» Бекмамбетова и провальных «Защитниках» Андреасяна Андрей Батов. «Гранит» взял на себя режиссировавший картины «Шугалей», «Город особого назначения» Вадим Нейманд. «Солнцепек» «зажгли» аж два кинодирижера — Максим Бриус и Максим Вассербаум. Они известные специалисты по боевикам, но и у них есть, как говорят, «проколы». В списке работ первого числятся такие вещицы, как изуродованная либерализмом «Зоя» (Космодемьянская, надо понимать, пошла против фрицев за-ради булочки и трамвайчика) и «убойный» сериал с красноречивым названием «Ментозавры». Второй сыграл роль в откровенной чепухе вроде «Счастливого конца». При этом оба внесли лепту в историю о четырех «положительных стриптизершах» «Шпильки-2» — один снимал, другой снимался. С кем не бывает, подумаем мы, тем более в далеком 2012 году.

Действительно, на боевиках-детективах вышеупомянутые граждане руку набили знатно: «Солнцепек» получился таким же реалистичным, как и «африканские подвиги» этой серии, но гораздо более жестким и даже жестоким. В атмосферу пронзительной жести зрителя погружают с первых минут — сюжет развивается стремительно, уйма героев нарочито колоритна, пишется жирными мазками, в которых нет места выбору. Но нет и правил без исключений: персонаж с говорящим именем Владислав Новожилов мечется между невмешательством и действием, но зритель понимает, куда дело идет, а вот антигерой по фамилии Гончаренко запутался давно и полностью, начиная с жизни личной. Гончаренко — скорее альтер эго Новожилова, его боевой товарищ по Афгану, а ныне «укроп», тренирующий молодчиков. Неслучайно они встречаются в финале за беседой о семье и некой Войне в абсолюте («а ты там остался»). Значит, есть в них некий общий посттравматический синдром, рана, которую солью посыпал «майдан».

Надо сказать, что в ленте скрыто немало символов: где-то их нужно поискать, а где-то они лежат на поверхности. Причем вторых больше, ибо это кино не какое-нибудь фестивально-интеллектуальное. Алогичность военных действий на голубой планете показана оператором через главную антитезу —

смерть человеческую против цветущих ландшафтов лета. Контраст войны и мира оглушает. Белая собака, подаренный крестик, бессмысленная гибель пары — украинского дезертира и луганской девушки у стелы с говорящим названием города «Счастье», порвавшийся от взрыва флаг новой республики — все это визуальный символизм. И сам Алексей Кравченко в роли командира луганского ополчения Павла Грицай видится как отражение-продолжение рано повзрослевшего Флёры из советского и тоже «чересчур настоящего» «Иди и смотри». Но центральным персонажем в этом менее похожем на «гранитного туриста» сюжете, к удивлению обывателя, становится Солнце. С заглавной буквы и намеренно вынесенное в название с двойным смыслом. С одной стороны, Солнце утреннее-полуденное в страшном зачине фильма — над полем и на стеле поселка, подвернувшегося под руку освобожденным из тюрем преступникам и наркоманам. С другой стороны, Солнце невозможно-черное на картинке девочки Кати — как пережитый ею стресс из прошлого, тревога в настоящем и предчувствие будущего. И, наконец, Солнце гневное в финале, когда уходит в поле группа ЧВК, лидер которой подобрал книгу воспоминаний небезызвестного композитора. Солнце многолико. Оно не только дарит жизнь, но и печет, жарит, убивает, сушит. Как тяжелая огнемётная система залпового огня «Солнцепек»...

Иного рода символизм — сюжетный — заметен в разнокалиберных тандемах: «наставник — ученик» (пожилой интеллигент и подросток), западенец и московский националист, киевлянин и луганчанка и, наконец, два оказавшихся по разные стороны фронта «афганца»-однополчанина. Такая концентрация спарринг-ролей дает картинку-срез общества в целом. В реальности «невероятные встречи» случаются редко, однако мир тесен, и жизнь бывает интереснее кино. Пересечения героев все же возможны, а сам сценарно-режиссерский ход усиливает драму обрушения «стен» общего «дома» и мироустройства. При всей своей «однобокости» для либеральной критической тусовки сценарий «Солнцепека» — самый продуманный, сложный. Сюжетные ходы логичны, подводят к ответам на философские вопросы, которые по ходу фильма чаще всего озвучивают герои актеров Кравченко и Бухарова. При этом первый «отвечает» за «военно-полевые» вопросы-допросы, второй — за мысли «мирно-бытовые». Конечно, кое-где нам пытаются разжевать прописные истины. Но, может, кто-то еще «не догнал»?

Суперреализм «Солнцепека» — удобная цель для плевков критиканствующих особ. Однако очевидцы событий отмечают добротную «домашнюю работу» авторов фильма над документами. Отдельные из них признают, что в реальности летом 2015-го на Донбассе было еще страшнее. Как «Солнцепек» ни крути, в нем есть как минимум попытка посмотреть на события с разных сторон, показать чудовище войны, не скатываясь в тотальную «чернуху» даже при наличии тяжелых эпизодов. Если отбросить прозападные скрежетания зубами отдельных интеллигентов, единственным наиболее серьезным минусом можно считать технический — неровный монтаж. Впрочем, это ахиллесова пята всей тройки фильмов о ЧВК.

Но вернемся к нашей картине. Пусть в «Солнцепеке» зритель смотрит на происходящее преимущественно глазами ополчения ЛНР и «временного паффиста» Новожилова. В завершение перед аудиторией появляются старые добрые «дружинники». Только «Турист» и «Гранит» пытаются примитивно «вы-

шибить слезу» у среднестатистического российского зрителя (погруженных в тему не считаем — для них это «родные» истории). Сценаристы-режиссеры работали «на земле» с близкими им ментально людьми и собрали много конкретного материала. Поэтому получился не обычный крепкий боевик, а страшная человеческая драма. Как конкретного маленького человека в пекле беззакония, так и всей юго-восточной части Украины. То, что выглядело неоднозначно на заре 2018 года (время начала реализации идеи фильма, которая родилась и того раньше), стало очевидно-неизбежным к году 2022-му. Эпоха полумер прошла, остался сплошной черно-белый разлом. Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам... Несомненно, время прольет свет на неизвестные страницы этой большой славянской трагедии.

Резюмируя вышесказанное, нам следует сочувствовать не чужим заморским бондам, а родным новым штирлицам. А значит, приветствовать три первые ноты гимна, посвященного русским оружным парням — витязям XXI века. Отечественная былина о борьбе с Идолицем Поганым — как сам конфликт светлого и темного, добра и зла — имеет древнюю историю. Потому так важно, чтобы строчки Шнура «Снова сын уехал воевать, умирать за Родину» не казались притянутыми за уши «в желтой жаркой Африке», а звучали в унисон с культурным кодом загадочной русской души, генетически передающимся по наследству и таящимся в сердце нашей соборной женщины-матери. Родина — не абстрактная Альфа Центавра, а то, за что сердце болит, во имя чего мать своего родного богатыря на смертельную рать благословляет...

Валентина СЕМЕНОВА

ИСТОРИЯ ОТСТУПНИЧЕСТВА В ЗЕРКАЛЕ ПОЭЗИИ

*Заметки о книге Станислава Куняева
«К предательству таинственная страсть...»*

Есть ли в России еще хоть один писатель, который берется распутывать самые сложные, самые болевые вопросы истории, политики, литературы нашего Отечества?

Названия книг Станислава Куняева говорят за себя: «Шляхта и мы», «Поэзия. Судьба. Россия», «Жрецы и жертвы Холокоста», «Любовь, исполненная зла...» (о поэзии и нравах Серебряного века). Открываешь первую страницу любой из них и не можешь оторваться до последней, погружаясь в переплетение исторических событий, литературных судеб, собственных переживаний автора. Как доказательство исповедуемых писателями истин привлечено множество документов, исторической и политической публицистики, воспоминаний, дневников, писем и, конечно, отрывков из сочинений.

Подобное характерно и для этой книги*. Но больше всего бросается в глаза бесстрашие автора в разборе переломных событий XX века и отношения к ним известных поэтов, менявших свою позицию вместе с меняющимся миром. Такой редкостной страстью — воспринимать историю страны и судьбу своего поколения как единое живое целое — наделены немногие. Предпринятое поэтом и публицистом исследование дает повод для размышлений о путях современной России, что особенно важно во время глобального раскола между Россией и Западом.

Сознавая всю неохватность развернутой картины, ограничусь страницами, что взволновали, заставили задуматься и что-то уточнить для себя.

* * *

«С кем вы, мастера культуры?..» Однажды обращенный к российской интеллигенции вопрос перешел в разряд вечных. Не вдаваясь в подробности (а надо бы!), является интеллигенция классом или прослойкой между классами, как было ей определено в советскую эпоху, заметим, что во времена социаль-

* Куняев С. Ю. «К предательству таинственная страсть...» — М.: «Наш современник», 2021. — 688 с.

но-политических потрясений ее голос становится востребованным и властью, и обществом.

Что разделило представителей литературного поколения, в нашем случае поэтического? Пафос Станислава Куняева направлен против «шестидесятников», активного крыла творческой советской интеллигенции, выбравшей это слово в качестве самоназвания. Интересно, что в нем сошлось несколько литературных течений. Во-первых, это молодые поэты, взявшие на себя роль рупора хрущевской оттепели 1960-х годов (отсюда и название): Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Роберт Рождественский, Белла Ахмадулина, Булат Окуджава, Давид Самойлов, Владимир Высоцкий и другие. Во-вторых, свой вклад внесли талантливые поэты традиционного направления, такие как Николай Рубцов, Николай Тряпкин, Владимир Соколов, Владимир Солоухин, Юрий Кузнецов, Станислав Куняев, Анатолий Передреев, Анатолий Прасолов, Ольга Фокина, а также представители других жанров: прозаики-фронтовики Константин Симонов, Константин Воробьев, Василь Быков, Евгений Носов, Виктор Астафьев, «деревенщики» (некоторые соединили тему войны и деревни) Владимир Тендряков, Борис Можжаев, Василий Белов, Федор Абрамов, Чингиз Айтматов, Сергей Залыгин, Валентин Распутин, Юрий Казаков, Виктор Лихоносов, публицисты и критики Вадим Кожинов, Юрий Селезнев, Александр Солженицын, Игорь Шафаревич, Ксения Мяло, драматурги Виктор Розов, Александр Вампилов... Их всех, старших и младших, объединяет время: они составили мощную когорту писателей «новой волны» периода конца 1950-х — начала нового века.

* * *

Нельзя равнодушно читать полные горечи строки, идущие от сердца автора: «Но что случилось с нами, людьми одного поколения, в 1960—1990-е годы? Почему так разошлись за эти тридцать лет наши стежки-дорожки? Я ведь помню, как мы улыбались друг другу, как читали в застольях стихи, как хвалили друг друга за талант, за гражданскую смелость, как выступали одной командой на вечерах в Лужниках, в зале Чайковского, в Политехническом...» (с. 201). Далее приведены автографы на подаренных автору книгах Андрея Вознесенского, Булата Окуджавы, Роберта Рождественского, Василия Аксенова, Александра Межирова, Бориса Слуцкого, Игоря Шкляревского — с душевными дружескими надписями.

Но прежде чем говорить о том, что разделило, надо бы добавить к вышесказанному еще несколько объединяющих моментов.

После бурных и трагических 1920—1930-х годов, после того, как правители новой, Советской, империи провели, можно сказать, жесткое принуждение к миру ее граждан, обратив их в новую веру социализма-коммунизма и отменив сословные, политические, идеологические, национальные и другие различия, наступило пусть не абсолютное, но достаточное для продолжения жизни и трудов успокоение.

Примером может послужить самое беспокойное — писательское — сообщество, коль мы говорим о литературе. В 1934 году был создан Союз советских писателей (ССП), на I съезде которого в докладе Максима Горького была поставлена амбициозная задача: советские писатели должны достичь в мастерстве

уровня мировой литературы. Разумеется, на платформе курса, проводимого партией.

Работа закипела, и не только литературная. Писатели должны были участвовать в строительстве страны рабочих и крестьян, вести культурно-просветительскую работу в массах и в то же время заниматься напряженной литературной учебой. Итоги подводились на собраниях писательских организаций, съездах и пленумах ССП. Выявлялись и награждались лучшие произведения. Книги выходили в государственных издательствах с выплатой авторского гонорара.

Такие «питомники» создавались и в других сферах творчества. Это открывало перспективы роста, способствовало сплочению писателей — вплоть до середины 1980-х годов. Даже политические репрессии 1930-х, прервавшие созидательное движение страны, поначалу сплотили как общая беда: будущие шестидесятники тогда были детьми и теряли своих отцов. Поэтому развенчание культа личности Сталина на XX съезде КПСС было всеми воспринято как исправление ошибок. Объединила и Великая Отечественная война, после огромных потерь одарившая всех радостью победы.

Что бы мы ни говорили сегодня о советской эпохе, надо признать, что общность под названием «советский народ» все-таки сложилась в особый, узнаваемый тип. Над ее созданием советская власть трудилась неустанно, привлекая в помощники всю надстройку над экономическим базисом: науку, культуру, образование. Характерные черты этого типа — верность социалистическому выбору, самоотверженность в бою и труде, стремление к саморазвитию.

* * *

Отчего же во второй главе книги появились такие слова: «Крайне важно понять, что нас, государственников, патриотов и почвенников, как правило, вышедших из крестьянства и простонародья, бесповоротно отделили от “шестидесятников”... социальные, исторические, национальные и даже религиозные разногласия. Но кроме них, в наших распрях было немало всяческих болевых точек, из-за которых мы с каждым годом все дальше и дальше отплывали друг от друга» (с. 42).

Напомню главные:

- антисоветские путчи в Венгрии (1956), Чехословакии (1968),
- хрущевская оттепель 1960-х годов,
- отношение к исторической роли Иосифа Сталина,
- расстрел Белого дома 4 октября 1993 года,
- история России, отношение к «родному пепелищу»,
- судьбы «пламенных революционеров» — дедов и отцов «детей Арбата»,
- отношение к православию, раскулачиванию...

Опираясь на многие источники, в своих суждениях автор отдает предпочтение свидетельствам участников и очевидцев событий.

* * *

Куняев подтверждает наблюдение из советского времени: Гражданская война между красными и белыми не закончилась в 1920-е годы. Она раздоби-

лась на новые маленькие войны. Самое первое, классическое понимание «революции, пожирающей своих детей» хорошо прописано в романе «Боги жаждут» Анатоля Франса о французской революции 1790-х годов. Видимо, наши революционеры считали, что с ними подобного не случится. Однако борьба с общим врагом после победы перерастает в междоусобицы среди недавних соратников — хотя бы за лидерство.

Как разрешались конфликты межпартийные (самые первые), межнациональные (при создании СССР), между верующими в Бога и атеистами, хорошо известно: новая власть подавляла их недрогнувшей дланью. Победители в Гражданской войне творили новую историю и нового человека, и ничто не должно было им мешать.

Тема репрессий была осмыслена не сразу, а лишь в 1980-е годы. Споры об их неизбежности, как и о масштабах жертв, продолжаются до сей поры, но одно можно сказать твердо — это была трагедия, имевшая долговременные последствия. Притом что началась реабилитация невинно осужденных, поспешность, с которой была дана оценка Сталину, вызвала смятение в массах и подспудный раскол в среде интеллигенции.

Картина, открывшаяся в стихотворении Станислава Куняева «Размышления на Старом Арбате» 1987 года (оно приведено в книге, с. 280—282), показывает, что у этой трагедии были разные оттенки. Дети страдали от гибели отцов одинаково, но отцы оказались из разных слоев нарождающегося общества. Отцы «детей Арбата» верно служили революции и вождям, за что имели среди общей разрухи благополучную жизнь — вселялись в барские квартиры, заводили нянь и домработниц, т. е. ощущали себя новой элитой, заслужившей предоставленные блага. И вдруг на их головы обрушивается разящий меч. Кто кого предал? Потерпевшие из числа недавних победителей, наверное, считали, что не они предали, а их предала изменившаяся власть. Приходило ли кому-нибудь в голову: а не означало ли уничтожение царской элиты, что впредь никаких элит не будет? Все должны быть равны. И как только вызрела очередная, за чистку принимался неистовый практик строительства социализма и аскет тов. Сталин с его на тот момент сподвижниками. Так называемого «комчванства» не терпел и Ленин.

Читая об этом, понимаешь, что детям отцов, пострадавших при раскулачивании, в каком-то смысле было легче. К ним беда пришла извне, со стороны новой власти, разделившей крестьянство на кулаков и бедноту и бросившей первых под колеса революции. «Дети Арбата» были уязвлены сильнее, поскольку их отцы попали хоть и под те же колеса, но сидели-то они в той самой колеснице, что неслась по кровавому пути переустройства мира. И потому потребовались большие усилия, чтобы оправдать отцов и воссоединить их с системой, их уничтожившей. Трудно пережить состояние, когда «не за что, а воздается сполна», как верно заметил Куняев в своих «Размышлениях». Показательны романы Юрия Трифонова, с мучительными попытками осмыслить парадоксы пылающей эпохи, ломку судеб («Дом на набережной», «Старик»).

Отсюда вполне логично упование «детей Арбата», назвавших себя «детьми оттепели», «детьми XX съезда», развенчавшего культ личности Сталина, на Ленина. Им хотелось доказать, пишет Куняев, что период сталинского правления был выпадением из «нормального ленинского пути». Когда стало понятно,

что это не выпадение, а продолжение, детей свергнутой элиты постигло жестокое разочарование в идеалах отцов.

Потомственные атеисты, они искали новое прибежище для души. Куняев отмечает: если молодежь из простонародья, меньше пропитанная навязанным безбожием, постепенно обратится к религии предков — православию, то потомки «комиссаров в пыльных шлемах» соблазнятся очередной земной религией «свободы и демократии», «прав человека», пришедшей с Запада на смену христианству.

Таким образом, на первое место выдвинулось духовно-идеологическое несовпадение недавно единого поколения. Оно и определило дальнейшие расхождения. Раскол интеллигенции пришелся на традиционную трещину: западники и славянофилы, либералы и почвенники, а в перестройку 1990-х — демократы и патриоты. Валентин Распутин в очерке «Из огня да в полымя» (первое название «Интеллигенция и патриотизм», 1992 год) прибавил новые оттенки: «бунтари», которые ведут войну с собственной страной, и «целители национальных язв», дополнив вторую половину духовными светильниками православия.

* * *

Одной из первых среди «раскольных» тем стало отношение к Сталину. Многие годы Куняев пытается говорить о И. В. Сталине как фигуре противоречивой, но имеющей немалые заслуги перед страной. В главе «За Родину, за Сталина...» приведены стихи тех, кто сначала воспевал вождя, потом ниспровергал, и наоборот. Особенно поражает честное признание поэта из народа Виктора Бокова, бывшего узника ГУЛАГа, как изменилось его восприятие вождя со знака минус на плюс, и глубина осмысления личности Сталина Даниилом Андреевым — тоже узником, поэтом, сыном известного русского писателя Леонида Андреева.

Знакомясь с фактами, опубликованными после раскрытия архивов, читатель имеет возможность более объективно представить сталинскую эпоху и вождя в его «деяниях и злодеяниях». Один из таких фактов, приведенных Куняевым, — яростная критика киноповести Александра Довженко «Украина в огне», высказанная Сталиным на ее обсуждении в 1944 году: «Если судить о войне по киноповести Довженко, то в Отечественной войне не участвуют представители всех народов СССР, в ней участвуют только украинцы. Значит, и здесь Довженко опять не в ладах с правдой. Его киноповесть является антисоветской, ярким проявлением национализма, узкой национальной ограниченности» (с. 97—98). Эта критика звучит сегодня как упрек советским руководителям последних десятилетий, оставившим без должного внимания развитие агрессивного национализма и русофобии, что ввергло Украину в нынешний пожар. Или еще более яростная тирада против тех, чьи действия могут ослабить СССР, идущая от убеждения, что поодиночке не выжить ни одной части государства, ни одной национальности. «Поэтому каждый, кто попытается разрушить это единство социалистического государства, кто стремится к отделению от него отдельной части и национальности, он — враг, заклятый враг государства, народов СССР... И мы будем уничтожать каждого такого врага, хотя бы и был он

старым большевиком... За уничтожение всех врагов до конца — их самих и их рода!» (из тоста на банкете 7 ноября 1937 года, в честь двадцатилетия победы Октября) (с. 95).

Сталин предстает последовательным продолжателем дела Ленина. Никому нет пощады: ни Еврейскому антифашистскому комитету, пожелавшему создать еврейскую советскую республику в Крыму (и это после усилий, приложенных Сталиным к появлению государства Израиль!), ни ленинградскому руководству, ратовавшему за создание компартии РСФСР (и это после здравицы в честь русского народа в 45-м победном году!). Об этом, кстати, подробно рассказано в очерке В. Кузнецевского «Ленинградское дело» 1949—1953 в «Нашем современнике» (2020, № 1).

Сегодня многое видится яснее. Метания Сталина напоминают метания человека, плывущего по горной реке на непробовавшем плавсредстве, когда надо попасть на ту струю, которая вынесет к спасительному течению, а не ударит о прибрежные скалы и не посадит на подводные камни. Ошибиться так легко! А тут — после победы, давшейся дорогой ценой, в том же 1945 году начата холодная война против «отдельно взятой» страны социализма недавними союзниками! Расслабляться никак нельзя, и метод, испытанный со времен Гражданской войны, — уничтожение каждого врага — опять выходит на первое место. Может, «Ленинградское дело» — последний всплеск отчаянья от предчувствия, что Советскому Союзу не устоять?..

Нам никогда не ответить на вопрос, возможно ли было иначе укрепить страну и сделать ее ядерной державой. Мы смотрим на небывалую по трагизму и прорыву эпоху из дня сегодняшнего, более благополучного. Куняев прав, подерживая мнение историка Роя Медведева, чей отец был расстрелян в 1937-м, что нельзя судить Ленина и Сталина по обычным человеческим меркам — «они сыграли историческую роль».

Сегодня, в год 350-летия со дня рождения Петра Великого, невольно возникает параллель между двумя преобразователями Российской империи. Образ Петра I тоже неоднозначен, как точно передал А. С. Пушкин восприятие этой личности с позиции интересов государства и с позиции простого человека в «Медном всаднике». Однако его историческая роль высоко оценена потомками. Попутно отмечу, что слова императора о прорубании окна в Европу сегодня приводятся в варианте, который не звучал раньше: «Возьмем с Запада все, что нам надо, и повернемся к нему задом». Он успел только первое, второе совершилось при Сталине в XX веке, когда СССР был отгорожен от Запада «железным занавесом». Перипетии с «занавесом» известны: начавший обрушаться во времена «оттепели» 1960-х, он окончательно падет в 1990-е годы и будет вновь возведен, теперь уже Западом, в начале XXI века!

* * *

На этом историко-идеологическом фоне Станислав Куняев дает портрет той части своего поколения, которая отвернулась от советского патриотизма в сторону либеральных «граждан мира».

Поражает художественная сила, с которой прописаны представители громкоголосого шестидесятничества. Их общая черта — отступничество. Общие

истоки — бунт против сталинизма без учета того, что в сталинской эпохе стали прорастать традиционные духовно-культурные ценности; соединение с бунтарским духом минувшего Серебряного века, следование голосу «агитатора, горлана-главаря» Маяковского и будущее приобщение к западной молодежной революции 1960-х — одновременно антибуржуазной, антикультурной и антиморальной. Таким видит Куняев путь бывших друзей, перешедших в лагерь оппонентов.

Надо оговориться, что в книге не идет речь о художественном таланте как таковом — им в достаточной степени обладали все персонажи. Речь идет о направлении таланта, о том, чему служит слово поэта в России.

* * *

О своем расхождении с «громкими» поэтами-ровесниками автор пишет не впервые (см. книгу «Любовь, исполненная зла...»). Потому подробно останавливаться на тех, кто менял свои взгляды в соответствии с общественно-политической обстановкой, не буду. Остановлюсь на тех немногих, изменения в судьбе и творчестве которых свидетельствуют о более глубоких причинах перелома в сознании, чем политические.

Первый, к кому относятся слова сожаления Куняева об утрате былого единства в семье поэтов, это Борис Абрамович Слуцкий — поэт-фронтовик с «душой, распахнутой в стихах», покровитель молодых талантов. Ему отданы слова благодарности и признания автора книги вместе с пониманием неизбежности ухода из его поля притяжения.

Подчеркиваются главные черты поэта Слуцкого — его не поддающаяся политическим переменам честность и смелость, с которой он говорил о жизни и о себе. Словосочетание «честный поэт» повторяется у Куняева на нескольких страницах. Его образ в главе, не случайно названной «Не пробился я, а разбился», высвечен с разных сторон. «Противоречивый и несогласный с собой», из поколения ифлийцев (выпускников Института философии, литературы и искусства), воспитанный на идеях мировой революции и готовый к ней. Но волевать пришлось в Великую Отечественную политруком, а как юристу военного времени — участвовать в работе особых отделов, военной прокуратуры.

«Человек своей эпохи», Борис Слуцкий не бросился вместе с другими обличать Сталина, лишь назвав его «жестоким величеством». По словам Куняева, «Слуцкий понимал правовую ущербность сталинского социализма» (с. 338), но считал себя «ответственным за все деяния государства», «которые вершились при нем». «Всем лозунгам я верил до конца», — не скрывал он.

Куняев приводит подходящие к этой характеристике строки поэта:

**Мы кашу верно заварили,
 а ежели она крута,
 что ж! Мы в свои садились сани,
 билеты покупали сами
 и сами выбрали места.**

Это с одной стороны. С другой — Куняев ссылается на стихи «трогательные... полные сдержанной, аскетической любви к маленькому человеку: “Ста-

рухи без стариков”, “Расстреливали Ваньку-взводного”, “Сын негодяя”... стихи о пленном немце, которого расстреливают перед тем как отступить». И добавляет: «Этот ручеек человечности у Слуцкого упрямо пробивался из-под железобетонных блоков его коммунистическо-интернациональных убеждений» (с. 387).

Борис Слуцкий — наглядный пример того, что для честного поэта нет запретных тем. Одна из них — русско-еврейский вопрос. Куняев касался его неоднократно, в том числе и в одной из начальных глав, «Я люблю эту кровную участь», выступая против политизации национальной темы. Но то, как мучительно переживал советский поэт, ни в чем не желавший кривить душой, свое еврейское происхождение, поражает безоглядной откровенностью.

Автор книги приводит стихи, в особых комментариях не нуждающиеся. Для поэта, который добивался ясности во всем, до чего касалось его перо, отношение к своей национальности стало проблемой, неожиданно возникшей в 1960-е годы. Об этом можно много говорить, но лучше повторить за Куняевым две цитаты из книги Слуцкого «Теперь Освенцим часто снится мне», подтверждающие его страстное желание быть «русско-советским» поэтом.

**Я инородец, я не иноверец,
не старожил? Ну что же — новосел.
Я, как из веры переходят в ересь,
отчаянно в Россию перешел.**

* * *

**У меня еще дед был учителем русского языка!
<...>
Родословие — не простые слова.
Но вопросов о происхождении я не объеду.
От Толстого происхожу, ото Льва,
через деда.**

(с. 374)

Открывается драма многих нерусских по крови литераторов, возросших на русской культуре и потому считающих себя русскими. После революции они старались перейти в русскость как в религию — в недавнее для них царское время в паспорте вместо графы «национальность» стояла «вероисповедание», и этого было достаточно для единства нации. Но когда в стране ослабевает общая идеология, каждый народ обращается к своим корням. Слуцкий не был к этому готов — и был неприятно удивлен, когда со временем обнаружил, что

**Стали старыми евреями
все поэты молодые,
свои чувства поразвели,
свои мысли охладили.
<...>
И акцент проснулся, Господи,
И пробилась, Боже, пейсы...**

(с. 377)

Так недоумевал он по поводу наступивших перемен.

Главной же причиной пошатнувшегося душевного равновесия Слуцкого, приведшего к душевной болезни, Куняев считает «атеистическое отчаянье», которое подобно морю поглотило музу поэта в последние годы, «когда поэт понял, что идея социальной справедливости неосуществима», чего не случилось с Пастернаком, Заболоцким или Ахматовой, нашедшими опору в христианской вере (с. 392).

Таким образом, автор подчеркивает — национальный вопрос не первый, что приводит к личной и исторической драме. Эта мысль проходит красной нитью через всю его книгу.

* * *

Совсем другими интонациями проникнут очерк об Андрее Вознесенском. Все главы книги, кроме одной, названы по строчкам из стихов поэтов, о которых идет речь. Главу «Лежу бухой и эпохальный...» читать просто тяжело.

Это уже торжество тотальной свободы, свободы, оправдывающей все: смелу настроений, убеждений, готовность испробовать в этой жизни все. Здесь и отсылка к греховности Серебряного века, и привлекательная новизна впечатлений автора поэм о В. И. Ленине от Гринвич-Виллиджа — пристанища нью-йоркской порочной богемы и т. д.

Ограничусь лишь одним высказыванием исследователя: «Прочитал я все эти откровения (из книги Владимира Соловьева “Не только Евтушенко”. — В. С.) и подумал: а не сужаю ли я понятие “шестидесятники” до “детей оттепели”, до “детей XX съезда КПСС”? А может быть, наше “шестидесятничество” было лишь частью “мирового шестидесятничества”, куда входили со своими противостественными страстями и американские битники с лесбиянками, и французские студенты, совершавшие в 1960-е годы антидеголлеvesкую и сексуальную революцию одновременно?» (С. 312.)

Задуматься есть о чем. Что несет человечеству глобализм и до какого края может пойти русская поэзия, если она отвернется от таких имен, как Пушкин, Николай Рубцов, Анатолий Передреев, о которых напоминает автор в конце этой главы.

* * *

Большое место в портретной галерее занимает Евгений Евтушенко. В редкой главе не увидишь его имени. Глава «Давайте после драки помашем кулаками...», названная по строчке из стихотворения Бориса Слуцкого, полностью посвящена Е. Е. Она включает в себя даже прямое обращение к нему: «Если бы Евтушенко сейчас был жив, то я сказал бы ему:

— Женья! Ты в своем творчестве докопался до настоящей золотой жилы...»

Так, можно сказать, продлен поединок, не оконченный в свое время. Все извивы во взглядах автора крылатого выражения «Поэт в России — больше, чем поэт» прослежены и откомментированы с привлечением обширной доказательной базы.

Возникает вопрос: «Надо ли так подробно?» Дело в том, что человек, изменяющий кому-то или чему-то, неизбежно изменяет и себе. С этим трудно смириться тому, кто шел с ним рядом многие годы. Отсюда негодование, обида, азартное желание доказать старому товарищу его неправоту. До самого последнего момента, когда Евтушенко со своими сторонниками в 1991-м предпринял попытку закрыть Союз писателей России как «идеологически обеспечивший путч» ГКЧП, неудачно попытавшегося остановить развал СССР. Имелось в виду «Слово к народу», под которым поставили свои подписи писатели-патриоты Юрий Бондарев, Валентин Распутин, Александр Проханов и другие.

Будучи сам одаренным художником, Куняев создал образ-явление, образ-символ, знаковую фигуру времени. Как поэт и как гражданин, не отступивший в схватке с Евтушенко за Союз писателей России, он имел право провести исследование на материале ему хорошо известном. Другое дело — задаться вопросом, как же случилось, что многочисленные поклонники поэтов, претендующих на особую роль, не смогли отличить приспособленчества от умения «держать руку на пульсе времени»?

Собственно, мы бы о многом догадались, если бы в свое время обратили внимание на «Пролог» Евтушенко. Он выглядит длинным за счет множества коротких строк, порой в одно-два слова или даже в один предлог. «Пролог» исполнен самоупоения и предчувствия либеральных свобод:

Я разный —
                   я натруженный и праздный.
Я целе-
                   и нецелесообразный.
 <...>
Я так люблю,
                   чтоб все перемежалось!
И столько всякого во мне перемешалось...
 <...>
Я знаю — вы мне скажете:
                   «Где цельность?»
О, в этом всем огромная есть ценность!
Я вам необходим.
 <...>
Да здравствует движение и жаркость,
И жадность,
                   торжествующая жадность!
Границы мне мешают...
                   Мне неловко
не знать Буэнос-Айреса,
                   Нью-Йорка.
Хочу шататься, сколько надо, Лондоном,
Со всеми говорить —
                   пускай на ломаном.
 <...>
Хочу искусства разного,
                   как я!

И так далее.

Креативность, говоря по-современному, зашкаливает! Уважаемая публика предупреждена, что может ожидать от поэта всего, чего ей — публике — угодно. Молодой Евтушенко как будто предвидел, а может, уже ощутил приближение со стороны Запада общества потребления и громко объявил о своей ему необходимости. В итоге было много написано и издано, много прочитано со сцены. При свойственном поэту артистизме его литературные вечера сольются с эстрадными номерами. Придет успех, слава и любовь публики, признание сильных мира сего в разных, как и мечталось, частях света! Чего еще нужно от жизни?

Но вдруг, как из-под земли, забил родник «тихой» поэзии, напоминая о том, что существует другое восприятие мира. Оно ближе Есенину, а не Маяковскому, и не Серебряному веку, а золотому. Поэтов поддержали критики Вадим Кожин, Юрий Селезнев, поэт и публицист Станислав Куняев и многие другие. Так заявило о себе патриотическое крыло в литературе. Известно, что Евтушенко поначалу отмахнулся от «тихих», как от маленьких «фетят» (имеются в виду последователи Афанасия Фета).

Размежевание сил рассмотрено Куняевым тщательно и подробно. Мироззренческий раскол состоялся, каждая сторона пошла своей дорогой. И тут бы хотелось подчеркнуть, что раскол и конфликт были именно духовного порядка, по принципу «мы не такие, как вы» (Лев Гумилев). Корни уходят в представления о ценностях, а ценности — в религию, что в атеистической стране стало очевидным не сразу. Это — во-первых. Во-вторых, в СССР при идее всеобщего равенства столкнулись две цивилизации — городская (как более передовая) и деревенская (как уходящая в прошлое). Не случайно поднялись вместе «тихая» поэзия и «деревенская» проза.

Итог раскола таков — в 1990-х победило либеральное крыло. Если на первое место в культуре вышли зрелищные искусства, то из литераторов привечались те, кто ближе к либералам, — грантами, фондами, проектами, престижными книжными выставками и т. д.

Затянувшийся спор Куняева с Евтушенко — не просто разрыв отношений двух поэтов. В нем отпечаток глубокого разлома, повлекшего за собой удар по патриотическому крылу интеллигенции, больше «деревенскому», чем «городскому». По тем писателям, для кого слова, с которых начинается свою книгу автор, — «Литература в России — это вторая религия» — не потеряли своего значения.

* * *

Причина негодования Куняева состоит в той «золотой жиле», которую стал разрабатывать Евтушенко, бичуя в стихах призраков из российского прошлого — «охотнорядцев», «черносотенцев», а из настоящего — современных «вандейцев», «русских коал» и особенно — антисемитов. Из всех стрел последняя оказалась самой ядовитой.

В постсоветском обществе быстро выстроилась идеологическая цепочка: патриотизм — национализм — фашизм. Действенный прием, чтобы писатели-патриоты были записаны в маргиналы и замолчали.

Недавно на глаза попала газета «Консерватор» № 18 (34) за 2003 год со статьей Армена Асрияна «Антисемитизм» и врезкой: «Борьба с антисемитизмом, приобретающая вселенский размах, потеряла всякую связь с реальностью». В ней говорилось о том, какой вред наносит эта «фобия», в том числе и евреям. Что ж, судя по имени, автор — армянин, ему можно говорить прямо...

В итоге Россия, запуганная «русским фашизмом», просмотрела реальный фашизм на соседней Украине, вовремя не открыла против него хотя бы информационную войну и в результате вынуждена бороться с оружием в руках. Наши либералы до сих пор пребывают в заблуждении, что нацизм на «незалежной» — это ничего серьезного. Если Запад решил бросить нацистов на самую грязную работу, а потом аккуратно стереть из истории (или убрать в запас), то для таких «стратегов», действительно, ничего серьезного.

* * *

Глава о Георгии Свиридове под названием «Да сгинет тьма!..», наверное, самое светлое, что есть в этой книге.

Посвященная великому русскому композитору XX века, она дает ощущение выхода на целебно-освежающий воздух, в мир чистых отношений. Он пропитан взаимопониманием, душевной привязанностью людей, у которых Родина одна и взгляды на искусство и жизнь близкие. Из воспоминаний Куняева и монологов Свиридова предстает образ русского витязя от музыки, аскетичного по отношению к материальным благам, приверженного русскому пути в искусстве, одинокого, но не впадающего в уныние в свои немолодые годы. Полны благодарности композитору строки автора книги за поддержку его критики творчества Владимира Высоцкого и других кумиров массовой культуры в статье «От великого до смешного...» 1982 года, вызвавшей бурю читательских откликов.

По-хорошему удивила в письмах Свиридова оценка стихов друга-поэта. В ней не только восхищение, но и чуткое проникновение в смысл, несогласие с какими-то строчками, совет что-то переделать. И ответная честность публикатора писем, не сделавшего сокращений на этот счет. Такое встречается редко. Чаще наблюдаешь обратное: одно замечание — и недавний друг становится врагом надолго, если не навсегда. А ведь откровенность — одна из лучших черт русского характера.

Русский характер, русский вопрос... Вот на чем надо сосредоточиться сегодня. Где наша объединяющая сила, наша соборность? Почему так мало согласия? Какие еще нужны опасности, чтобы мы прозрели?..

В монологах Свиридова задевается тема мировой закулисы — сети, раскинутой теми, кто претендует повелевать миром. При этих словах либерально настроенный читатель наверняка поморщится — опять мифы о заговорах! Мифы или не мифы, но ведь сегодня «коллективный Запад» действует по стовору заодно против одной страны — России?

Говоря о Мусоргском, Свиридов отмечал в его музыке прозорливый «грохот разрушающихся царств». Мы сами живые свидетели падения империй. А царства зла разве непоколебимы и вечны? Тогда скажите, в чье всемогущество будем верить: Бога или дьявола?..

* * *

Страница шестидесятичества перевернута. В поэзии, как в зеркале, отразился путь отступничества и соблазнов, подтолкнувший Россию к последней черте. Но только ли эта страница канула в Лету? Не наступило ли время заключительных итогов истории цивилизованного человечества?..

Сдвиг в безвременье начался с череды предательств, прикрывшихся гуманитарными свободами. Для множества людей эти свободы обернулись убаюкивающей тягой к комфорту, для правящих меньшинств — возможностью манипулировать сознанием обывателей в своих интересах. Встречный пал, пущенный в ответ на огонь в сторону России, раздуваемый Западом и Америкой начиная с Югославии, призван уничтожить пожар. Но пока орудия бьют не переставая, трезвый взгляд на грянувшее лихолетье пробивается с трудом. Он придет, как и положено, после событий. Главное, чтобы это «после» наступило.

Владимир ЧИРКОВ

ЖИВОПИСЕЦ МИЛОСТЬЮ БОЖЬЕЙ ВАЛЕНТИН КУКУЙЦЕВ

Искусствоведческие письма

...Хорошая картина равноценна доброму делу.

Ван Гог

Первого января 2022 года исполнилось 100 лет со дня рождения Валентина Васильевича Кукуйцева — крупнейшего живописца советской эпохи. Валентин Васильевич, заслуженный художник РСФСР, коренной сибиряк, родился в селе Кабаклы Чановского района Новосибирской области. Участник Великой Отечественной войны от первого (был призван в армию в июне 1941 года) до последнего дня (демобиловался только в августе 1946 года). В 1949 году поступил в Алма-Атинское театрално-художественное училище им. Н. В. Гоголя. Окончив его в 1954 году, Валентин Васильевич вместе с женой Любовью Алексеевной Зотиковой, выпускницей того же училища, оказались в Омске. Здесь, в бескрайних просторах степного Прииртышья, в поездках по Памиру, Саянам, Средней Азии, старинным городам средней полосы России произошло становление мастера Кукуйцева. Жизнь и творчество молодого живописца, как и его ровесников — художников-шестидесятников, были насыщенными и разнообразными. Об этом можно говорить очень долго, однако, придерживаясь «эпистолярного» жанра, постараюсь компактно изложить основные сюжеты творчества мастера.

Письмо первое.

О профессиональной школе художника

Политически ангажированные граждане знают, что в 1948—1953 годах в нашей стране проводилась «борьба с космополитами». Но нет худа без добра. «Благодаря» ей в Алма-Ату были сосланы профессор Киевского художественного института А. М. Черкасский, график и художник кино из Ленинграда П. Я. Зальцман. «Ссылные» были люди примечательные, их учениками является целая когорта советских мастеров. Самые известные из них — Татьяна Яблонская (Киев), Канафий Тельжанов (Казахстан), Анатолий Никольский (Новосибирск), Николай Третьяков и Валентин Кукуйцев (Омск). Что важно для нашего повествования, Черкасский, Зальцман и иже с ними учили не просто профессиональным навыкам — рисовать, компоновать, пользоваться краска-

ми. Самое главное в искусстве живописи — мыслить с помощью цвета. Кумирами учителей и их учеников на всю жизнь стали французские и русские импрессионисты и фовисты Мане, Ренуар, Ван Гог, Валентин Серов, Константин Коровин и др. Мне посчастливилось довольно долго сотрудничать с В. В. Кукуйцевым*. Валентин Васильевич часто ссылался на слова Черкасского: «Когда изображаемый предмет гармонирует с манерой его изображения, в работе есть стиль, — она становится искусством». Стиль — это высшее достижение в творчестве любого художника, который, как в случае с Кукуйцевым, формировался на сочетании французской и русской школ, в основе которых лежит этюдная практика вкупе с творческими фантазиями автора. Валентин Кукуйцев был не только прилежным учеником профессора Черкасского, но и творчески самостоятельной личностью, грамотно применявшей наставления педагога: «Наблюдения, впечатления и воображение неразделимы в творческой лаборатории художника»**.

Письмо второе. Валентин Кукуйцев среди омских художников-шестидесятников

Уникальный природный дар колориста обеспечил Кукуйцеву особое место в плеяде талантливых шестидесятников. Для полноты картины я их назову, укажу в скобках, где они учились. И мы поймем, какие разнообразные эстетики столкнулись в Омске в 1960-е годы и как при этом художникам было нелегко оставаться самими собой. Итак, это уже известный нам Николай Третьяков, Николай Брюханов (Москва, Иваново, Одесса), Геннадий Штабнов (Пенза), Михаил Слободин (Ленинград), Станислав Белов (Москва), Александра Соловьева (Вильнюс), Анатолий Чермошенцев (Краснодар, Омск). Благодаря иногородним художникам, а также выпускникам омского худграфа (основан в 1960-м ярчайшим представителем школы академического реализма А. Н. Либеровым) в Омске к 1980-м годам сформировалась совокупность эстетик, позднее искусствоведами поименованная как «омский полистилизм». В этой ситуации и в поисках подходов, как точнее и глубже понять творчество живописца, в одну из наших встреч я задал Валентину Васильевичу «школьный» вопрос: «Художник рассказывает о природе в своих произведениях или показывает ее?» На что получил мгновенный, словно бы осуждающий суть моего вопроса ответ: «Я показываю!» Уже одна из ранних работ Кукуйцева, «Китайская айва цветет» (1962), воспринимается как программная. В стилистическом плане «Айва», как и многие другие работы, особенно 1960-х годов, отвечает критериям фовизма. Автор живописным строем картины, интенсивностью цвета декларировал: «Я пришел в мир, чтобы показать, как он прекрасен. Вглядитесь в этот мир, и вы поймете, как велик человек, когда он свободен — свободен как личность, как художник, как творец!» Эти слова «от художника» есть не что иное, как краткое изложение наших бесед.

Поделюсь воспоминанием, оно касается моего здорового любопытства к человеку, прошедшему войну и в то же время не пишущему на военную тему. Зная

* Результатом нашего сотрудничества стала книга: Чирков В. Ф. Валентин Кукуйцев. Живопись. — Омск, 1992.

** Рыбакова И. А. М. Черкасский. — М., 1966. — С. 66.

единственную у Кукуйцева «военную» работу — дипломную картину «Перед вылетом» (1954), написанную по воспоминаниям о службе в авиационном полку, я задал, наверное, стандартный вопрос, что такое война для художника. «Мои картины — это мой ответ: война и искусство — вещи несовместимые». И больше ни слова о войне за все время нашего долгого общения.

Несовместимость войны и искусства стала для меня отправным пунктом в понимании творчества Валентина Кукуйцева и восприятия его как личности. Что же главное для художника Кукуйцева, прошедшего войну? Максимально полное, концентрированное отражение красоты мира — вот исходная точка, отталкиваясь от которой можно говорить о редкостно цельном и высокохудожественном творчестве Кукуйцева.

Для решения столь важной задачи автор стремится к предельной выразительности основных компонентов живописного произведения. В работах 1960—1970-х годов «Китайская айва цветет», «Бухара», «Осенние краски юга», «Могучий дуб» мы не просто видим, но почти физически ощущаем яркие, насыщенные золотисто-желтые, пурпурно-красные, изумрудно-зеленые цвета, положенные на поверхность холста пастозно, корпусно, вязко. Для усиления звучания образа и передачи цвета художник уплощает перспективу пейзажа. Изображение переносится на первый план и таким образом превращается в живописный экран.

В творческом багаже Валентина Васильевича есть небольшой холст «Цветут ирисы». Он кажется принципиальным в эволюции художника: совпадение внешнего (цветущая природа) и внутреннего (эмоциональная готовность воспринимать мир во всей его красе) состояний вылилось в произведение, поражающее своим совершенством. Эмоциональную и образную нагрузку взял на себя цвет: холодным синим сочно смоделированы цветы на переднем плане. Выразительность формы оказалась столь активной, что потребовалось «равновесие» — второй план пишется свободно, нейтрально, эскизно, намеком. Отвлекаясь от приятного лицезрения, начинаешь понимать, что работы этого периода воспринимаются как романтические, возвышенные. Их эмоциональный настрой, их живописный строй передают не только состояние автора — они присущи всем художникам времени короткой хрущевской оттепели.

Не могу не поделиться здесь воспоминанием о короткой встрече со знаменитым красноярским художником-шестидесятником Андреем Геннадьевичем Поздеевым. Узнав, что я из Омска, он со свойственной ему ажитацией воскликнул: «О, у вас Валька Кукуйцев, во живописец, от Бога, таких мало на земле!»

Письмо третье. **О лирических пейзажах Прииртышья** **и поздних натюрмортов художника**

В зрелый и поздний периоды творчества В. В. Кукуйцев работал в основном на природе, в Прииртышье. Образная ткань преимущественно лирических пейзажей Прииртышья точная и емкая. Их эмоциональное состояние, формальное решение можно условно выразить словами «узорная тишина» — поэтическая и музыкальная. Перебираю в памяти работы: «Хлеб убран», «Осенние поля. Прииртышье», «Осенний звон», «Золотая осень», «Весна в Подгородке» и др.

Какой свободы достиг художник в своем мастерстве! Вспомним слова Черкасского: «Наблюдения, впечатления и воображение неразделимы в творческой лаборатории художника». Поздние работы Валентина Васильевича в полной мере отвечают этим словам и отражают творческий метод художника-классика: совершенство рождается из наблюдений и впечатлений (как правило, на этюдах), гармонично переходящих к воображению и воспоминаниям прошлого своего опыта и опыта других художников. Как итог, как вознаграждение пишутся совершенные вещи.

Можно сказать так: в 1960—1970-е годы художник находился в «зависимости» от большого «фовистского» стиля, а в зрелый и поздний периоды автор пришел «к себе» — к пониманию пейзажа как самоценности, которая таится в эстетике самой природы и так органично ложится на природу дарования самого мастера.

В работах позднего периода, кроме того, заметен прежде не встречавшийся содержательный подтекст: едва-едва считываемая драматичность образов. Открытое (далекое) и закрытое (камерное) пространство пейзажей держится на сближенных цветовых отношениях с применением лессировок, импрессионистических приемов света, «размывающего» корпусную фовистскую живопись, что в раннем творчестве Кукуйцева редко встречалось. Художник болезненно переживал катаклизмы времени, которые настигли нас всех в новейшей истории.

Я знаю немало омичей, которых можно назвать счастливыми обладателями натюрмортов Кукуйцева. На зависть другим. Натюрморты Валентина Васильевича не выходят за рамки «даров природы»: цветы, полевое пахучее разнотравье, фрукты, ягоды, грибы. С их помощью художник создает не столько их «портреты», сколько делится ощущениями, впечатлениями, рождающимися от восприятия природы и ее красоты, ее витальной силы.

А вот такие полотна, как «Пионы у окна», «Полевая рябинка», можно назвать торжественными и даже тематическими. Они предназначены быть не просто принадлежностью интерьера, работы повествуют о жизни, ее смыслах. «Летний натюрморт» «расположился» на подоконнике мастерской художника, с видом на Любинский проспект. Вы не можете оторвать взгляд от того, как в вазах фронтально, в ряд, выстроились красивые синие, желтовато-изумрудные, коричневато-зеленые полевые цветы. Их композиционный строгий ритм согласуется с членением городского пространства, открывающегося за окном, а разно положенные мазки краски дают почувствовать состояние благостности, разлитой в мастерской. Автор возвышается над суетной повседневностью и подтверждает свои романтические устремления в жизни и искусстве.

Полотна Валентина Васильевича Кукуйцева, как и работы его современников-шестидесятников, обогатили отечественное искусство уникальными произведениями культуры. Непостижимым непосвященному уму образом эти художники совместили в своем творчестве решение чисто профессиональных прикладных задач с беззаветным служением искусству, обществу, людям.

АВТОРЫ НОМЕРА

Агалаков Александр Викторович родился в Томске в 1960 г. Окончил Томский государственный университет. Филолог, преподаватель, журналист. Работал на руководящих должностях в пресс-службе региональной транспортной милиции. Публиковался в журналах «Звезда», «Новосибирск» и др. Автор нескольких книг, соавтор трех сборников публицистики. Живет в Новосибирске.

Алексеев Игорь родился в 1972 г. в Казахстане, в Карагандинской области. Окончил Кемеровский государственный институт культуры. Работает в сфере дополнительного образования. Публиковался в журналах «День и ночь», «Сибирские огни». Финалист и лауреат ряда литературных конкурсов. Живет в Красноярском крае.

Андрианова Кристина Владимировна — член Союза писателей и Союза журналистов России, кандидат филологических наук. Автор ряда литературных публикаций, в том числе переводной поэзии. Лауреат нескольких литературных премий. Работает тележурналистом и старшим преподавателем Башкирского государственного университета. Живет в Уфе.

Боднарюк Юлия Александровна родилась в 1986 г. в городе Кола Мурманской области. Окончила факультет мировой экономики и международных отношений Мурманского государственного технического университета. Работала журналистом, маркетологом. Автор нескольких романов и сборника рассказов. Печаталась в журналах «Звезда», «Аврора», «Юность» и др. Живет в Мурманске.

Голодяев Константин Артемович родился в 1962 г. во Владивостоке. Историк, краевед. Автор работ по истории города Новосибирска и Новосибирской области, региональной генеалогии, этнической истории региона, протогородской истории. Автор книги «Новосибирск “на ощупь”». Работает в Музее Новосибирска. Живет в Новосибирске.

Казарин Юрий Викторович родился в 1955 г. в Свердловске. Автор нескольких книг стихов и монографий, посвященных исследованию поэтического текста. Доктор филологических наук, профессор. Живет в Екатеринбурге.

Ломовцев Андрей Иванович родился в 1968 г. в Мытищах (Подмосковье). Окончил факультет психологии Московского гуманитарного института, школу трейдеров в Москве, Международную школу йоги в Индии. Зани-

мался предпринимательством. Обучался в литературной мастерской Андрея Аствацатурова. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Волга» и др. Живет в Мытищах.

Лямкин Вячеслав Михайлович родился в 1981 г. в с. Павловск Алтайского края. Окончил Барнаульский государственный педагогический университет и Бийский лесхозтехникум. Работал учителем в школе, слесарем, лесником. Печатался в журналах «Алтай», «Приокские зори», «Сибирские огни» и др. Лауреат литературной премии им. святителя Макария, митр. Алтайского, в номинации «Проза» (2019). Живет в Бийске.

Пешкова Екатерина Сергеевна родилась в 1990 г. в Чите. Окончила факультет экономики и управления Забайкальского государственного университета. Работает корреспондентом регионального телеканала «Забайкалье», занимается переводами. Печаталась в альманахе «Слово Забайкалья», литературно-историческом журнале «Александръ», журнале «Веретено». Член Совета молодых литераторов Забайкалья. Живет в Чите.

Семенова Валентина Андреевна — критик и публицист, член Союза писателей России. Автор книг «Благодаря — а не вопреки» (Иркутск), «Под небом родным и тревожным» (Москва), составитель-редактор справочников и антологий иркутских писателей разных лет. Автор публикаций в журналах «Сибирь», «Наш современник» и др. В 1979—1995 гг. — редактор отдела художественной литературы Восточно-Сибирского книжного издательства. Живет в Иркутске.

Сидельников Павел Андреевич родился в 2002 г. в Тюмени. Учится на юридическом факультете Российского государственного университета правосудия. Выпускник школы литературного мастерства им. В. Крапивина. Публиковался в журналах «Урал», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса» и др. Участник ряда всероссийских совещаний и семинаров. Стипендиат XX Форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья. Живет в Воронеже.

Чирков Владимир Федорович родился в 1947 г. Кандидат философских наук, доцент. Член комиссии по искусствоведению и художественной критике ВТОО «СХР». Автор более трехсот публикаций и научных трудов, куратор выставочных и научных проектов. Живет в Омске.

МАГАЗИН

продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630099, г. Новосибирск, ул. Чаплыгина, 25, тел. (383) 223-10-15

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.рф>

Сдано в набор 18.09.2022. Дата выхода № 10 за 2022 г. в свет 18.10.2022.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,7. Тираж 1500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.